

От автора.

Герой романа – попаданец. Он, что называется, попал. Попал в такую ситуацию, выход из которой практически невозможен. Почему? Да потому, что быть попаданцем – это естественное состояние любого человека. По сути каждый из нас – это житейская катастрофа в миниатюре. Мы очевидные попадосы, с неумной тягой к мелочным отношениям, коммунальным разборкам и серьезным финансовым проблемам. Конец наш предсказуем, но, увы, даже попав на кладбище, большинство из нас желали бы оказаться прахом не в дешевой урне, а в роскошном гробу с плюшевой бахромой. Попаданец сегодня – это диагноз, это род занятий, это еще не рождённый ребенок, который обязательно попадет в наш мир, наполненный литературной действительностью и сказочным реализмом сверх всякой меры...

Андрюс Ли

THE ПОПАДАНЕЦ

Часть первая

Эпизод первый

*Человек не выбирает судьбу,
Человек - это и есть судьба...*

Самолет выглядел как мертвое чудовище, упавшее на землю с другой планеты. Почва вокруг была выворочена и дымилась, лежали поваленные деревья, трещали догорающие кусты вереска, пахло торфяником и гнилой листвой.

Лешка Сухарев отполз от места крушения как можно дальше, привалился к стволу березы и, вытирая грязными ладонями лицо, тяжело отдышался.

Неподалеку лежал кусок покореженной обшивки. За ним высилась спинка пассажирского кресла – изуродованная в клочья. Еще дальше валялся обугленный остов двигателя, деталь шасси и какие-то ящики, усыпанные битым стеклом. Дым разъедал глаза, настойчиво забивал глотку и густыми столбами уносился в темные небеса. Наверху выло и грохотало с такой яростной силой, что, казалось, над Землей работает гигантский пылесос, затягивая куда-то в бездну последние клочья атмосферы. Потом с оглушительным треском вспыхнула нестерпимо яркая молния, озарив небосвод ослепительной вспышкой. Через секунду вдарило громовым раскатом, будто кто-то из всемогущих небожителей вознамерился расколоть планету исполинской кувалдой. Рядом тотчас покосилась высоченная сосна, а затем медленно, с тягучим скрипом, повалилась на землю, шумно хлестнув ветками по густой листве. Наконец небеса разверзлись и сверху забарабанили тяжелые капли дождя.

"Что за напасть... – чертыхаясь, подумал Лешка. – Угораздило же сверзиться в самое пекло и вымокнуть тут до нитки".

Следовало отыскать укрытие от непогоды, чтобы хоть как-то скоротать ночь, однако ничего, кроме широкого лапника елей вокруг не наблюдалось. Лешка забился под полог хвойного леса и, стуча зубами от холода, затих там, словно потерявшийся волчонок.

Утро застало его в луже воды, посиневшим до безобразия. Он с трудом разомкнул веки и еле живой выполз на божий свет.

Снаружи стояла удивительная тишина. Земля медленно источала духоту и влагу, как обычно бывает после шумной грозы. Наверху, среди застывших макушек деревьев, маячило окно чистого синего неба. Где-то там проплывали белые пушистые облака, чуть просвеченные золотистыми лучами солнца.

Лес встретил появление человека настороженно, разве что комары радостно набросились на свежую добычу. Чтобы согреться, Лешка заставил себя сделать несколько быстрых приседаний, а затем вознамерился отжаться на руках, но большая куча лосиного говна, лежащая прямо перед его носом, быстро отменила это намерение.

"Ну что ж... – подумал он с оптимизмом. – Жизнь полна сюрпризов. Я ведь и сам далеко не подарочек".

Подобная философия привела Лешку в прекрасное расположение духа. Не говоря уже о том, что воля к жизни требовала от него решительных действий, а не расслабленных посиделок.

К сожалению, воли кругом хватало с избытком – делай что хочешь, никто не остановит, а вот огромный фюзеляж "Аннушки" был один. Он покоился посреди обгорелого участка леса, словно нелепая диковина, упавшая свыше. Подойдя ближе, Лешка отметил, что носовая часть самолета почти наполовину погрузилась в болото. Точнее не болото, а небольшое озеро, таких под Питером много.

Этот водоем выглядел как потерянная в лесу чаша, доверху наполненная черной водой, над поверхностью которой стелились легкие клочья утреннего тумана.

Со всех сторон эту "безмятежную заводь" плотно обрамляли пышные кусты вербы, печально склонившиеся в застывшую береговую ряску. Пятна гари и обгоревшие деревья предавали этому пейзажу не самое радужное настроение. Было тихо, разве что комары все так же назойливо зудели над ухом.

"Наверное, самолет уже ищут, – подумал Лешка, внимательно осматриваясь по сторонам. – А раз его ищут, то не обойдут и меня стороною".

Ему никто не перечил. Пожалуй, только комары пуще прежнего загудели над ухом.

"Значит так... – живо прикинул он и глянул на наручные часы. – Ставлю свой здравый смысл против штабной армейской бюрократии, что если меня не обнаружат к обеду, то обязательно отыщут к ужину".

Пробираясь к останкам самолета, Лешка отметил длинную многометровую борозду, которая осталась после падения "АН - 24", и слегка подивился тому, что боезапас на борту остался целым и невредимым, а ведь могло бы гроыхнуть таким дьявольским образом, что гигантские кратеры на Луне показались бы тут крохотными воронками.

Будто услышав столь трезвое рассуждение, где-то недалече проснулась кукушка. Щедро отмерив молодому перспективному журналисту из Питера без малого целый век, она внезапно замолчала, словно вспомнила, что люди по обыкновению так долго не живут.

Разбитый самолет смотрелся жутковато. Комья вывороченной земли, обожженная трава и поваленные деревьями окружали его со всех сторон. Крылья покоились неподалеку. Их оторвало напроць, вместе с двигателями и шасси. Они выглядели двумя исковерканными листами металла, нелепо вздыбленными кверху. В одном торчала лопасть винта, намертво, словно лезвие кинжала, вонзившаяся в центр нарисованной красной звезды.

Впрочем, при внимательном осмотре, быстро выяснилось, что корпус самолета оказался куда крепче, чем выглядел на первый взгляд. Он практически не пострадал. Если не считать обширных пятен копоти и длинной прорехи, идущей вдоль нижней части фюзеляжа, то советским инженерам следовало было поставить памятник за столь прочную конструкцию.

* Аннушка – ласковое название самолетов КБ Антонова.

"Да, умели раньше создавать технику, умели, – уважительно подумал Лешка Сухарев. – А сегодня – производство едва дышит, квалифицированные кадры заменены на эффективных менеджеров. Один ширпотреб повсюду. Пальцем ткнешь – развалится".

На месте входного люка зияла здоровенная темная дыра, похожая на рану в теле гигантского животного.

Дыра находилась высоко, просто так не дотянуться, и была заметна издалека. Покореженная дверь валялась на земле, неподалеку от самолета, придавленная поваленной сосной.

Слегка подпрыгнув, Лешка ловко ухватился за кромку люка и, легко подтянувшись, оказался в тамбуре. Здесь он обнаружил несколько сосновых шишек, опаленный огнетушитель и помятый термос с пролитым кофе. Над термосом громко жужжали мухи, пахло гарью, жженной краской и обгоревшим металлопластиком.

Лешка проник внутрь разбитого салона и сразу же направился в носовой отсек – в кабину пилотов.

Идти нужно было по наклонному полу – вниз. Лешка так и сделал. Он осторожно перебрался через груды опрокинутых ящиков, пластиковых канистр и коробок, после чего остановился возле распахнутой двери кабины пилотов. За ней стояла черная вода. В воде, между рулями управления и прожженными спинками кресел, плавали обугленные куски поролона, окурки сигарет, спички, титульный лист "Коммерсанта" и пара размокших фантиков от конфет.

"Слава богу, никого нет... – облегченно подумал Лешка. – Похоже, самолет успели покинуть все нормальные люди, кроме него, разумеется. – Он сделал грустное лицо, но затем улыбнулся. – Но эта как раз хорошая новость, ибо куча трупов явно не скрасила бы его положение. Плохо другое – радиосвязь отсутствует. Передатчик, вероятно, находится там же, где и затопленный нос Аннушки".

Лешка повернул назад и, цепляясь руками за что попало, поперся обратно к выходу. Шаря глазами по сторонам, он заметил раскуроченную коробку с банками тушенки и консервный нож. Рядышком лежала бутылка с лимонадом, пачка печенья и вспоротый кулек с карамелью.

Обнаружив консервы, а также связку копченой колбасы, сахар и запечатанные в полиэтилен буханки хлеба, Лешка неожиданно понял, что в желудке у него давно играет голодный оркестр. В самом деле, жрать хотелось неимоверно. Недолго думая, он уселся на край ближайшего ящика и, взявшись за нож, принялся вскрывать одну из консервных банок. Затем нарезал пару краев хлеба и с наслаждением принялся за еду.

После пачки схрумканного печенья, запитого бутылкой лимонада, мир, наконец, окрасился свежими красками.

"Ничего-ничего, – приободрено подумал Лешка Сухарев, бросая остатки пищи подлетевшим синицам. – Жить можно где угодно, даже после порядочной авиакатастрофы, лишь бы уныние и депрессия не разъели твои мозги прежде времени".

Эпизод второй

*Каждый из нас в чем-то воин,
Только битвы не всякий достоин...*

Ближе к обеду никто за Лешкой Сухаревым не прилетел. Небо по-прежнему было тихим и безмятежным. Наверху все так же неторопливо проплывали красивые белоснежные облака. Если бы не комары, то ждать можно было бы хоть до второго пришествия. Еды в самолете хватало с избытком, вода в Черном озере (название пришло само собой) имела в достаточном количестве, даже подходящий томик с детективными романами в самолете нашелся, не говоря уже о журнале с голыми бабами. Это чтиво с картинками вывалилось из навесного шкафчика в туалетном отсеке, когда Лешка

заглянул туда по нужде. Внимательно изучив журнал от корки до корки, Лешка живо осознал, что без красивых молодых девок в чащобе долго не протянешь.

Чтобы протянуть хотя бы до вечера, Лешка спустился к Черному озеру и, выбрав место для купания, быстро разделся. Ростом он особо не выделялся, но выглядел вполне прилично для крепкого русского мужика: мускулистый, ловкий, поджарый, с отменной реакцией, он мог бы дать фору многим атлетам. А уж его давняя служба в "стройбате" пошла ему только на пользу, поскольку именно в славных войсках "стройбата" ему довелось немало потрудиться, чтобы закалить как тело, так и дух в непрестанных строительных авралах.

Вода была холодная, как лед, однако Лешка без колебаний окунулся в "темный омут озера" с головой и вынырнул только на его середине. Плавал он превосходно, поскольку еще в школьные годы ходил в секцию по плаванию. А уж на факультете журналистики, где он потом учился, его не раз выдвигали на спортивные соревнования по водным видам спорта. Однако выше третьего места Лешка Сухарев никогда не поднимался. "Ленив ты, брат студент... – не раз говаривал ему по этому поводу его бывший тренер, Павел Юрьевич Паланкин. – Если бы не твоя лень, Сухарев, то быть бы тебе олимпийским призером, а не куском обыкновенного белкового желе".

Это была чистейшая правда – Лешка был ленив. Водился за ним такой грешок. Белковым желе не был, но ленью его Господь Бог явно не обидел, тут Паланкин не ошибался. Впрочем, эта лень носила избирательный характер. Она проявлялась лишь тогда, когда приходилось суетиться сверх всякой меры. А Лешка суету не любил, предпочитая покой и тишину более всего остального на свете. "Зачем суетится? – вполне справедливо полагал он. – Зачем дергаться и бегать из угла в угол, словно непоседливый суслик, если против судьбы все равно не погрешь?.. Ведь судьба, как стальной бронепоезд, с похоронной командой на борту. Рано или поздно этот пуленепробиваемый состав непременно прибудет к тебе на поминки. Он отсалюует из всех орудий главного калибра, превращая твое житейское бытие в говеную лепешку".

Искупавшись, Лешка повалился на разогретый бережок и с наслаждением вытянулся. Вокруг шла своя незаметная лесная жизнь, доверху наполненная первозданным смолистым духом, суетой, тайнами и охотой. Краем глаза Лешка отметил рыжий хвост юркой белки, затем шумно, словно пулемет над ухом, застрекотала сорока, и тотчас же стало тихо, как в склепе. Так тихо, что Лешке вдруг стало немного не по себе. Он приподнялся и решил привести себя в порядок. Начал он с одежды. Её необходимо было простирнуть и, конечно, погладить. Мыло, щетки и утюг, понятное дело, отсутствовали, зато имелась озерная вода и горячее солнце - чего еще надо, чтобы сделать свое существование чуточку приятным?..

Прополоскав исподнее белье, носки и пятнистую камуфляжную форму, как следует, Лешка Сухарев старательно разложил мокрые вещи на берегу и подумал о том, что без благ цивилизации всякий городской житель шустро вернется в лоно природы, превращаясь в обезьяну тем быстрее, чем скорее износится его одежда. Кирзовые сапоги он так же тщательно надраил и поставил на видном месте - аккуратно на высоком смолистом пеньке, над срезом которого явно поработал оторвавшийся винт самолета.

Слегка утомленный хлопотами, Лешка снова растянулся на берегу и незаметно сомлел под теплым солнцем. Снилось Лешке странная штука: будто лежит он совершенно голый на холодной каменной плите и смотрит на себя откуда-то сверху. Плита находится на высоком холме. Вокруг лес темный и тишина. Лежит Лешка, вытянувшись во весь свой обыкновенный средний рост, руки сложил на груди. Только в ладонях у него зажата не фи́га с маслом, а рукоять старинного меча. Лезвие у меча широкое, тяжелое и длинное, никак не меньше метра, а то и поболее. Так и лежит себе Лешка, словно воин древний, павший в битве за правое дело с иноземными супостатами, а поверх него меч уложен, давит на грудь, не дает подняться. И стужей морозной от этого меча веет, как от глыбы ледяной.

"Странное дело, – мучительно думает про себя Лешка, – но я же не воин, не богатырь какой. Зачем мне меч? Это воителям меч положен – для дела ратного или для пущей важности, а мне-то он вроде совсем без надобности".

Ничего не понимает Лешка, лежит себе голый на холодной камне и чем дальше лежит, тем больше осознает, что не он это разлегся, не он. Но если не он, то кто же?

А вокруг тьма кромешная, туман да горы высокие стоят. Почему тьма, почему туман, откуда горы высокие взялись? Почему Лешка Сухарев вообще тут оказался - на холме этом, кто ж его разберет? Кто вообще, чего путное сумеет раскумекать в нашей суматошной жизни? Кто на такое сподобиться, если без положенного пол-литра на свете вообще ничего нельзя разобрать?..

Эпизод третий

*Не ищи богов, однако,
Там, где горы яств и злато,
Боги может только с теми,
Кто с народом в одной теме...*

Очнулся Лешка через два часа. Под палящими лучами солнца кожа изрядно покраснела. Он быстро ополоснулся, надел носки, пятнистый комбинезон, влез в сапоги и пошел к самолету. Часы показывали ровно 17-00, среда, июнь, 200... года. Поисковой партии поблизости не наблюдалось, он по-прежнему был один, как пугало в огороде.

"Значит так, – подумал Лешка. – Либо я упал в такое место, куда вертолеты не летают, либо меня уже, наконец, посчитали "посерянным" для общества человеком и сняли с материального довольствия".

Шутка была самокритической, однако настроение было под стать ситуации. Лешка забрался в самолет, прошел в грузовой отсек и принялся активно перебирать "армейское барахло", большую часть которого раскидало по всему салону куда попало. Ему повезло, поскольку он нашел рацию и дополнительный блок питания. Огонек настройки включился, как положено, в два щелчка. Лешка быстренько крутанул ручку настройки, однако в эфире царил полный хаос, ни одного позывного, ни одной работающей радиостанции, только загадочные шорохи, посвисты и хрипы.

"Что за ерунда? – раздраженно подумал Лешка Сухарев. – Чего я здесь сижу?.. Без связи, без нормальной пищи, без пива, без кино, без баб и свежих новостей?"

Лицо его посуровело. Обстановка выглядела странно, эдакая типичная внештатная ситуация. Ежу было понятно, что следовало двигать на поиски ближайшего поселения своим ходом. Тем не менее, покидать груды имущества и кучу бесхозного оружия никоим образом не хотелось. Более того, на подобный случай существовали особые правила, приказы, нормативы и подробные инструкции, содержание которых строго-настрого запрещало любые самостоятельные действия. Только прибытие профессиональной спецбригады позволяло уйти от подобной ответственности на все четыре стороны.

"Поганое молчание, - почесавшись в затылке, подумал Лешка. - Может, с передатчиком что случилось". Он искал другой, но, к сожалению, запасных вариантов связи не наблюдалось. Зато нашелся новехонький планшет с топографическими картами, цветные карандаши, ластик, компас и полевой бинокль. Кроме того, имелся пистолет Макарова, четыре автомата Калашникова, дюжина ящиков с патронами, пара снайперских винтовок, лопатки саперные, десантные ножи, гранаты и один легкий миномет, к которому прилагался комплект осколочных мин. Нашлась так же накладная записка о получении яблочного повидла, а также три кирзовых сапога и новенькие офицерские погоны. Напоследок он обнаружил несколько отечественных фаустпатронов (именно так Лешка называл противотанковые гранатометы РПГ-29) и ручной пулемет Дегтярева. За ними находился большой металлический контейнер с кодовым замком,

обклеенный знаками атомной и химической опасности, поверх которых какой-то недоделанный остряк присобачил наклейки от жвачки с веселыми рожицами Чипа и Дейла.

Что хранилось в контейнере – это Лешку совершенно не касалось: может "афганская дурь", выпотрошенная из карманов таджикских наркокурьеров, а может чего и покруче, включая порцию обогащенного урана, обширный компроматом на высокопоставленное начальство, разнообразная бактериологическую дрянь или останки загадочного инопланетянина. Тут всякое может быть, ибо времена нынче на Руси темные – и кто с каким дерьмом в небе летает, одному богу известно.

"Вот же паразиты чертовы... – ругнулся про себя Лешка Сухарев. – Крысы тыловые. Целый транспортный самолет в Карельский перешеек рухнул, а они и в ус не дуют... Да тут же одного оружия на отборную бригаду террористов хватить". Бери – не хочу, а затем иди и устраивай свою маленькую победоносную войну за религиозные идеалы или независимый хрен с маслом.

Израсходовав положенный запас кабацких ругательств на все сто процентов, Лешка Сухарев вновь перекусил тушенкой, а затем отправился на разведку местности.

Разведку он провел наспех, но по-деловому, как заправский бойскаут из американского кино. Оказалось, что самолет упал между двумя небольшими холмами, густо заросшими ельником и сосной. Холмы тянулись с запада на восток, опоясывая топкие берега Черного озера естественной преградой. Правда, сквозь эту преграду протекал тоненький извилистый ручеек, вызывая острое желание подняться к его истокам. Лес повсюду был глухой, темный, настоящая чащоба, пропасть в котором можно было без особых трудностей.

Исследуя округу, Лешка обогнул озеро и неожиданно вышел на поляну, посредине которой находилось изваяние медведя. Было видно, что этот памятник народного творчества провел здесь немало долгих лет, а возможно и целых веков, ибо изрядная корка грязи, плесени, паутины и мха покрывала его сверху донизу. Неизвестный скульптор заставил хозяина тайги подняться на задние лапы и приготовиться к атаке. Плотно оскалив клыкастую пасть, владыка северных лесов, готовился к серьезной потасовке с другими земными повелителями. По крайней мере, ощущение складывалось именно такое.

"Неплохое местечко для туристического маршрута?.. – подумал Лешка Сухарев и почесался в затылке. – Тут любой городской житель поневоле приумолкнет, когда столь колоритное чудовище будет смотреть на него сверху вниз, как на пустой мусор под лучами солнца".

Покосившись на левый бок, статуя взирала на гостя крайне недобро, будто говорила ему, чтобы он проваливал отсудова поскорее, пока ему кренделей не навалили.

Под ногами хрустнула ветка. Лешка глянул на землю и внезапно обнаружил, что стоит на краю загадочного каменного круга, выложенного из тщательно подогнанных известняковых плит. Статуя медведя находилась в самом центре этого мегалитического сооружения. Ржавый ножик с костяной ручкой, наконечники стрел, полусгнивший берестяной короб с остатками каких-то трав, несколько медных монеток, глиняная площадка, обрывок ткани, крохотный огарок свечи и нитка рассыпавшихся бус, положенных к подножью монумента, дополняли эту картину.

"Так-так... – подумал Лешка Сухарев. – Похоже, я наткнулся на древнее капище, не иначе".

Он скептически хмыкнул, но все же, шутки ради, покопался в нагрудном кармане и прибавил к нехитрым дарам, разложенным на земле, несколько мятых карамелек, из тех, что обнаружил в самолете. Нет, Лешка не был язычником, религиозный дурман – также обошел его стороной. Философия его была проста, как веники. Он был искренне убежден, что в древности, когда люди поклонялись природе, мир вокруг был куда более понятен и ясен, чем сейчас, невзирая на полное отсутствие научных институтов и профессоров. То

есть, отчего зависели, в то и верили – честно и открыто, не затуманивая мозги мифологическими надеждами на Спасителя и его апостолов. Более того, современная жизнь, по сути своей, ничем неотличима от язычества, ибо идолопоклонники переполняют на каждом шагу. Эта публика полагается на удачу и личное обогащение сверх всякой меры. Роскошные авто, кревоугодие и дорогие украшения – вот и весь их внутренний мир, где царит образ Золотого тельца, корыстный расчет и предательство. Души подобных лиц далеки от простых народных заповедей о терпении, бескорыстной любви и покаянии. Им бы в храмы божьи сходить, к вечности прислушаться... Но, увы, и храмы эти построены не для тех, кто грешен или богобоязнен, они возведены для тех, кто собирает мзду с чужих проступков, безволии, трусости или невежества.

Кроме того, Лешка Сухарев был нормальным русским мужиком. А где русский дух – там и язычество, со всеми своими бедами или удачей. Язычество – оно ведь только с виду примитивным кажется, а на самом деле, честнее его на всем белом свете нету. Вот если ты, к примеру, темными делами где промышляешь, тогда и сам – тьмой накроешься, и конец твой темным будет. Ну а тому, кто на свет солнца идет, к тому дерьмо не пристанет, само на хер отвалится, лишь бы совесть твоя не зачерствела в погоне за мирскими благами и могла отличать правду от ложных наветов. И тут уже нам и сам Магомет не указ, и Папа Римский – не батюшка".

Одарив лесного хозяина сладкими изделиями далекой кондитерской фабрики имени Бабаева, и сделав, таким образом, благое дело, Лешка Сухарев, как всякий путевый язычник, неспешно повернул восвояси и, покинув поляну, пошагал по едва заметной тропинке, куда глаза глядят. А глаза у него глядели исключительно вперед, без каких-либо опасений на жестокие превратности мира и равнодушную красоту природы, ибо честному человеку нечего бояться на своей земле. Именно поэтому, прошагав чуть более трех-четырех километров, он не заметил, как по его следу крадется лихая темная личность.

Эпизод четвертый

*Действительность - это только маленькая часть неприятностей,
а неприятности - это только маленькая часть действительности...*

Крепкого удара по затылку Лешка не почувствовал. Просто в башке у него внезапно раздался оглушительный грохот, ослепительно вспыхнул ядерный взрыв, и мир разом отключился.

Когда Леха очнулся, над головою ярко светили звезды, пахло дымом от костра. Костер горел рядышком. Лешка лежал близко к огню, и запах раскаленных углей настойчиво лез ему в глотку. Над костром нависала узловатая рогатина. На эту рогатину была насажена аппетитная тушка зайца – румяная и сочная, только пива к ней не хватало. Через миг зайчатина величественно поднялась к небу и медленно полетела по другую сторону костра. Там располагался здоровенный мужик в поношенной хламиде и весело скалился. Роба у мужика густо заросла бородой, пожалуй, только колючие глаза и крепкие белые зубы говорили о том, что это живой, натуральный человек, а не мохнарылое чудовище.

– Ну што, мил человек, очнулся ужо, али как?

Речь у мужика была непривычная, чуть окающая, басистая и тягучая, как будто мужик только и делал, что всю свою сознательную жизнь работал главным запевалой в церковном хоре. Лешка попытался сесть, но тотчас же уяснил, что руки у него крепко связаны за спиной. Секундой позже дала о себе знать голова, ибо затылок трещал немилосердно.

– А ты меньше дергайся, людина залетная, – благожелательно пробасил незнакомец. – А там глядишь – и в башке твоей лишнего перезвона поубавится,

Только тут, Лешка запоздало скумекал, что является пленником этого бородатого верзилы.

Лешка присмотрелся к нему еще раз.

– Ну, так я тебя снова спрашиваю, чудило... – почти душевно протянул бородач, аппетитно чавкая зайчатиной, – как твоя головушка-то, не звенит там, как храме на пасху?

Лешка молчал.

– Ежели не болит, тогда давай говорить с тобою станем... К примеру, кто ты таков есть, мил человек? Откуда будешь? Чего у святого места поделывал, ежели на роже у тебя написано, что ты нездешний, а приблудившийся горемыка?

– Журналист я, – чуть скривившись от боли, ответил Лешка. – Вместе с самолетом упал.

– Да ну?! – мужик удивленно зацокал языком и сделал сочувственную будку. Было видно, что он весьма скептически настроен к любому Лешкиному слову.

– Я правду говорю.

– Праа-вду!.. – протянул мужик и сделал хитрющие глаза. – Вот оно как получается. И откуда ты с таковой правдой, говоришь, явился-то?

– С неба?

Ответ выглядел подозрительно курьезно, как неуместная шутка в офисе городского морга.

– С неба, значит... – рожа у мужика вмиг стала суровой и крайне неулыбчивой. Он отложил в сторону недоеденную зайчатину и взял в руки увесистую суковатую дубину.

Лешка произвольно отшатнулся, остро чувствуя, что с ним сейчас будут разговаривать по-другому.

Чтобы оградить себя от свежих телесных повреждений, он сглотнул слюну, а затем принялся убежденно разъяснять бородачу, что упавший самолет находится рядом, в трех верстах, не более. Кроме того, вероятно там, у места падения "Аннушки", уже толпится целая куча спасателей, желая выяснить, куда именно подевался опытный военный борзописец Алексей Владимирович Сухарев? Дескать, что же с ним такое стряслось? Куда же он, в конце концов, умудрился отвалить, если кругом полным-полно армейского харча, а в качестве пикантного десерта имеется истрепанный порнографический журнальчик?

Про журнал Лешка ввернул машинально, но все остальное являлось самой чистой правдой.

Выслушав пленника, бородач нахмурил брови. Было видно, что рассказ Лешки Сухарева его ничуть не впечатлил.

"Тупой он, что ли? – с тоской подумал Лешка. – Я ж ему вполне четко дал понять, что меня непременно станут искать. Точно ищут, вне всяких сомнений. Дескать, есть в здешнем буреломе такое невезучее место, куда несколько часов назад опустился тяжелый транспортный самолет АН 24. Опустился он прямо на брюхо, то есть отбросил на хрен крылья и с грохотом упал в местную глухомань. При этом самолет проделал в лесу стометровую дорожку, чтобы навечно окунуться железной кабиной в Черное озеро. На борту этого сказочного транспортного устройства, помимо экипажа, находилось тридцать три здоровых парня, а с ними дядька – майор Черноморов. Вся компания являлась группой СПЕЦНАЗа. Бойцы имели при себе кучу различного оружия, включая "фаустпатроны" и ручной пулемет. Задача, которая перед ними стояла – покрыта штабной тайной. Но, увы, сильный атмосферный циклон спутал их планы, и кто из них, и где сейчас кукует, ведают только те, чьи уши способны расслышать оглушительный мат майора Черноморова в этом трижды гребанном районе".

– Это все? – уточнил бородач.

– Ага, – буркнул Лешка. – Я только помню, как ребята покидали салон. А мне вот не повезло. Меня швырнуло в проход, словно куклу, и последнее, что я видал, была крышка выходного люка, твердая, как бочок унитаза.

– И чо же тебя спасло-то, а, паря? Твой болтливый язык, не иначе...

Лешка Сухарев пожал плечами. Что могло его спасти в подобной обстановке? Только то, что может спасти любого крепкого мужика, а именно: его бедовая черепная коробка и чуток адского везения. Впрочем, постарались, вероятно, и ангелы хранители, чье незримое присутствие всегда на стороне тех, кто способен шустро перебирать конечностями, а не полагаться на слепую удачу и прочие inferнальные чудеса. Если подобных фактов недостаточно, то выжил он исключительно за счет своих высоких моральных качеств, а также житейскому опыту и осколкам отечественного воспитания. Кроме того, сильно выручила неукротимая воля к жизни, не говоря уже о светлой любви к белобрысой девочке Наде, трогательные воспоминания о которой сохранились у него с первого класса советской средней школы. Школа вообще оказала на него огромное влияние, дав ему прекрасное образование еще в те безоблачные времена, когда поганое слово "Перестройка" могло присниться только в самом страшном сне и только тем идиотам, кто мечтал о развале своей могучей страны едва ли не с пеленок...

– Это все, что хотел мне поведать, малахольный? – поинтересовался бородач.

– Могу повторить, – сходу отозвался Лешка.

– А ну ко, изволь!

Изложив свой рассказ еще раз, только красочнее и бойчее, Лешка Сухарев с надеждой глянул на туповатого слушателя и немедленно сообразил, что бородач ему явно не верит. Он был мужик тертый и повидал в жизни всякого прохиндея, но такого отпетого брехуна, как Лешка Сухарев – лицезрел, пожалуй, впервые.

– Значит, с неба ты сверзился?.. – раскатистым басом подытожил он, шумно почесываясь в затылке.

– Типа того, – бесхитростно брякнул Лешка и даже попытался перекреститься. – Вот те крест, не брешу!

– И как же тама на небе живется, а, мил человек? Кормят-то хорошо?

– Не знаю, я в меню не заглядывал...

Бородач глянул на Лешку Сухарева с явным сочувствием, как на больного, разум которого помутился от постоянных житейских передряг. Затем отложил свое увесистое орудие в сторонку и вновь принялся за жаркое. Впрочем, жрать питерскому журналисту он не предложил, видимо рассудив, что его собеседник явный пустомеля, а может и лиходей упертый. А ежели оно так, то, стало быть, переводить всякую приличную пищу на подобную человеческую особь большой грех и убыток.

Эпизод пятый

*Жизнь всегда короче, чем хотелось бы,
И всегда длиннее, чем предполагается...*

На рассвете, когда костер едва дымил, из утреннего тумана показалась пятерка толкинистов. Они появились внезапно, словно сказочные партизаны из страшной сказки. Все выглядели как на подбор – рыжебородые, высокие, кряжистые, широкоплечие, с повадками матерых убийц. С их появлением даже комары вокруг перестали звенеть. К тому моменту Лешка уже почти развязал путы на руках, но присутствие этих воинственных ребят резко изменило его планы. Он сразу же решил, что это именно толкинисты. В последнее время их много развелось на святой русской земле. Все они чуть ли не с детства прониклись святым духом отца Толкина и буквально наяву грезили босыми хобитами, эльфами и прочей волшебной фигней.

Одеты толкинисты были вполне под стать своему мифологическому увлечению. Лешка живо отметил добротные сапоги, кожаные панцири, небольшие круглые щиты, длинные широкие мечи и навороченные рогатые шлемы. Пожалуй, только у одного парня не хватало приличных доспехов. Он был явно недоволен этим обстоятельством,

поскольку короткая дырявая кольчужка, узловатая палица и медный шишак на макушке никак его не красили. По всем прикидкам такой наряд плохо сочетался с мужественным обликом истинного воина, посему лик парня был мрачен не по-детски. Зато у другого, самого высокого и здорового бугая, имелась тяжелая боевая секира – красивая, с удобной резной рукоятью и медными окантовками, словно подарок небес.

Лешка огляделся по сторонам – бородача в хламиде и в помине не было. Вроде бы он только что лежал тут, прямо напротив Лешки, накрывшись волчьей шкурой, а теперь его и след простыл. Впрочем, разбираться с тем, куда подевался бородач, толкинисты не стали. Один из них подошел к Лешке вплотную и лениво пнул его ногой. Заметив, что у Лешки связаны руки, он одобрительно хмыкнул и снова врезал ему сапогом под ребра. При этом он что-то сказал своим широкоплечим компаньонам, и те засмеялись. Язык у них был чудной, но явно далекий от языков Средиземья. Он напоминал финский или шведский, Лешка не придал этому особого значения. Балуют мальчики, ну и пусть себе балуют.

Однако вели себя мальчики более чем странно. Недолго думая, Лешку поставили на ноги, затем накинута на шею петлю и грубо поволокли в неизвестном направлении.

Если бы у Лешки были развязаны руки, то "шутки" brutальных гостей могли бы обернуться очень серьезными неприятностями, а так пришлось делать то, что велели. А велели немногое, – всего лишь идти, куда ведут, и при этом смиренно помалкивать в тряпочку. Правда вначале Лешка возмутился, даже пару крепких слов сказал о поведении тех, кто мнит себя доморощенной ватагой мифологических воителей, но ему быстро заткнули рот богатырским ударом в зубы, после чего проверили надежность узлов на запястьях, и сильным пинком под зад, указали пленнику нужное направление.

Шагали минут двадцать, проворно оставляя за спиной солнце, разбитый самолет и прошлую жизнь. Потом вышли на большую поляну, заросшую высокой травой. Трава мягко шелестела под ногами, цеплялась за обувь, словно пыталась задержать путников.

Вскоре остановились возле скорчившейся фигуры, над которой жужжали мухи. Человек был связан, как и Лешка и едва дышал. В глаза бросалась глубокая колотая рана на левом боку. Все вокруг было залито кровью. Самый высокий из толкинистов, повел себя как заправский мясник. Он без раздумий взмахнул секирой и зарубил несчастного, словно свинью. Другие варяги не перечили супротив такого поступка, они как будто играли по-взрослому, видимо рассудив, что несчастного пленника проще отправить на тот свет, чем возиться с подобной обузой. После чего направились дальше,

Столь хладнокровное убийство потрясло дипломированного журналиста Алексея Сухарева. Боле того, у него вдруг капитально заклинило мозги. Вероятно, именно поэтому молодой военный корреспондент Алексей Владимирович Сухарев, работающей в дивизионной газете "На страже родины" рядовым летописцем, не заметил, как упал первый ряженный вояка. Однако следующий, тот, что набросил ему на шею петлю и тащил за собой, как послушную скотину, шумно свалился к его ногам. Из глазницы парня торчало оперенное древко стрелы.

Разумеется, остальные бойцы резво сыпанули в стороны, только Алексей Владимирович Сухарев, как истинный идиот, остался торчать посреди открытого места.

Лес вокруг стоял молчаливый, настороженный. Затем тоненько свистнула стрела, и в траве - за спиной у Лешки Сухарева кто-то болезненно захаркал кровью, явно отчаливая на тот свет.

Ничего не соображая, Лешка шагнул влево и, зацепившись ногой за корягу, грузно повалился лицом вниз. Жлобьяра с секирой тотчас же схватил Лешку за ворот и мигом поставил его обратно на ноги.

Со стороны леса вновь, зло и беспощадно, просвистела каленая стрела. На сей раз досталось парню в короткой кольчуге. Он как-то по-детски взвизгнул, после чего рванулся к спасительной кромке леса не хуже зайца. Из плеча у него торчало оперенье стрелы, обгаренное кровью. Другая стрела вонзилась ему прямо в затылок и пробила череп

насквозь. От неожиданного удара бедолагу бросило вперед, он сделал пару неверных шагов, выдохнул воздух и безвольным кулем осел на землю.

Теперь остался последний ряженный громила, криминальные поступки которого требовали очевидного отмщения. Этот детина мигом приставил к Лешкиному горлу лезвие кривого ножа, а затем, прикрываясь пленником как щитом, медленно, двинулся к лесу.

Таким образом, они почти достигли деревьев, осторожно пяясь к спасительному укрытию. Кромка леса была рядом – рукой подать, когда на поляну вышел давешний бородач. В ладонях он держал короткий тугой лук. Кроме того, на поясе у мужика висел добротный стальной меч, а не монашеские четки.

Не делая никаких резких движений, бородач демонстративно положил лук на землю, после чего вытащил меч из ножен и замер в выжидательной позе.

Язык жестов толкинист понимал блестяще и на предложение бородача ответил без лишних колебаний. Он небрежно оттолкнул Лешку Сухарева в сторону и уверенной походкой направился к противнику. Нож при этом он по-хозяйски спрятал за голенище, а в руки взял оружие под стать собственной личине и персональной удали.

Они схлестнулись стремительно и яростно, добрый меч против тяжелой зазубренной секиры, ловкость – против слепой силы, лютая злоба – против выдержки и мужества. Орудовал толкинист своим увесистым боевым топором более чем сноровисто. Только ловкие уходы бородача с линии атаки спасали его от неминуемой смерти. Он держался хладнокровно и стойко, движение его были точны и выверены вплоть до мелочей, а дыхание ровным и глубоким, как у младенца. Бородач был внимателен и собран, чего нельзя было сказать о толкинисте. Этот brutальный вояка буквально обезумел от гнева, чему явно способствовали трупы его товарищей.

Наблюдая за поединком, Лешка без труда сообразил, что бородач более чем опытный боец. Но даже самым опытным иногда не везет: Бородач споткнулся о камень и едва не упал на землю. Толкинист тут же набросился на него, оглашая окрестности яростным ревом. Однако бородач не растерялся. Он отбросил меч в сторону и, нырнув под летящее лезвие топора, схватил громилу за ноги, пытаясь опрокинуть его на спину. Теперь воины катались в траве, хрипя от натуги и норовя выдавить друг другу не только зенки, но и последние крохи разума. Высоченный скандинав умудрился подмять противника, затем цепко сдавил его горло мозолистыми пальцами и принялся душить со всей мочи. Бородач выкатил бельма, страшно сопел, как боров, но не сдавался.

Дело шло к развязке, ибо толкинист был силен, его преимущество в росте, его длинные руки, его неподъемная туша, давали о себе знать.

И тут Лешка опомнился. Будто наваждение сошло с него. Несколько быстрых шагов, удар ногой в голову и мгновенный отход назад.

Удар был сокрушительный, в духе Брюса Ли, когда он бился с Чаком Норрисом в фильме Путь Дракона.

Получив по кумполу, толкинист охнул, а затем закатил глаза к небу и, будто в замедленной съемке, тихо повалился грязной мордой в землю. Бородач, шумно дыша, отпихнул его в сторону, проворно вскочил на ноги и живо поднял с земли брошенный меч.

Эпизод шестой

*Кто сильнее всех на свете –
В темноте или на рассвете?
Должен знать любой мудрец,
Там, где смерть, всему пиздец...*

Это было настоящим потрясением. Нет, Лешка много раз видал, как убивают людей. Более того, он видел, как убивают людей толпами, деревушками, городами и даже

целыми планетами. Но он видел это в кино, на белом экране, а наяву – никогда. Здесь же, в этом гребанном лесу, его нежданный спаситель не стал медлить ни единой секунды. Он жестко и точно всадил меч в самое сердце врага, так, как будто проделывал это множество раз. Его противник дернулся, захрипел, непроизвольно схватился за острый клинок и затих. На груди у него медленно расцвело большое кровавое пятно. Затем этот странный бородач так же буднично обошел остальных толкинистов. Убедившись, что все они мертвы, он шустро снимал с них наиболее ценные вещички, и только тогда неспешно подошел к Лешке Сухареву. Свой меч он старательно вытер о траву и аккуратно вставил обратно в ножны.

– Ну, чего, мил человек... – очень буднично, почти по-свойски сказал он, словно и не было никакого боя и поверженных противников. – Похоже, у тебя с варягами разговор короткий будет, как у всякого нормального человека. Так откель ты тутова такой взялся, а?.. С виду вроде варяг, но не варяг – это точно... Тут тебя кто угодно распознает. Снаряжен, к тому же, не по-ихнему... Чудно снаряжен... Одежка пятнистая вся, как кожа у лягухи. С какого же краю ты тогда сюды заявился, а, паря?

Лешка стоял чуть живой от увиденного. Тогда бородач обошел его сзади и молча разрезал путы на руках.

– Будешь шалить, чудило, прибью... – слова упали тихо, словно в омут, но за ними стояла истинная правда.

Лешка машинально кивнул. Если здесь принято убивать друг друга без лишних разговоров, то самое лучшее в такой драматической обстановке попридержаться свое житейское мнение при себе. По крайней мере, до полного выяснения ситуации.

– Вот и славно, – донеслось в ответ, будто его мысли были досконально прочитаны.

Пока Лешка растирал запястья, бородач подобрал свой короткий тугой лук и, не говоря ни слова, повел спутника назад – к ночной стоянке, где оставались пепел и зола вчерашнего костра. Лешка при этом тащил оружие и доспехи, добросовестно снятые с убитых толкинистов.

Вернувшись, они выбрали уже знакомую Лешке дубину и какой-то тяжеленный холщовый мешок, набитый черт знает чем. В этот мешок так же попадала малая часть варяжских доспехов. Ну а то, что не уместилось, сходу закопали возле высокой приметной сосны, аккуратно придавив тайник приличным камнем и горстью сухих листьев.

Когда покончили с этим делом, мужик повернулся к Лешке.

– Тепереча так, паря... – без тени улыбки сказал он. – Если хочешь жить, то будешь делать все, что я велю, а нет – тогда вали отседова на все четыре стороны, пока у тебя ноги еще на местах имеются. Понимаешь, о чем я тебе тут толкую?

Лешка, ясное дело, понимал. Чего уж здесь не понять, тут и полный недоумок сообразил бы, что когда находишься в компании явных убийц, то нужно не ерепениться и держать рот на замке, делая вид, что понимание и способность соглашаться с любым идиотским предложением – это твоя вторая натура.

А далее бородач поведал вот о чем: оказывается, тех молодцов, что они давеча оставили на поляне, скоро найдут. И найдут их куда быстрее, чем на небе появятся звезды. А когда их найдут, то обязательно будут искать и того, кто с ними покончил. Причем будут искать до тех пор, пока не разыщут. А уж разыскав, обязательно забьют до смерти, правда, вначале выпустив ему все кишки наружу.

– Да кто их искать-то будет? – брякнул Лешка. – Менты что ли?

– Какие еще менты, малахольный?! – басом, прозвучало в ответ. – Родичи их разыщут! Твари басурманские!

Лешка недоверчиво оглядел бородача. Может он все же чокнутый?.. Но, нет, похоже, этот чувак говорил вполне серьезно. Его глаза смотрели открыто и честно, будто ждали от Лешки чего-то важного, будто он сам сейчас признает, что привычный мир вокруг него чуть сдвинулся с места и, набирая полные обороты, загремел куда-то под фанфары.

– Чего пялишься, чудило! – гаркнул бородач. – Шевели копытами!

И Лешка зашевелился, поневоле убеждаясь в том, что, в настоящий момент времени, здесь происходит нечто противоестественное. Ну, в самом деле, не должно быть так, чтобы нормальные путевые ребята, последователи старика Толкиена, босых хоббитов и чудесных эльфийских песен, убивали и уводили в плен абсолютно мирных людей. Ну не должно этого быть, не должно – и все тут. В любой ролевой игре, пожалуйста, кончайте друг дружку за милую душу – шутя, понарошку, а по настоящему-то зачем?.. Бородачу с луком также полагалось быть у себя в книжке, а не здесь. Тем более что здесь, этот странный тип убивал людей похлеще иного варвара, прибежавшего на покорение чужеземного народа.

Пока Лешка осмысливал ситуацию, началось уже нечто совершенно невообразимое. Где-то далеко-далеко вдруг затрубил рог. Затрубил он тягуче, как на поминках. Бородач моментально преобразился, чутко втягивая воздух мясистым носом. Лешка живо смекнул, что трупы варягов, очевидно, уже нашли. Рог протрубил вновь, затем еще разок и чуток поближе. Морда у мужика приняла суровое выражение. Он напоминал бомжа, почуявшего, что его сейчас станут "метелить" почем зря.

– Уходим, паря... – рявкнул он Лешке и ломанулся в чащобу, словно матерый лось, которому вставили под зад каленое тавро.

Пришлось ломануться вслед за ним без оглядки.

Минут через десять они выбежали к небольшой речушке. Речушка была мелкая, и пахло от нее родниками и сырым мхом. Вода текла быстро, бурлила на перекатах, шустро перекатываясь через гладкие широкие валуны. Да, видимо, бородач знал, куда надо бежать, ведь лучшего места для запутывания следов, чем река, вряд ли найдешь.

– Чего стоишь, раззява?! – крикнул он Лешке. – А ну-ко подмогни с мешком!

– Ага...

– На раз и два! – гаркнул бородач.

Они раскачали мешок с пожитками и швырнули его вниз по течению. Лешка, было, рванулся следом, но получил крепкую затрещину по затылку и услышал матерное наставление, что бежать надобно в противоположную сторону. Разумеется, Лешка так и сделал. Краем глаза он успел заметить, как мешок зацепился за проплывающую корягу и поплыл вместе с нею, хрен знает куда. Оба беглеца пробежали чуть более двух километров и, тяжело дыша, остановились. Рог протрубил снова, еле слышно. На это раз где-то внизу по течению речушки.

– Шустрые, однако, ребятки, – прохрипел бородач. Он заткнул свою хламиду за пояс и стал похож на толстую бородатую бабу, задравшую широкую юбку посреди лесной глухомани. Голые ножищи мужика, густо заросшие черными волосами, казались двумя надежными столбами, между которыми болтались длинные ножны меча.

Довольно скоро рог протрубил еще раз. Теперь он звучал яснее прежнего, напоминая о том, что движение – это жизнь, а не наоборот. Лешке показалось, что тягучий звук стал намного живее и наполнялся радостными нотками.

– Мешок явно выловили... – презрительно ухмыльнулся его загадочный спутник. – Любят они в чужих шмотках копать... Любят, паразиты... Натура у них такая пакостная – в иноземных краях добро у людишек отымать... Без этого ни дня прожить не могут...

– Было бы чего брать, – хмыкнул Лешка.

– А ты языком-то не шебурши, Емеля... Берут только те ухари, кто своего никогда не умел создавать. Правда и чужое им также впрок не пойдет, ибо, когда своего добра честным трудом не нажито, то и чужого не жалко. Одно слово – нехристи, чурки стоеросовые – чего с них взять-то, коли боги им ни ума, ни души праведной, ни сердца любящего – не дали...

Эпизод седьмой

*Все мы дичь, или чья-то добыча,
Кто-то чет, а кто-то вычет...*

Когда беглецы удались от места ночевки километров на пятнадцать, а может быть и поболее, солнце клонилось уже к закату. Вначале они шлепали по реке, потом река сузилась до размеров жиденького ручейка и пропала в болоте.

По мнению бородача, выходило так, что лучшего места от погони, чем обширная чавкающая топь, на свете попросту не сыскать. Более того, каждому путевому человеку тут самое место. Он так и сказал Лешке Сухареву:

– Болотина – это, паря, очень даже полезная штука. Потому как в хорошем справном болоте можно переждать любую вражью опасность.

"Ага, – тотчас же подумал про себя журналист Лешка Сухарев. – Конечно, любую... Любую, кроме самого болота".

– Да ты не бойсь, чудило, – успокоительным тоном молвил его спутник, после чего двинул в самое сердце топкой жижи. – Со мной не пропадешь...

Вскоре Лешка понял, что бородач знает куда идти. Причем, знает не только куда идти, но и как идти. Он выбирал такие кочки и такие, одному ему ведомые места, ступая по которым, Лешка Сухарев чувствовал себя абсолютно уверенно.

Таким образом они углубились в самое сердце зыбких топей без приключений. Разве что выпачкались и вымотались до такой степени, что походили на двух болотных кикимор. Но самой страшной мукой являлись комары. Их были миллионы, миллиарды крохотных вампиров. Эти кровососущие легионы дружно атаковали двух приبلудившихся беглецов. Если бы не островок, внезапно появившийся посреди булькающей воды, вонючих газов и грязи, то мириады насекомых съели бы их без остатка.

Однако островок появился весьма кстати. Бородач первым выбрался на его твердую почву, а затем помог выбраться и Лешке.

Вскоре обнаружился небольшой аккуратный шалашик. Даже издали было понятно, что это болотная резиденция бородача, а не дворец Гарун аль-Рашида.

Шалаш выглядел скромным лесным храмом, оказавшимся на отшибе цивилизации по воле небес. Места внутри, конечно же, было маловато, но зато ни один комар не мог пробраться сквозь плотную завесу из веток пахучего лапника. Этот лапник лежал и торчал отовсюду. Он устилал земляной пол, торчал сверху, сбоку, спереди и сзади. Лешка тотчас же рухнул лицом в эту густую подстилку и блаженно расслабился. Сон пришел к нему сам собой, практически незаметно. А вместе с ним навалилось и кошмарное беспомыслие.

Во сне, ясное дело, за Лешкой бежали толкинисты. Их было очень много, целая армия отборных поклонников ролевых игр, ряженных в самые немыслимые одежды. Они орали и голосили как сумасшедшие. Когда Лешка, наконец, выдохся и упал от усталости, над ним склонился убиенный давеча варяг. Страшно коверкая русскую речь, этот громила поведал ему о том, что питерским журналистам тут делать нечего. Дескать им здесь не место.

"А где тогда мое место?" – хрипло глотая воздух, отозвался Лешка.

"Там же, где находятся все места для избранных!" – заржали толкинисты.

"Это где?!"

"В болоте реальной жизни!"

"Ха-ха-ха!.."

"А разве я избранный?!"

"На свете неизбранных не бывает, урод питерский!.. Только одних это не касается, а другим неведомо!"

"А вам, значит, ведомо?!"

"Нам все ведомо! Нам об этом Толкиен все рассказал, мать его за ногу!"

"Тогда вот вам все ваши ведомости!"

После таких слов появился бородач. В руках у него находилась сучковатая дубина эпических размеров. К тому же дубина оказалась говорящая и чрезвычайно не любила толкинистов. Правда, говорила она однообразно, но весьма внушительно. Раз, два – и нет десятка-полтора уродов, три, четыре – и навеки заткнулась еще одна чертова дюжина сказочных отморозков – все вбиты в мать-землю по самые брови, только макушки торчат из почвы, как грибы после дождя.

В конце концов, когда грибов стало гораздо больше, чем положено в каждом разумном сне, Лешка перестал их считать, и открыл глаза.

Вокруг стояла непроглядная ночь. Рядом храпел бородастый мужик. Причем храпел на все болото. Он лежал на спине, и дышал как паровоз, загнанный в тупик. Тогда Лешка выполз наружу и с неожиданным чувством большого облегчения убедился, что мир вокруг все еще существует. Что характерно, конкретность мира освещалась бледным диском луны и пахла торфяником. А в качестве жизнерадостной озвучки присутствовал неумолчный звон комаров.

Мужик позади, сызнава всхрапнул, шумно поворачиваясь набок. Под этот храп с неба упала звезда и Лешка мигом пожелал проснуться утром в привычной реальности.

Эпизод восьмой

*И был я белкой в колесе,
бежал куда-то, как и все...*

Поднялись довольно поздно, едва ли не к полудню. Затем привели себя в порядок и быстро позавтракали. Кушали в основном сушеное мясо, нечто вроде пемикана, только без ягод. Бородач достал съестное из небольшого берестяного короба, припрятанного в дальнем углу шалаша. Мясо было немного, но его вполне хватило, чтобы утолить голод. Там же имелся бочонок с медовухой. Впрочем, наполовину пустой. Видимо хозяин уже не единожды прикладываться к нему. Может, оттого и храпел беспечно на всю Вселенную, когда ночь стояла вокруг. За едой выяснилось, что зовут бородача Лука. Лука медвежатник из рода Правдорубов. Бородач сказал это с необыкновенной гордостью, дескать, будешь смеяться, то я тебя немедля прибью, да не абы чем, а уже знакомым тебе инструментом.

"Что ж, – подумал Лешка Сухарев, – Лука так Лука". Может даже Мудищев. Кто его знает, но ведет он себя, как полный мудака. Хотя, конечно, не один он тут с ума сбрендил. Этот лес, похоже, доверху полон истинными мудаками-правдорубами, готовыми убивать друг дружку по малейшему поводу.

Услышав, что Лешку кличут Лешкой Сухаревым, Лука долго пережевывал незнакомое словосочетание, после чего обозвал Лешку натуральным Лешаком.

– Лешак ты, чудило... – сказал он. – Леший вестимо, однако с говницом городским, ибо по болоту ходить не умеешь.

Потом Лука начал говорить о том, что с болотного острова им нужно убираться как можно скорее, потому что, во-первых, с едой здесь туговато будет, а во-вторых, варяги все одно сюда доберутся. Упорные они, словно мухи навозные на столе с караваем. Уж если добычу почуяли, то обязательно к ней припрутся. Отсюда выходило, что двигаться им следовало к Шанге.

Ху из Шанга Лешка не понял, а скорее догадался. Шанга – это деревушка или поселок местный. Словом, населенный пункт.

С такой новостью окружающая действительность приобрела свежий оттенок. Причем вполне оптимистический, учитывая череду последних событий. Подобная информация означала конец беготне, конец убийствам, каюк странностям и нелепым незнакомцам.

С едой разделались быстро. С медовухой еще быстрее. Жаль, что её было мало, но оставлять её варягом Лука ни за что не захотел. Затем снова шагнули в болото и почапали на северо-запад. Комары, понятное дело, тотчас же составили им компанию.

Шли долго, вымотались страшно, но только таким образом, преодолев безмерное количество топких мест, выбрались на пологий берег. Затем ходко углубились в лес. По дороге Лука из рода Правдорубов пояснил Лешаку, что в Шанге можно легко затеряться среди людей.

– Ежели дойдем, конечно, - сумрачно сказал он. – Ну а ежели дойдем, то нас там ужо никто не достанем, руки больно коротки будут.

Лешка не возражал. Ему бы только к ближайшему телефону дотянуть, а там ему уже никакой варяг не страшен.

К чистой воде вышли к исходу шестого часа, а то и семи. Перед ними расстилалась гладь большого озера, противоположный берег которого Лешка едва разглядел. Тутова решали почиститься и немного передохнуть. Одежку поснимали, окунули в воду и, как могли, наспех постирались. После "постирались" сами, с немалым удовольствием смыв с себя болотную грязь и тонны пота.

Обсушившись и передохнув, направились дальше.

Шагали молча, слов на ветер не бросали. Впереди Лука Мудищев, позади Лешка Сухарев по кличке Лешак. Ближе к ночи набрали на заброшенную землянку. Для ночевки место было вполне подходящее, но если варяги застанут их здесь, то выход отсюда будет только один – напрямиком на небо.

На небо Лука, видимо, не торопился, но зато спать хотел, как и все люди. Рассудив, что двум смертям не бывать, решили устроиться на ночлег. Забились внутрь неказистого сооружения и заснули, словно сурки. Спали, впрочем, беспокойно. Утром, чуть рассвело, отправились далее. К полудню очутились на дороге. Дорога была узкая, две телеги едва разойдутся. Лешка обрадовался этому явному признаку цивилизации. Обрадовался, как малое дитя, чего нельзя было сказать о попутчике.

– Ты чо, дитя малое? – сказал он. – Там, где дорога, там для нас самая опасность. На дороге либо ты с ножом, либо на тебя с дубиной... Э-эх, ты, бестолочь окаянная...

Лешка не возражал. Он все больше и больше убеждался в том, что спутник его однозначно ненормальный. "Но ничего-ничего, – думал про себя Лешка. – Вот придем в эту гребанную Шангу, а там "ужо" постараемся сдать этого здорового бугая, куда следует. После чего вернемся в благословенное лоно цивилизации. То есть напрямиком в редакцию любимой газеты, где подробно, в живописных деталях, расскажем главному редактору Семену Гавриловичу Прошкевичу о том, кто такие древние варяги на самом деле. И что такое скандинавская мифология с точки зрения отдельно взятых любителей профессора Толкиена".

Эпизод девятый

*Кому-то снится, что мы есть,
но вот проснуться бы не здесь...*

Шангу пришли поздно вечером, издали услышав лай собак и петушиные крики. Вышли из леса, словно два драных волка, затем пропустили под ногами длинное поле, засеянное то ли коноплей, то ли лысыми одуванчиками – и очутились перед поселением. В сгущающемся сумраке Лешка практически уперся носом в высоченный частокол и мощные ворота, по центру которых был прибит тяжеленный круглый щит. Возле створок топтались крепкие мордастые мужики в кольчугах, явные ЧОПовцы, только не бухие. При себе мужики имели копыя да мечи. На головах, разумеется, красовались шлемаки древних воинов.

"Ну, нет, – убежденно подумал Лешка, – тут вокруг, похоже, точно, происходит какое-то затяжное псевдоисторическое шоу, наподобие тех, что организуют в Европе". Он вспомнил, что как-то читал о подобных мероприятиях. Обычно их проводят на потеху публике, для тех, кто любит военную историю, рыцарскую мишуру и книжную романтику куда больше, чем здравый смысл и прогрессивное развитие общества.

При виде двух припозднившихся путников, воины-чоповцы насторожились. Лешка, естественно, тоже напрягся.

– Кто такие? Откелева пришли? – справился один из мужиков.

– Ты чего, Никодимыч, своих не признаешь?!

– Свои дома сидят!

– Вот ты и сидишь, словно квашня старая!

– Лука! Ты что ль?

– Глаза-то протри!

Признав Луку, их пропустили, правда, пожурили за поздний визит.

– Время такое, вороги нынче лютуют! Так что не серчайте за неказистый прием...

Впрочем, Лешкой поинтересовались. Сделали это, то ли для порядка, то ли для понта, понять было трудно. Лука ответил им потешной шуткой, дескать, он с кем попало по лесу не шастает, разве что леший сам ему на хвост примостится.

Ребятки ухмыльнулись, но потребовали заплатить входную пошлину.

– Казну пополнять надобно! – подбоченясь произнес Некодимыч. – А иначе как еще поддерживать чистоту и порядок в большом хозяйстве!

Бородач недовольно насупился, но пошлину заплатил. Лешка стоял и не верил своим глазам. Пошлина выглядела как пара толстых корявых медяков. Лука достал их из тряпицы, спрятанной глубоко за пазухой, и с большим сожалением отдал охране.

Внутри поселение выглядело весьма добротнo. Невзирая на сумрак Лешка пришел к выводу, что здесь поработала хорошая строительная компания.

– У вас тут что – кинофестиваль проходит?

– Чего? – удивился Лука.

– Может карнавал какой? – неуверенно поинтересовался Лешка. – Откуда подобные декорации? Тут же денег угрохано – прямо не меряно, а в газетах вроде ничего такого не писали...

– В каких таких газетах! Ты чего мелешь, бестолочь?

Лешка понял, что лучше и впрямь помалкивать, хоть психика здоровой останется.

Так, держа рот на замке, Лешка шагал по главной улице Шанги, твердо убеждаясь, что тут снимают кино. Эдакий фильм в стиле Александра Роу, типа "Морозко" или "Огонь, вода и медные трубы"... Что не говори, но Шанга явно годилась для съемок подобного кино-зрелища, переполненного сказочным древнерусским колоритом сверх всякой меры. Все здесь могло радовать глаз истинного знатока славянской культуры. Тут стояли добротные избы, окруженные капитальными заборами, за которыми угадывались треугольные крыши подсобных сараюшек, поленницы, пухлые стожки, бани и прочая деревенская бутафория, включая яблони и кусты смороды.

Остро пахло свежим сеном, близкой рекой и навозом. В некоторых избах светились маленькие слюдяные оконца, изредка слышался приглушенный говор или плачь ребенка. Где-то мычала скотина, кудахтали куры, гремели цепями псы. Потом на глаза попался диковинный бревенчатый колодец с опустившимся журавлем, еще дальше конюшня с пьяненьким сторожем и пожарная каланча. Наконец миновали широкую рыночную площадь, заполненную пустыми торговыми рядами, и направились к большому строению, заметному издали, очевидно местной гостинице, а может лабазу или постоялому двору. Оттуда доносились басистые мужские голоса.

Заведение называлось "Два блина в глотку". Табличка с надписью была прибита над входом, подсвечиваемая толстым огарком свечи, пламя которой билось в стеклянной банке, подвешенной рядышком на веревке.

Меню в зале отсутствовало напрочь. Положенного телефона или телевизора – также нигде не наблюдалось, но зато кормили тут вполне сносно, по-крестьянски, от души, без привычных для городских кафе проволочек. Не прошло и минуты, как им подали два положенных блина, к ним присовокупили жареное мяса, рыбу, хлеб да плошку черной икры. С хмельными напитками дело обстояло не хуже. Их принесла миловидная девушка. Она поставила на стол пару больших деревянных чарок, улыбнулась как бы невзначай, пожелала припозднившимся гостям приятного аппетита и удалилась.

– Как звать тебя, девушка? – спросил вдогонку Лешка Сухарев.

– Лада, – донеслось в ответ.

– Что, понравилась молодка? – усмехнулся Лука.

Лешка зыркнул на него, но язык придержал при себе. Он основательно приналег на мясное, затем уплел блины и кусок отменной рыбешки. На десерт жахнул чарку хмельного напитка, чем-то напоминавшего пиво "Балтика", после чего искренне подивился тому, что оно неразбавленно, как обычно, питерской мочой.

Лука Мудищев смотрел, как он ест и добродушно посмеивался.

– Ешь давай, бедолага. Сразу видать, што тебя давно не потчевали справной пищей, приготовленной для доброго народа, а не для гнилого врага.

Эпизод десятый

*Нам изменить наивное сознание,
Порой способствует насилие и страдание...*

Спал Лешка Сухарев как убитый. Разбудил его крепкий тычок под ребра.

– Эй, незнакомец... – грубо произнес чей-то недовольный голос. – Подымай свою задницу и живо дуй на выход. Воевода с тобой говорить желает.

– А ты кто такой?

– Ганец я. Велено тебя разбудить, и доставить к воротам.

– Душ хотя бы принять можно?

– Чего?! – удивился Ганец.

– Ладно... – Лешка досадливо махнул рукой.

Воевода стоял на гребне стены, опоясавшей поселение широким кольцом, и лик его был мрачен. Подбоченившись, он выслушивал чью-то непотребную речь, раздававшуюся откуда-то снизу. Слова звучали вполне внятно, невзирая на изрядную высоту препятствия и фортификационную мощь живописного крепостного сооружения. Еще издали журналист Алексей Сухарев сумел расслышать матерные угрозы неведомого оратора. Сей дипломат твердым тоном обещал сделать из тутошнего поселения тихий русский погост, а затем и его раскатать под чистое русское поле.

Речь Лешке не понравилась. Он неволью зыркнул по сторонам, желая найти лазейку для бегства, но ее не было.

– Иди, иди... – подтолкнул его Ганец. – Вон они – ворота... Там же и толмач! Ежели чего не поймешь, он те враз все перетолкует и разжует...

Тем временем, "высокий диалог" воеводы и пришлых гостей продолжался.

– Итак, мы желаем, чтобы ты выдал нам убийцу вождя Торкала! – громко донеслось из-за высокого частокола. – Иначе тебе и твоим людям несдобровать! Мы вырежем здесь всех до единого! Мы сожжем каждый ваш дом, а твой череп повесим на пику, и будем показывать его нашим врагам, дабы они и все ваше убогое племя трепетали от ужаса!

– Так кто вам нужен?! – мрачно спросил воевода. – Имя назовите!

– Тебе лучше знать, шелудивый пес! И не надо делать из нас ослов!.. Не выдашь по-хорошему, быстро узнаешь, как говорят наши секиры и мечи!

– А вы не борзейте, шпана заморская!.. – неожиданно отрезал воевода. – Тутова моя земля и наша русская воля! Россы своих не выдают! А чужих скотов и свиней нам и самим не надобно!

– Это твое последнее слово, конунг недоделанный?!

"Конунг" не ответил. Он спустился вниз, мельком глянул на Лешку и широким шагом пошел к центру городища.

Из-за стены донеслись угрожающие крики и ржание коней.

– Даем тебе сроку до полудня, воевода!.. Потом время твоей жизни и твоих родичей будет сочтено нашими топорами!

С таким бодрым напутствием Алексея Сухарева мигом окружили служивые хлопцы, и, подталкивая в зад копыями, повели вслед за воеводой на местные разборки.

"Хана... – подумал Лешка Сухарев, пытаясь выглядеть хладнокровным бледнолицем ковбоем, взятым в плен толпою краснокожих дикарей. – Похоже конец спектакля близок. Либо меня сейчас грохнут, как чужака, не вписывающегося в местные правила игры, либо варягам сдадут на забаву, чтобы шкуры свои сохранить".

На площади уже собрался местный люд. Человек триста или четыреста, не более того. В толпе находилась дюжина лилипутов – бородатых, рыжеволосых и широкоплечих. Они смотрелись вполне колоритно, не хуже оживших гномов из европейских сказок. Им недоставало только милых улыбок для услады родителей и детворы, зато добротные латы, железные перчатки и стальные наплечники сидели на них как влитые.

– Ну что ж, гость незванный... – начал воевода свой допрос. – Кто таков будешь? Пошто Торкала завалил? И зачем сюда явился?

– Торкала я не валил, – спокойно ответил Лешка Сухарев. – На хера он мне сдался, этот ваш Торкал. И к вам я специально не напрашивался, все вышло случайно.

– Случайного на свете ничего не бывает, мил человек, – коротко отрезал воевода. – Ибо нормальный путевый мужик судьбу свою сам вершит.

Ответ выглядел безупречным. Пришлось вновь поведать о самолете, разбившемся в лесу возле "Черного озера". Затем рассказать про Луку Мудищева, убийстве толкинистов, ночевке на болоте и долгом блуждании в чащобе.

– Так-так, – с иронией произнес воевода. – Значит, говоришь, самолетом упал?

– Да лазутчик это, сразу видать! – возмущенным тоном, воскликнул кто-то. – Ишь как складно брешет!

– Ясное дело, брехун стопудовый!

– Не, братцы... – рассудительным тоном заключил еще один новоиспеченный россич. – Тутова разобратся надобно, прежде чем человека в непотребстве всяческом уличать! Так ведь зараз можно и самим говнюками стать!

– Ладно, нехай тогда этот гусь залетный в темнице подождет... – обронил воевода. – Да свяжите его покрепче, мало ли чо! А покуда сыщите Луку и поставьте сего детину пред мои светлые очи!

Эпизод одиннадцатый

*Каждый день, как переплет –
В книги жизни текст не врет...*

Валялся Лешка Сухарев в темнице недолго и за это время его никто не тревожил, да и сенца в помещение подбросили, чтобы "лазутчик" не лежал на холодном полу. Не прошло и часа, как за ним шумно притопали.

- Вставай, паря, – сказали ему недобрый тоном, а затем повели к воеводе. Там уже находился и бородатый Лука. Морда у него была посвежевшая, румяная, сытая, а в глазах читалось несокрушимое спокойствие и беспечная наглость стопроцентного выпивохи.

Кругом было суетно и тревожно, как на пожаре. Без лишних оговорок следовало, что люди здесь всерьез подготавливались к предстоящей разборке с толкинистами.

Лешка оглянулся по сторонам, в надежде увидеть съемочную группу телевидения и главных режиссеров этого импровизированного спектакля, однако, увы, ничего похожего на мастеров современного теле-постановочного шоу не обнаружил. Более того, это шоу не собиралось прекращаться. Наоборот, оно явно раскочегаривалось на полную катушку, буквально как в песне Феди Меркури про "The Show Must Go".

Лешка вздохнул. Похоже день начинался как обычно, то есть с конкретного бардака. А сверху, между тем, щедро палило жаркое августовское солнце, воздух был пропитан запахами близких покосов, пряным листовым духом, колючим малинником, душистым хлебом и прохладным ветерком таинственных небес. Жаль только, что в эту безмятежную картину мироздания постоянно вмешивались люди, доверху переполненные неугасимой тягой к историческим баталиям и обильному кровопусканию. Вот и сейчас свихнувшаяся "массовка", нацепив доспехи, валила на стены. А там уже, возле высоченного частокола, собранного из толстых бревен, уже всюду дымили глубокие котлы с черным смолистым варевом, бегала босоногая ребятня, голосили бабы, лаяли собаки.

– Значит так... – задумчиво сказал воевода, когда Лешку, наконец, развязали. – Лука поведал нам о ваших злоключениях... Ворогов вы, конечно, правильно завалили. Нече им тутова поживу искать. Суки они поганые – ремесел толковых не ведают, не сеют, не пашут, токма жратве да сранью обучены. Так что вы тут доброе дело сделали, мужики, ибо число татей, мародеров и лиходеев надобно справно убавлять. Но и "хвост" за собою вы привели знатный. А это шибко плохо. Неровен час, снесут нашу Шангу вчистую, напрямиком к Хафу.

– К Хафу, или ни к Хафу, но я никого не валил... – начал было Лешка, однако его никто не слушал.

– Теперь это уже не важно, кто там чего делал али в носу ковырял, как бестолочь окаянная. Нужно кашу расхлебывать, а иначе амба будет...

– Какую такую кашу, мать вашу?! Какая амба?! – выпалил Лешка, его начинала бесить вся эта народная чехорда и откровенный балаган.

– А ты не психуй, паря... – молвил из-за спины Лука Мудищев. – Поздно психовать, друг залетный, когда враг у ворот землю копытом роет.

– Да вы что здесь – с ума все посходили, что ли?!

– Успокойте его, мужики, – веским басом обронил воевода. – Покамест его вороги не успокоили.

– Ну это мы можем! Завсегда, пожалуйста!

В качестве успокоения Лешке вручили шикарный боевой топор – тяжелый, сука, как двухпудовая гиря. Опосля посоветовали подтянуть штаны, закупорить пасть и шуровать на стены.

– Ежели выживем, чудило малахольное... – прямо в ухо сказал ему Лука, – то базарить в другой раз станем, а покудова тебя ждет иная работенка, кроме срамных испуггов.

– Да тепереча уже поздно пугаться, братцы! – сурово заметил кто-то. – Тепереча уже бица надобно, иначе трындец!

– Да уж... – мрачно подытожил воевода. – Позади Шанга, отступать некуда, разве что на тот свет...

Эпизод двенадцатый

*Коли в битву ты попал,
Но ори, что мир пропал...
В битве твой приоритет,*

Бой начался внезапно. Вокруг засвистели стрелы, отыскивая цели среди жителей поселения. Кто-то из защитников, не успев прикрыться щитом, тотчас же вскрикнул от боли, оседая на землю ослабевшим телом.

Взобравшись на стену, Лешка сразу же попал в тесный круг мужиков. Он успел разглядеть широкое поле, водяную мельницу вдалеке, речку в низине, а еще кромку лесного массива на горизонте. Затем ему стало не по себе, ибо под стенами Шанги началось вытворяться сущее пекло. Не менее сотни оборзевших толкинистов, потрясая секирами, поперли на мирный населенный пункт не хуже самых натуральных варваров. Яростный рев, оскаленные рты, хищный блеск стали, и куча вздыбленных невесть откуда лестниц, ошеломили Лешку Сухарева до глубины души.

– Мать вашу, ёперный театр... – раскрыв рот от удивления, произнес он. – Да это же полный абзац. Такого даже в кино не увидишь...

Вместо ответа его грубо оттолкнули, затем он увидел длинное тяжелое копье, воткнутое в живот упавшего соседа, и невольно отшатнулся. Он с диким ужасом уставился прямо в широко распахнутые глаза умирающего человека и никак не мог поверить в реальность происходящего.

– Не стой, Лешак! – неожиданно проорал над ухом Лука Мудищев. – Или бейся, или вали отсель – к чертям собачим!

Давка на стенах стояла невероятная, ругань, крики и звон клинков раздавался отовсюду. Тут бились все – от мала до велика – бабы, мужики, ратники и белобрысые подростки. Тех, кто падал от ран и увечий, оттаскивать никто не спешил, их затапывали насмерть, но даже перед смертью они норовили цепануть врага слабееющими руками. Остальные, кто еще мог держаться на ногах, с остервенением продолжали убивать и калечить друг друга, скользя в чужой и собственной крови до потери пульса.

Потом вдруг стало тихо.

– Отступили, ироды... – тяжело дыша, сказал кто-то.

– Ага... – хрипло заметил другой голос. – Щас перестроятся, поскуды иноземные, и заново попрут...

Короткую передышку использовали с толком. Как могли, оттащили убитых, а затем, на скорую руку, перевязали раненых и вновь забрались на стены.

– Будешь торчать как вкопанный – убьют и не заметят!.. – сердитым голосом обронил Лука, с досадой глядя на Леху. – Люди из-за тебя гибнут, паря, потому как своих братьев и сестер мы врагам не выдаем! Но ежели ты и впрямь ничего тут не можешь, тоды окажи милость, не мешай честному народу делом заниматься!

Вторая атака не заставила себя долго ожидать. Поганая рать полезла на обгаренный кровью частокол не хуже ошпаренных тараканов. Время на раздумья более не оставалось: по приставным лестницам в Шангу карабкалось иноземное ворье, насильники и убийцы. Более того, прямо на дипломированного журналиста Алексея Владимировича Сухарева летел здоровенный детина с полутораметровым ножиком в ладонях. Скорее от испуга, чем от великого воинского умения, Лешка поднял топор и наотмашь отбил страшный удар противника, после чего дико заорал и боднул врага лбом прямо в переносицу. Получив такой дивный отпор, громила резко отшатнулся и едва не полетел кубарем вниз. Однако следующий удар лехино топора разможил ему череп как кочан капусты.

– Другое дело... – зло оскалился рядом Лука, с хриплым выдохом отбивая атаку очередного разбойника.

Лешка более не стоял столбом, а сам активно лез на рожон, порываясь раскрыть чью-нибудь морду. С ним произошла внезапная перемена: то ли моча ударила ему в голову, то ли братская кровь нежданных россиячей пособила ему сделать верные выводы, но бился он не жалея не сил, ни живота своего. Вровень с ним, плечом к плечу бились и

погибали его новые товарищи, включая женщин, стариков, сказочных карликов и малых детей. Краем глаза он заметил и вчерашнюю девушку – Ладу. Она потчевала его напитком в заведении "Два блина в глотку". Правда теперь она тащила не чарку доброго хмеля, а какого-то полуживого хилого мальчика от ворот Шанги, а после подхватила меч, выпавший из рук умирающего воина, и метнулась в бой.

"Женщины и дети – это наше все"... – успел подумать Лешка, прежде чем жуткий удар по кумполу отправил его в черную бездну.

Эпизод тринадцатый

*Чужой человек, как потемки,
А "свой" есть в каждом
ребенке...*

Очухался Лешка от холодной воды, которая лилась ему на голову из небольшой чугунной посуды. Он застонал, отодвинул чугунок в сторону и, сквозь туман в глазах, разглядел зыбкий образ сказочного карлика.

– Ты кто? – спросил он, пытаясь приподняться.

– Малоростик, дворф, – коротко отрезал карлик.

– Какой дворф?

– Зимагорский, из Колючих пещер...

Лешка вновь закрыл глаза, затем еле слышно прошептал:

– Дворф... Слышь, дворф... Самолет за мной прилетел али нет?

Дворф промолчал.

– Да, видать серьезно парню досталось... – произнес еще один голос. – Бредит, чудило... Не иначе между ушами чо-то заклинило... Сызнова про самолет свой заладил...

– Лука, это ты?..

– А кто же есчо?! – удивился Лука. – Дух святой што ли?!

Лешка застонал.

– Где я? – болезненно выдохнул он.

– Как где? – уверенно раздалось в ответ. – На нашей земле русской! Отстояли мы ее сейчас! Не отдали супостатам! Всем миром отстояли, только ты маленько подкачал, поломался враз, будто грабли худые на покосе...

Слушая речь Луки, Лешка вдруг отчетливо понял, что мир явно сошел с ума. Но не бывает же так, чтобы нормальный здоровый человек, будучи в трезвом уме и рассудке, чувствовал себя полным кретином.

"Значит, все это по-настоящему... – с тоской подумал он. – Самолет рухнул в неизвестность, он провалился в Бермудский треугольник, в черную дыру или черт знает куда... Тут нет электроники, радиосвязи, отелей, гостиниц и приличного сервиса. Здесь нет ментов, нет почты и магазинов, нет нормальной медицины и вменяемых людей. Кругом одна малопонятная Россь, с её больными на всю голову мужиками, которые колбасятся с чужеземными насильниками, ворьем и убийцами. Правда это Россь имела и своих местных героев, а также ядреных красавиц и сказочных малорослых удальцов-карликов, однако же сей момент особо не утешал.

Один из карликов сидел прямо напротив Лешки и, едва не высунув язык от натуги, старательно перевязывал собственный локоть. Лицо у него выглядело сосредоточенным, но уныния или подавленности не наблюдалось. Глянув на Лешку, он радостно оскалился, с гордым видом похлопал себя по груди и, сделав большие глаза, звонко протараторил что-то о Хафе, светлой богине удаче, великом гномском оружии и высоких небесах.

– Какой такой Хаф?! – спросил его Лешка, но ответил ему Лука.

– Хаф – это Бог чистоты и порядка у подземного народа... – охотно пояснил он. – Мусор всякий, грязь, непотребство разное за людьми прибирает, а взамен требует хафки...

– Чего?

– Еды по-нашему, причем мнооогооо...

– То есть Хаф - это типа бог-утилизатор? Я верно понял? – произнес Лешка, иронично скривив морду. – Наверде дворника?

– Чего?

– Ладно, проехали...

– Ты, главное, Лешак, боль-то свою в себе не таи... – тоном завязтого лекаря произнес Лука. – Сопротивляйся ей наперекор всему, тогда и тебе и другим легче станет...

– Да я сопротивляюсь. Чего нам питерским еще остается...

– Каким таким питерским?

– Питер – это город такой, где я родился. Его враги тоже как-то раз обложили, а он ничего – выстоял, не сдался.

– Вот-вот, и ты держись, паря. Живи на сем белом свете – сколь тебе от веку дадено. Живым ведь о жизни надобно думать, так что ряху ты свою питерскую не криви напрасно. У нас тут и без твоей физиохарии – хлопот не оберешься, потому как много народу нынче полегло.

– По нашей вине и полегло... – тихо сказал Лешка. – Разве ж не так?.. Мы ведь уродов сюда за собой привели, а не местный люд... Это за нами охотники приперлись, за Торкала своего гребанного мстить... А теперь что делать?.. Как с таким мертвецким багажом жить?.. Лучше бы выдали нас пришлым ублюдкам... Ей богу говорю, невеликие мы птицы, чтоб за наши головы столько людей погибало...

Лука надолго замолчал, потом молвил.

– Мы своих не выдаем, Лешак... Любой род единением силен... У нас каждый божий человек, как палец на ладони – все наперечет... Когда надо ладонь в кулак собрать, чтобы отпор недругу дать, мы ее сожмем крепко. Вот так вот...

Лука с хрустом сжал огромный кулак и, показав его Лешке Сухареву, добавил:

– Запомни паря, хорошего кулака без пальцев не бывает, ибо, когда каждый сам по себе, то есть поодиночке, втихоря живет, тогда никто долго не протянет.

– Но я-то не ваш палец... – мрачным тоном сострил Лешка Сухарев. – У меня может где-то своя ладонь имеется...

– Э-э, милай, да у тебя на морде начертано, что ты наш – россич, аж до мозга костей. Ежели бы не признали в тебе своего, то давно бы порешили, словно нехристь какую...

Эпизод четырнадцатый

*Кто живет по одним только книжкам,
Тот сильно рискует умишком...*

После битвы Шанга выглядела мрачно, как отутюженная смертью земля. Повсюду дымились остовы домов, на месте которых сиротливо торчали оголенные печные трубы. На окраинах был проломлен в нескольких местах частокол, там вповалку лежали трупы как своих, так и пришлых ратников. Между ними, словно тени мертвых, бродили женщины, отыскивая порубленные тела родичей. Другие, кто пережил кровавую бойню, теперь занимались скорбным житейским делом. Никто не сидел без толку, жизнь продолжалась, невзирая на свою неумную тягу к стычкам и похоронным обрядам. Командовал людьми воевода. Он отдавал команды без суеты, как положено справному начальнику и бывалому военному человеку.

– Раненых несите в лазарет, – повелительно звучал его голос. – Тама сейчас приезжий эльфийский кудесник врачует!

– А с погаными чего делать?

– Трупы поганых кидайте на телеги. Затем везите их в Яму, к Погибельному лесу, где мы татей закапываем, вместе с худюю скотиною!

– Заметано!

– А корчмарь пуцай обед готовит. Остальным же, кто еще способен стоять на ногах, крепить стены и заделывать проломы! Да не мешкайте, мужики! Шибче двигайтесь, ибо всякое сейчас может случиться. Мы ж не знаем, кто к нам нынче приперся – отряд ли это забугорных рейдеров был али очередные разбойнички в кучу собрались, чтобы, значит, народ пограбить и за чужой счет обогатиться.

– Одно ясно, – подытожил кто-то. – И те, и другие – мусорный народец, с угольными душами по миру шастают. Гасить их надо.

Таким образом, аж до самого позднего вечера, покудова тьма не упала на Шангу, в небольшом русском поселении гулко и торопливо стучали топоры, разнося по притихшим окрестностям звуки упорной человеческой работы.

Лешка от непривычной трудовой деятельности едва ноги не протянул, однако же запаса сил ему хватило, чтобы не выглядеть полным кретином. Он старался стойко терпеть любые приказы нового руководства.

Сперва его приставили к похоронной команде, что вывозила вражьи трупы в Яму "Погибельного леса". Работа была не самая приятная, но нужная, кто ж с этим спорит. Распоряжался тут тщедушный, но жилистый мужичок, с большими, как лопата ладонями. Звали его – Анопкой Хромоногим. Голос у него был тоненький, дребезжащий и дюже въедливый, под стать собственному облику. Смотрел он на Лешку без особой симпатии и понукал по любому поводу.

– Клади ровнее супостатов, детина косоглазая... – то и дело брюзжал он. – Не вишь, что ли, ногами крайний ирод за колесо цепляется...

Когда разобрались с трупами, тяжело и брезгливо сваливая их в свежевырытый ров, пришел черед восстанавливать и укреплять оборонительные стены. Тут Лешке пришлось особенно туго, ибо быстро оказалось, что руки у него растут не иначе как прямо из задницы.

– Плотницкое дело ведаешь? – требовательно спросил его местный бригадир. – Али может по камню работать горазд?

– Нет... – мрачным тоном, отрезал Лешка.

– А чо тогда умеешь-то, а, паря?

– Писать могу, журналист я вообще-то, статьи о правонарушениях пишу... – смущенно пояснил Лешка, чувствуя при этом, что сморозил полную ахинею.

– Кто?! – несказанно удивились плотники и каменщики.

– Репортер... Криминальную и богемную жизнь освещаю...

– С фонарем что ли ходишь?

– Не, с пером и бумагой.

– Писарь что ли? Доносы пишешь?

– Угу, – мрачно буркнул Лешка, четко осознавая, что его тут точно не поймут. – Только доносы я не пишу, их другие друг на дружку клепают. Причем без остановки. От чистого сердца, лишь бы соседу поплохело.

– Брешешь!

– Статистика не брешет!

– Кто?!

– Тетка такая! – сердито обронил Лешка. – Без неё сегодня никуда. Она в каждом деле затычка!

– Ладно, паря, хрен тогда с твоей Статистикой. Ты путное-то чего можешь делать, а, сердешный? Окрая как пером чиркать?

Когда выяснилось, что дипломированный журналист Лешка Сухарев совершенно не владеет никакими полезными ремеслами, его обозвали нехорошими словами и поставили таскать бревна в компании с двужильными молодцами.

– Пожрать ему опосля дайте, мужики! – по-отечески обронил напоследок бригадир. – А то помрет невзначай энтот писарчук, не пожрамши, даже на баб его не хватит...

Мужики добродушно поржали.

Пожрать ему принесла Лада. Впрочем, она была не одна. Женщины Шанги обнесли каждого из мужчин положенной кормежкой и квасом. Однако Лешка почему-то вдруг твердо решил, что Лада уделила внимание персонально именно ему. Хотя, вроде бы и не сказала ничего, только зыркнула голубыми очами, словно жаром обдала, а затем пошла по своим житейским надобностям.

– Ой, гляди, паря, женит она тебя на себе... – миролюбиво хохотнул кто-то. – Наши девки – они такие – сами себе мужей выбирают. А уж если выберут, то навсегда...

– Да какой он к Хафу муж?! – громко подхватил какой-то крепкий осанистый дядька. – С таким мужем даже детей не настрогаешь, тока занозы по всему телу останутся!

– Га-га-га!..

– Да, наш Грека знает, что говорит! – жизнерадостно оскалившись, заметил бригадир. – Его "рубанком" можно не только детишек настрогать, его могучим инструментом можно сразу целые монументы зачинать!

Мужики опять заржали. Потом снова принялись за нелегкий труд.

В общем, в качестве грамотного подсобного рабочего, Лешка умаялся за день так, что окончательно перестал понимать, где находится и чем вообще занимается. К тому же, давала себя знать и рана, которую он получил в бою. Голова то и дело кружилась, слабело тело, и страшно тянуло в сон. "Сотрясение мозга, не иначе"... - размышлял он в короткие моменты передышек.

Вместе с ночью пришло относительное забвение и покой. Разумеется, где-то во сне Лешка Сухарев вновь участвовал в грандиозной битве между Правыми и Левыми силами. Левые сторонники, большую часть которых почему-то составляли пьяные скандинавские матросы-викинги, а также толкинисты и орава малограмотных гастарбайтеров (из числа малоимущих орков, гоблинов и темных эльфов), активно наседали. С ними наседали еще какая-то нежить. Эта мифологическая армия ряженных бомжей с диким ревом отстаивала индивидуальные взгляды на обладание чужой материальной собственностью. Даже во сне атмосферу переполняло сквернословие, адская хула и сочные плевки. Доносились также яростные крики и громогласное мнение о том, чтобы использовать молодых хитановских баб в качестве объектов свободного сексуального домогательства.

– А иначе за что воюем, орда! – оглушительно проревел один из орков.

– Вот именно, массараکش! – в единодушном порыве подхватили две тысячи гоблинов. – Даешь свободу, равенство и братство народам Великого Мордора!

– Анархию в массы! – тотчас же поддержали пьяные скандинавские матросы-викинги. – Даешь Валхалу всем и каждому! Без балды и фраеров!

Революционные лозунги, рекламные щиты и транспаранты о великой Мордорской ПЕРЕСТРОЙКЕ и НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ в пределах древних границ Земноморского края, висели над этой сказочной бандой уродов, лиходеев и гопников прямо в воздухе.

Дирижировал этим спектаклем никто иной как вождь Торкал. Его окружала масса соратников, включая фентезийных эсеров и провокаторов, шпиков и бузотеров, мировых жандармов и орков-большевиков. Находились тут также олигархи-вампиры и банши, тени которых медленно кружили над полем отшумевшей брани. Это поле было завалено трупами, бутылками из-под пива, обгаренным кровью оружием, разбитыми телегами и кумачовой рваниной, изобильно посыпанной агитационными свитками и рулонами из туалетной бумаги.

Правые сторонники помалкивали. Они бились без лишних слов – упорно и стойко. На лицах каждого бойца явственно читалась полная бесперспективность всяческих дебатов с моральными идиотами и умственно отсталой фентезийной публикой.

Соблюдая дистанцию и не ввязываясь в конфликт между враждующими сторонами, Лешка умудрился вновь получить по кумполу булавой и погрузился в такую непроглядную тьму, что вынырнуть из подобной тьмы не представлялось никакой возможности.

Эпизод пятнадцатый

*Без хорошего толмачника
Нет надежного рассказчика...*

Из бесконечного затяжного падения Лешку вырвал родимый голос Луки Мудищева.

– Ну, хорош спать, паря... – сказал он, тормоша несчастного журналиста за плечо. – Воевода тебя кличет.

– Пожрать бы... – молвил Лешка, с кряхтением подымаясь с лежанки.

– Потом утробу набьешь, чудило, – поторопил его Лука. – А прежде потолковать с воеводой надобно.

– Как его звать-то хоть?

– Так и зови – Воеводой.

– Без отчества что ль?

– Не дорос ты еще до его отчества, паря...

Дом воеводы располагался на главной площади поселения, аккуратно возле вечаевого колокола и небольшой церквушки. С точки зрения прикладного народного зодчества он напоминал собою небольшие белокаменные палаты. Глядя на сии хоромы, нетрудно было сделать простой житейский вывод: что, какие бы не стояли на дворе времена и нравы, но высокое начальство завсегда сумеет пристроить свою задницу таким наилучшим образом, чтобы было комфортно управлять беспонтовым населением при любом, самом дрянном раскладе.

В покоях было тесно и душно, словно где-нибудь в питерском метрополитене в "час пик". Повсюду лежали раненые, слышались стоны, мелькали девы и доброхоты санитары, а в воздухе витал стойкий запах крови, пота и мочи. Сам воевода занимал небольшую, но светлую горницу. Он сидел возле окна на широкой дубовой лавке. Перед ним находился могучий дубовый стол, на котором лежали какие-то мятые свитки, деревянная ложка и щедрый ломоть белого хлеба. Тут же стоял кувшин с молоком и блюдо с медом.

Воевода был не один, по правую руку от него, в задумчивой позе, облокотившись на стол, расположился самый настоящий эльф. По крайней мере, уши у него были точно эльфийскими. Воевода что-то упорно, густым басом, втолковывал ему, тыча указательным пальцем в свитки. Ушастый слушал внимательно, но с комментариями явно не спешил.

– Вот, – сказал Лука, едва Лешка переступил порог горницы. – Привел вам гостя.

Тогда воевода смолк. Затем пронизательно оглядел Лешку с ног до головы, после чего сказал ему таковы слова:

– Ты, я слышал, писарь, мил человек? Стало быть, грамоту разумеешь?

– Типа того, – слегка помедлив, ответил Лешка Сухарев.

– Ну-ко зачитай сие послание... – воевода протянул Лешке мятый свиток.

Вначале Лешка нифига не разобрал. Он долго рассматривал затейливую буквицу и никак не мог врубиться, что это за язык. Затем дело пошло на лад. Его как будто обожгло изнутри – это же древний славянский документ. Подобную рукописную манеру изложения он видел в старинной книжке Нестора Летописца, когда увлекался на досуге родной

речью и бытом далеких предков. Правда, там имелся отличный перевод в исполнении академика Лихачева, а тут, кроме корявых значков ничего подобного не наблюдалось.

– Чо молчишь? – подначил Лешку воевода.

– Отдельные слова только понимаю, а более ничего не ясно.

– Излагай тогда что можешь, а там рассудим.

– Трудная задача... – Лешка поскребся в затылке. – Мне сутки на перевод нужно.

– А мы тебе поможем... – неожиданно сказал длинноухий. Он достал из кармана небольшой хрустальный шар и поставил его на стол.

– Протосвитер... – заморожено произнес Лука Мудищев.

– Чего? – машинально справился Лешка Сухарев.

– Промтовый толкователь свитков.

– Какой?

– Промтовый, ясное дело, – охотно пояснил бородатый Лука. – От искусника Промта из промтоварной гильдии толмачей.

При этих словах ушастый мужик крутанул шар по часовой стрелке, и в горнице тотчас возникло постороннее свечение. В тот же миг свиток в руках у Лешки будто ожил. Текст, вдруг, прояснился и доселе непонятный набор корявых завитушек неожиданно приобрел ясный и четкий смысл.

– **Торкал! Вождь северных ветров и фиордов...** – не мешкая, проговорил Лешка Сухарев, внятно читая по слогам чужой рукописный текст. – **Твое время пришло. Нынче же отправляйся на границу с антидемократическими племенами. Крадись, убивай, жги и пытай, но выведай насколько крепки тамошние цитадели. Проверь их как на измор, так и боем. И крепко помни, Торкал, Повелитель золотого миллиарда не страдает излишним долготерпением. Он не жалуется тех, кто заключает мирные переговоры. Только смута, управляемый хаос, а также очаги напряженности по всему миру – вот наша главная цель. Сроку тебе отпущено не более двух месяцев. Подготовь плацдарм и собери как можно большие запасы пищи. Армия тьмы уже на подходе...**

Завершив читку, Лешка обессилено опустился на лавку.

– Это все? – требовательно спросил ушастый.

– Еще печать есть.

– И чего на ней изображено?

– Какое-то злобное рыло, обхватившее лапами глобус земного шара.

– Гляди-ко, все прочел, – сказал воевода, пододвигая новоявленному толмачу молоко и мед. – И печать распознал, не испугался.

– С таким волшебным устройством могли бы и сами все выведать, – устало обронил Лешка.

– Нет, не могли... – наставительно произнес Лука. – Тут справный проводник нужен, у коего разумение в голове так хитро обстряпано, что запросто нащупывает погибельную сущность любого технолада.

– Чего?

– Технолада! – пояснил Лука. – То есть ты, лешак, справно чуешь всякое механическое устройство, разбираешься в нем, а ко всему живому жилки у тебя нетути, посеял ты эту самую жилку, пока свой мантериальный быт улучшал... Ага...

– Выходит я мутант, по-вашему? – удивленно спросил Лешка Сухарев.

– Кто?

– Мутант, выродок, чужеродный организм... – как мог, пояснил Лешка. – Существо с иными возможностями, навроде гада или уродца, так по-вашему будет...

– Насчет гада – этого я ничего не ведаю, – ответил Лука, шумно почесывая бороду. – Но промтовый шар тебя сразу же раскусил. А он только с теми контактит, кому до чистой

матери природы дела никакого нету, потому как бесчувственные вы к ней. То есть для себя живете, как дети тырнета, чинуши кабинетные али паразитарии за Сферой потребления. Ежели пожелаешь, паря, то эльфиец Мандуин тебе об этом все грамотно обскажет, не хуже иного книгочея.

Итак, длинноухого мужика звали Мандуином. Только сейчас Лешка рассмотрел его как следует: Красивое лицо, бледная кожа, ясные глаза и прекрасное долгополое платье говорили о благородном происхождении этого странного персонажа. Их не представили друг другу. Может быть к лучшему, ибо культурное начало и личный житейский опыт разделяли их куда больше, чем казалось на первый взгляд.

– Значит так, други мои... – суровым голосом изрек воевода, когда пауза изрядно затянулась. – Надобно в Невоград собираться, вести черные доложить.

Други сурово помолчали.

– Мандуин, эльфиец! – решительным тоном добавил воевода. – На тебя вся надежда... Собирай отряд – и ступайте с миром. Бери любого, кого сочтешь полезным. Путь-дорога займет у вас семь ден хода, никак не меньше. Так что выбирай самых крепких и надежных попутчиков, чтобы нигде не подвели.

– Я тоже пойду, – живо сказал Лука.

Воевода нахмурил чело.

– С какого бадуна?

– А с такого, что я в округе кажную дыру знаю! Где хошь лазейку найду... А ежели не найду, так мечом ее прорублю – чрез любую напасть...

– Пожалуй, Луку прихвати до кучи... – крякнул воевода и махнул рукой. – Нечего ему тут без толку пьянствовать да лясы с девками точить. Заодно этого писаного самородка заберите (он указал пальцем на Лешку). От этих хлопцев, похоже, одна только незадача. А на Большаке может на что и сгодятся.

– Мандуин нахмурился.

– Надеюсь, перечить не станешь, старый эльф? – устало продолжил воевода.

– Нет...

– Вот и славно. Тогда доставьте сию грамоту в Синод и, как хотите, но потребуйте от тамошней шишкатуры подмогу на здешние границы. А то чую – худо скоро будет.

Эпизод шестнадцатый

*Собираясь в путь далекий –
Не забудь, что мир*

жестокий...

Собирались недолго, не бросая слов на ветер. Споро снарядили коней (из тех, что выжили в минувшей бойне), потом отоварились съестными припасами и вышли в путь.

Разумеется, Мандуин позаботился о охране. Он выбрал пятерых жилистых молодцов, не поленившись проверить их на предмет обращения с холодным оружием, не говоря уже о способностях к кулачному бою. Лешка тотчас окрестил их мордобитниками. У старшего было прозвище Мирвам. Прочих звали Покеда, Шныка, Вуха и Бугор. Их подлинные имена были ведомы токмо самым верным товарищам, ибо, по меркам местного общества, имя следовало хранить в глубокой тайне.

– Имя – оно ведь как твоя родовая звезда на небосводе, оно же все одно как лампада в ночи... – снисходительно пояснил Лука. – А кому ж охота к собственной лампаде врага приводить, ежели он ее враз загасит?

Проверял Мандуин молодцов попросту: выдал каждому меч и щит. Затем добавил от щедрот кинжалов, пару копий да рогатину, а после уже велел мужикам показать, чему их жизнь ратная научила?

Молодцы немедленно показали, да так лихо, что Мандуин оказался вполне доволен проявленными способностями. Эльфийские уши ему конечно и не обкорнали, но дюжину зуботычин он получил весьма основательно. Правда и сам в накладе не остался, поскольку бился один против пятерых опытных бойцов с ловкостью необычайной.

Короче, именно мордобитники, словно танки, молча двигались впереди отряда. Они рассекали встречное редколесье практически непринужденно, как у себя дома. Только опытный взгляд мог заметить их скрытую собранность и готовность принять любой вызов. Остальные шустрили за ними, будто малые дети.

К пятому часу слегка подустали и решили передохнуть. Выбрали подходящую поляну возле тихого ручья, и тотчас же встали походным лагерем. Спешившись, в первую очередь позаботились о лошадях.

– Без здорового ухоженного коня... – сказал Лука, по-хозяйски рассупонивая своего жеребца. – Далеко не уедешь. Конь, он ведь как справная баба, пока за ним ухаживаешь, он тебя нипочем не подведет.

Никто с таким соображением не спорил. Напротив, "личный транспорт" обиходили и накормили, как требовали походные условия. Тут уже, волей-неволей, но Лешке Сухареву пришлось учиться обращению с лошадьми буквально налету.

Затем привели и себя в порядок, благо чистая вода была рядышком.

– Костерок бы... – как бы невзначай обронил Мандуин после омовения.

– Эт можно... – степенно молвили мордобитники.

Не успел Лешка и глазом моргнуть, как на поляне возник небольшой очаг возгорания типа костер. Мужики действовали четко и слаженно, как единая команда: Шныка разложил на земле белую опрятную скатерку, а Покеда, Бугор и Вухо достали припасенной снеди. А в довершении сего действия Мирвам, как старшой, аккуратно водрузил на скатерть штоф с янтарной самогонкой.

– Вот и славно... – по-хозяйски произнес Лука, когда компания уселась вокруг. – И ты Лешак не тушуйся, налегай на кормежку... У нас ведь токмо глотки да ложки разные, а добрый стол для всякой путевой твари един.

Подкрепившись, Мандуин вытащил из-за пазухи карту и надолго задумался. Глядя на эльфа, Лешка чувствовал себя круглым идиотом. Казалось бы, прошло не более трех суток, но для него (для Лехи) привычный мир полностью изменился. Увы, ничего не осталось от прежней Лешкиной жизни... Где город, в котором он родился?.. Где его работа?.. Где друзья и девушки?.. Где привычные вещи, включая телевизор, книги и журналы?.. Где его любимый компьютер, Интернет и электронная почта?.. И где, наконец, родной питерский автотранспорт, а также православные менты на дорогах? Где его квартира – с домофоном, электрическими розетками, горячей водой, холодильником и справным телефоном?..

Ответов не было. Вместо разумных объяснений поблизости сидел самый натуральный эльф и молча пялился в карту. Подле него столпилась вся честная компания и так же молча рассматривала начертанную картинку здешнего мира.

– Ежели по Большаку будем трястись... – сказал после длительной паузы Лука, – то аккурат через неделю в Невограде окажемся.

– Ты чо, – суровым тоном проговорил Мирвам. – Ежели по Большаку будем переть, то и года никакого не хватит... Там же вечная затычка с кхитайским мандариновым путем... Сокращать путь надобно...

– Это где это? – заартачился Лука.

– Вот тутова и тут, у гнобов... – сказал Мирвам, водя пальцем по карте.

Лешка, с немалым трудом пересиливая тоску по прошлой жизни, нехотя поднялся на ноги и, заглядывая через плечо Луки Мудищева, присоединился к возникшим дебатам.

На коленях у Мандуина лежал старинный кожаный свиток. Эльф расчистил скатерку и положил его между остатками снеди, небрежно придавив оттопыренные концы пустым штофом, кинжалом и ломтями хлеба.

"А красиво нарисовано", – подумал Лешка Сухарев, едва только ткнулся любопытным носом в карту.

Мда... Перед ним находилось подлинное произведение картографического искусства, правда слегка заляпанное жирными отпечатками пальцев и почерневшими разводами от кусков мяса, рыбы и масла. Впрочем, главная информация открывалась зрителям не хуже простого урока по наглядной географии. Лешка был неплохим учеником и старательно впитывал новые сведения. Увы, свежий взгляд на привычное устройство человеческой Вселенной заставил его открыть рот от удивления, потому как чудные рубежи местного окоема превращали весь житейский Лешкин опыт и научные знания буквально в дырявое решето. Неизвестность, которая доселе окружала дипломированного журналиста Алексея Владимировича Сухарева со всех сторон, внезапно обрела весьма конкретный и четкий смысл.

Итак, Лешка очутился в мире, где были леса, горы, моря и реки. Карта отчетливо показывала из каких собственно областей состоит здешнее окружение. Более того, карта оказалась непростой, а с чудесным секретом, ибо, по нажатию пальцем в указанном месте, расширяла зону видимости до вполне приличного масштаба, как на сенсорном экране дорогого айпода, мать его ети... При этом названия городов, населенных пунктов, речушек, озер и болотин на удивление легко читались.

Лешка, словно под лупой, явственно различил слово **ЕВРОГЕЯ**, в границы которой упирались такие области как Чернопыльские края, Кибит-Бадулая, Прибалтуты, Панычи и **ЦЫРК** – Цыгано-Румынский котел. Кроме того, имелись тут Когтистые горы и **БПХ** – Белые Пики Хавказа. Их заполняли такие дивные страны как Чеченыца, Арататия и Черкизон.

Затем следовал район огромного болота Каспия, Свободный Туркестан, Папа-джан и Янычарчская гаремия.

Там же, где должна была находиться Монголия, значилось желтое пятно "Пустыни гоббитан" и **ЗУМ** (Золотой Улус Мамаю), угрожающе нависший над **Великой Кхитайской Стороной**.

Что характерно, эта **сторона** выглядела впечатляюще, ее украшал сверхгигантский муравейник под названием Пекин-башка. Муравейник был анимированный, кишущий мириадами желтоликих созданий, и окружала его, понятное дело, тоже великая кхитайская стена.

Самый верх карты занимала обширная проплешина Арктики, утыканная буровыми установками сверх всякой меры. Там плавали айсберги, касатки, промышленные отходы, китобойные кораблики, танкеры, ладьи викингов и моржи.

На востоке находились острова Японамать и Камчадалы (их живописно окатывали цунами), а ближе к югу ютились такие свердержавы как Еврейбади, Африканычи, Ебипет, Карфаген, Бедуиния и **Зона ЧАДА**.

На западе плотно обосновался **ШРД** – Шестой Рейх Дойчляндия, обложенный со всех сторон Франкобадиями, Финиками-калевалами, Бомжетаниями, Брюссельским вымиратором и, конечно, **ГНП** – Голландским-Нидерландским порником.

Увы, сапог Италии куда-то исчез, его заменил валенок Old Римской империи, Хреки-наки и New Спарта.

Потом карта дернулась (это Лука Мудищев неловко поставил на нее пустую кружку и шумно высморкался), а затем появился "**Тихий Океан ZiZитопь**", по просторам которого побежали крохотные барашки волн. Эти волны вели напрямик к изломанным берегам далекой Америки. Там находились не менее странные государства, типа Ямамайки, **ОПК** (острова погибших кораблей), Кубастана, Нафуити, Багамы-мамы, Могучего Гондураса, Бермуданского ока, Панамарийского канала и **Пиратского карибати**.

Однако же всю эту чудесную географию перекрывала красивая готическая надпись – "**СШП – Соединенные Штаты Пентагонии**".

Мда, подобная картина мира завораживала. И Лешка был заморожен. Однако, емкое слово **Мордор**, охваченное анимированным пламенем, мигом привело его в чувство. Этот **Мордор** находился на месте территории бывшего СССР, вселяя невольное уважение к его создателям. Под ним стояла короткая аббревиатура **ССМР Лок'тар огар***.

– Боже мой! – Лешка Сухарев ошеломленно поскребся в затылке. – Это же очевидные контуры Земли, хотя весьма и весьма измененные, особенно вдоль материковых границ.

– А что это за буквы такие ССМР? – спросил он после долгой паузы.

Лука немало удивился:

– Ты откуда вообще свалился, чудило самолетное?! Это же наша Родина-мать, колун тебе в задницу, Союз Свободных Мордорских Республик!

Лешке стало плохо.

"Так вот куда я попал, япона мать..." – потрясенно подумал он и обессилено опустил задницей на родимую мордорскую землю.

Эпизод семнадцатый

*Этот мир не для тех, кто тоскует,
Он для тех, кого небо прессует...*

На второй день пути их неожиданно атаковали. Место для нападения было выбрано удачно – эдакая тихая низина, справа – лесок, слева – высокий косогор, а посерединке – узкая колея, хочешь не хочешь, но станешь двигаться гуськом.

Хоть и был отряд начеку, а подишь ты – никакая воинская выучка не помогла. Сперва раздалось низкое гудение, а затем по дороге, будто волна прокатилась. Все живое в округе мигом пригнулось под тяжестью грозной и необъяснимой силы. Что касается людей, то их швырнуло мордами в землю основательно – едва зубы не пересчитали. И мордобитников, и Мандуина и Луку Мудищева – всех расплющило по грунту задницами кверху. После чего показались три мага. Лешка сразу сообразил, что это именно маги. Причем самые черные, как в желтых газетах типа "Из рук в руки" или "Реклама шанс". И характеристики у таких магов были всегда соответствующие, дескать каждый из них – это потомственный лекарь, ясновидящий или чародей, способный на любую магическую пакость, ради вашего счастья (лишь бы у вас "бабок" хватило на оказания подобных услуг).

Шли маги медленно, но уверенно, как неотвратимое зло. Одеты были в долгополые рясы, на глаза надвинуты капюшоны и у каждого по пирамидке на вытянутой ладони. А пирамидки-то эти явно непростые, а тоже видать магические, темно-красным сиянием отдают. И плавала в том сиянии бесовская сила, однако на Лешку Сухарева ее явно не хватило: хлопок – и как будто в черепной коробке у него зазвенели звонкие православные колокольчики. Лешка моментом очнулся, схватил в руки подвернувшееся копьё и саданул ближнего супостата прямым в живот. Саданул, правда, тыльной стороной, поскольку разбираться, где у копьё острие, а где тупой конец – времени не было. Маг неловко охнул и повалился на землю, скрючившись от боли, однако пирамидку из рук не выпустил, держась за нее грязными пальцами. Двое остальных в мгновение ока повернулись к нежданному противнику, и гудение усилилось до нестерпимого воя, творя с окружением непотребные чудеса.

– Пирамиды бей... – хрипло выдохнул позади Мандуин.

Разумеется, Лешка так и сделал, сходу обнаружив, что в ближнем бою маги оказались гнилыми бойцами – ломались, как худая древесина.

* Лок'тар огар – "Победа или смерть" - ордынский боевой клич.

Добивали их уже мордобитники и, конечно, Лука Мудищев. Никто не лютовал при этом, но физиономии служивых ребят были мрачны, как тучи на небе в пасмурную погоду. Они сокращали число татей и лиходеев, согласно наставлениям воеводы из Шанги. Однако делали эту работу без особого рвения, словно пропалывали огород, заросший сорняками по самую крышу.

Природа после нападения вновь ожила, словно сбросила тысячелетний саван тьмы, горя и напастей. Облегченно разогнулись деревья и травы, бойко зачирикали птицы, даже солнышко как будто засветило ярче прежнего.

Чуть погодя, под сенью высокой черемухи, обнаружили стоянку магов. Тут чернело пятно тлеющего костра, из углей которого торчал обожженный кусок газеты "Бабилонская правда". Рядом лежали походные сумки, а также посохи с миниатюрными черепами на месте набалдашников.

Сумки оказались набиты какими-то засаленными свитками, густо исписанными хулой, порнографическими картинками и магическими заклинаниями, типа фаерболо, морозного круга и ледяной стрелы. Там же нашлось полсотни склянок с ядами, пучки лекарственных растений и два пакета сушеных грибов. Кроме того, неподалеку валялись пустые бутылки, украшенные этикетками пьяного монаха, а в густой траве нашлись три корочки хлеба, огрызок маринованного огурца, полукопченая колбаса, глиняная посуда, зеленый лук и приличное количество пагубных наркотических веществ, навроде анаши или опиума для народа.

"Вот тебе и маги, – хмуря чело, подумал Лешка. – С виду натуральные адепты зла, а сивуху жрут, как обычные алкаши. Видать, чем больше отравы на душу населения, тем очевиднее мрак и белая горячка в дремучем сознании человека. А с подобной "кухней" можно уверовать во что угодно, даже в собственные сверхспособности и персональную богоизбранность".

Брезгливо поморщившись, Лешка аккуратно сложил психотропные снадобья в одну кучу, а затем, побросал их в тлеющий угли костра.

– Ты чего делаешь, huhando urok*? – Мандуин мигом оттеснил Лешку в сторону и принялся шустро выгребать поганую дурь из вострепенувшегося огня.

– А в чем дело, уважаемый?

Вместо Мандуина ответил Мирвам. Он складно пояснил, что на сие магическое добро в этом мире всегда найдутся свои почитатели. Кто денюшку подаст, а кто и оберегом наградит, чтоб он, оберег, значит, сглаз дурной от владельца отводил.

– Да ты чо! – запальчиво возразил ему Лешка, невольно подхватывая местную манеру разговорной речи. – Поверь мне, Мирвам, ежели у тебя с башкой беда, то тебе никакой оберег не поможет, да и денюшка чужая в прок не пойдет! Это же зло, чувак, отравка! Из-за подобного дерьма масса людей сыграла в ящик, включая писателей и журналистов!

– Куда сыграла?! – удивлено справился Лука.

– На тот свет отправилась! – сердито выпалил Лешка. – Где вопросов дурацких уже не задают!

Компания приумолкла. Тишину прервал Мандуин.

– Ты заблуждаешься, человек, – молвил он после долгой паузы. – Того света нет. Его не существует. Есть только ЭТОТ. Просто не каждому дано увидеть все его грани.

– Грани – это хорошо, – тоном глубокого знатока поддакнул Лука, аккуратно разбивая одну из пирамидок обухом топора. – Но травка – эт тоже очень даже неплохо...

* Huhando urok - старинное эльфийское ругательство, о смысле которого можно только догадываться.

– А то, – кивнул Мандуин. – Ведь именно травы, зелья и облака волшебного кумара способствуют некоторым из нас заглянуть туда, где кончается наше жалкое воображение и сдают физические силы.

– Не знаю, как ты эльф, но я лично предпочитаю держать свое жалкое воображение и другие силы – в чистоте и порядке, чем изменять свое трезвое представление о мире – на полный кавардак в башке. Кто полагает иначе, тот может смело присоединяться к этим ребятам.

Лешка кивнул на три скрюченных трупа, лежащих посреди дороги, и выразительно плюнул на землю.

– Во как! – заключил Лука Мудищев, прежде чем компания пошагала дальше.

Эпизод восемнадцатый

*Нужда момент не выбирает,
Повсюду путь свой пролагает...*

Ближе к вечеру показался небольшой населенный пункт. Дюжина крепких домов, постоянный двор, стадо коров, пасущихся на пригорке, куриное кудахтанье да цветущие огороды, охраняемые собаками ростом с годовалого теленка – вот и все хозяйство.

Обладатель постоянного двора встретил их вполне любезно, впрочем, собачек своих держал на коротком поводке. Работники у него также выглядели неслабыми парнями. Эти молчаливые пахари, с вилами в руках, давали ясно понять, что готовы к любому повороту событий.

Звонкая монета послужила неплохим сигналом к трапезе. Не прошло и минуты, как подали картошку с мясом, квашеную капусту, огурцы с помидорами, хлеба и пива. Свою порцию мордобитники схавали быстро, только ложки сверкали. Мандуин же с Лукой, напротив, потребляли пищу куда степеннее, но было видно, что простая народная пища лезет им в глотку с явной охотой. Лешка тоже не отставал, с большим аппетитом налегая на пиво и картошку с мясом.

Рядом, за соседним столом, сидела группа подозрительных отморожков, числом не более трех человек. Все, словно братья близнецы – густые черные броды, угольные глаза, оттопыренные уши, пропотевшая одежонка, грязная обувь и куча холодного оружия, небрежно положенного на скамьи. Эта публика шумно резалась в карты, подбадривая друг дружку крамольными речами. Батарей пустых бутылей (и скудные харчи) безусловно портила им настроение. Они недобро зыркали по сторонам, однако хамить в присутствии мордобитников не решались.

Почивать улеглись наверху, в просторной комнатухе с двумя оконцами в сад. И хотя кроватей на всех не хватило, Мандуин повелел принести тюфяков для ночлега и одеяла. Когда появились требуемые вещи, мордобитники аккуратно заперли дверь, а затем также аккуратно раскатали тюфяки на полу и повалились спать, не снимая походного облачения.

Снилась Лешке Лада. Только сон этот был какой-то странный, скорее на явь похожий. Более того, казалось Лешке, что всё в этом сне будто заранее отрежиссировано, словно в добротном блокбастере: Вот Луна висит, точнее целых две, вот ручей журчит ласково, а по берегам ива плакучая склонилась. И свет волшебный кругом установлен, тенями играет, как и подобает в хорошей постановочной сцене на тему любовного свидания. А еще лицо у Лады красивое, глаза обалденные, губы сочные, как спелая клубника в жаркий день, так и манят поцеловать.

– Нельзя тебе тут находится, – неожиданно сказала ему Лада, едва только он собрался выразить ей красивый комплемент.

– Это почему нельзя?

– Чужой ты тут. А в чужом мире чужим места нет...

– А где же тогда мое место?
– Я не знаю, – честно ответила девушка.
– А, по-моему, место каждого человека в точности там, где сердце его лежит, – тихо заметил Лешка, неудержимо склоняясь к девичьим губам.

– Ишь ты, какой быстрый, – ловко отстранилась от него Лада. – И оглядеться толком не сумел, ничем себя не проявил, а уже целоваться лезешь.

– Другие всю жизнь оглядываются, а места своего все равно нигде не находят... – находчиво отозвался Лешка и снова потянулся к девушке.

А ручей все сильнее журчит, норовит унести образ Лады куда-то нафиг, в баню, мутит сознание человеческое желанием греховными... Да так мутит, бляха муха, что прям в паху у Лешки образовался такой нестерпимый жар и такое немилосердное стеснение, что хоть волком вой и буквально бейся башкой об стену.

– Это все пиво, – нежно сказала ему Лада.

Слава богу, проснулся он вовремя, и сразу ринулся через спящих мордобитников к дверям.

– Блин, где тут у вас туалет?! – выпалил он ахеревшему хозяину, судорожно держась за яйца.

– Чего?

– Гальюн, говорю! Уборная, клозет, писсуар, мать вашу!

Хозяин сообразил и бросился отпирать двери.

– Вона вишь... – наконец бросил он. – На огонек ступай, тама фонарь путеводный подвешен, нужник аккурат под ним будет, так что не ошибешься...

Лешка не ошибся, хотя, покудова летел к отхожему месту, едва в штаны не напрудил. Однако затем долго стоял над дыркой в нужнике, и блаженная улыбка самого счастливого человека на свете мягко играла у него на морде.

"Что за жизнь... – с некоторым смущением подумал он, покамест звуки ниагарского водопада растворялись где-то в непотребной бездне. – Никакой тебе романтики, никакого культурного досуга, никакой любовной лирики, одни естественные потребности повсюду и очевидная срамота".

Ответом ему было стрекотание неведомого сверчка вдалеке, а также жужжания мух над ухом и трепетный полет мотылька возле пламенеющего в темноте фонаря.

Эпизод девятнадцатый

*Чего мы стоим – никто не знает,
Нам случай цену назначает...*

Ночь была в самом разгаре, когда Лешка неспешно двигался обратно к постоянному двору. Звенели комары, шелестела трава под ногами, ярко светила Луна, чуть прикрытая легкой дымкой облаков, мигали звезды. Воздух был свеж и сладок, его наполняли ароматы скошенных трав и душистого ельника. Хотелось жить и дышать полной грудью. Потом подозрительно ухнул филин, лениво гавкнула псина, звякнула цепь, и кто-то очень ловко шмякнул Лешку Сухарева по башке.

– Явно дубиной, – подумал он, прежде чем потерял сознание.

Очнулся Лешка в темном лесу, лежа на голой земле. Руки и ноги у него были крепко связаны. Над ним склонилась большая темная фигура. Лица было не разобрать, угадывался только крупный контур какого-то идиота с большими ушами. Вдобавок, от фигуры сильно пахло сивухой. Не прошло и минуты, как рядышком затрещали ветки и возникла еще парочка непонятных типажей, таких же лопухих, как и первый лиходей.

Дальнейшее показалось Лешке сценой из китайского театра теней.

– Надеюсь, это он? – хрипло поинтересовался первый идиот, пихая Лешку ногой.

Второй запалил крохотную лучину и посветил Лешке в глаза.

– Он это, зуб даю, – ответил второй.

– Да по харе видать, что это наш крендель, в точности, как заказывали, – уверенным тоном молвил третий. – Здешние так по-детски не пялятся. Здешние голодранцы тебя как будто насквозь видят. За свои рубежи горой встанут, пока их своя же шишкатура на ходу раздевает. Короче, без выгоды живут. Те еще суки...

– Ну, мы тоже не королевских кровей... Мы джентльмены удачи, прости господи...

– Не, мужики, каких бы кровей мы ни были, но этот гусь нас всех перецеголял. У него же взгляд, как у натурального осла.

– Ага... – коротко подытожил первый. – Какова житуха, таковы, значит, и взгляды на этот трижды гребанный мир и его трижды гребанное окружение...

Только сейчас, внимательно приглядевшись, Лешка внезапно понял, какие личности перед ним находится. Это была тройка картежных игроков с постоянного двора. Правда, за ужином они выглядели как клоуны, а сейчас разыгрывали роли очевидных убийц по воле неведомого кукловода.

Потом в небе застрекотало и звезды закрыла огромная тень.

– Дирижабль прибыла, – снова произнес первый. – Волоки этого урода на поляну.

И Лешку поволокли. Поволокли бесцеремонно, как вещь, даже не пытаясь уберечь пленника от возможных ушибов и ссадин.

Над поляной и впрямь завис дирижабль, чуть подсвеченный габаритными огоньками. Воздушный аппарат был около ста метров в длину, не более того. Эдакий Граф Цеппелин, только поменьше, но такой же пузатый, как и его прототип. Внизу располагался явный грузовой отсек, а также скромная кабина на дюжину персон, из которой торчали люльки для стрелков. Заканчивался аппарат двумя большими пропеллерами, работа которых была практически неслышной.

Затем на "цеппелине" врубили прожектор. Луч света озарил верхушки деревьев, прежде чем нащупал горстку людей. Сцена напоминал бандитскую "стрелку", на которой не хватало только отряда ментов, чтобы разогнать местную братву к чертовой бабушке.

Разумеется, с дирижабля сбросили веревочную лестницу. Еще через минуту на землю прыгнул лысый чувак с зеленоватым цветом кожи, похожий на вылитого орка как две капли воды.

– Моя готова страховать! – прорычал он, подобострастно поглядывая вверх.

Слова улетели в темень, а вместо них спустился толстый человек. Коснувшись ногами тверди, он скорчил недовольную гримасу и поковылял к Лешкиным похитителям. Между ними тотчас же завязалась оживленная дискуссия, содержание которой укладывалось в обыкновенную торговую сделку.

– Моя будет платить фам сто монет, как условлено в догофор... – без предисловий произнес толстяк, делая надменную физиономию. Акцент у него был явно немецкий, он коверкал простую русскую речь практически безбожно, не обращая внимания понимают его или нет.

– В договоре указано триста пятьдесят, если клиент живой, – возмущенным тоном возразили Лешкины похитители. – И только сто, если мертвый...

– Разве фы не знайт, господа контрабандистэн, что я несу отшень большой издержки, – мрачным голосом изрек толстяк. – Вы даже не представляйт себе, доннерветтер, какой ресурс нужен, чтобы сотержать моё воздушное судно в польный порядок. Это абсолютен швах. Надо фсе время платить. Платить за отшен дрянной топливо и за ржавый запчастен, а на содержание охраны, какофая жрать, куда больше, чем арбайтен, вообще уходит цвай тонна серебра. Короче, господа, эти края не есть гут. Они сплошной минус для настоящего коммерческого предприятия. Оплата за технический облсуга и агентурный персонал, алес капут, тоже запредельный цифра. Гнобы, даст ист паразитен, дерут в три шкура за свой ненавязчивый сервисный услуга и полеты в ночной темнота...

– Нас твои гребанные расходы не волнуют, Борманжир, – злобно донеслось в ответ. – Если ты никуда не спешишь, то мы сами сможем поведать тебе о том, сколько стоит жизнь простого европейского ассасина в этом чудовом русском раздолье, чтобы ты растрогался и добавил к нашей награде куда большую сумму, чем указано в твоём лживом договоре...

Повысив голоса до базарного крика, они спорили не менее четверти часа, с жаром рассказывая друг другу о неслыханных сложностях криминального существования, затем сошлись на приемлемых расценках для каждой из сторон. Борманжир клятвенно обещал платить за каждого новоиспеченного попаданца никак не меньше полторы сотни монет и еще давать в придачу ящик шнапса.

– Гут, – сказали европейские ассасины.

Таким образом компаньоны звучно сплюнули на землю и закрепили уговор крепким пожатием рук. Стоявший рядом орк глядел на них, как на тупое мясо.

"Попаданец – это, видимо, я, – догадался Лешка. – И судя по всему, я не первый, кто сюда попал".

Конечно, подобные догадки расширяли представление о здешнем обществе. Однако, догадываться дальше питерскому журналисту не дали. Ему живо накинули петлю на ноги и мигом втащили на борт дирижабля.

Тут было неожиданно светло и уютно, невзирая на сомнительное радушие экипажа. Лешка заметил штурвал и широкое кресло водителя. Вдоль бортов стояли какие-то ящики, а также бочки с нарисованным черепом и костями. Тут же находились копья, багры и ведра, лежали мешки с песком. По центру имелась ажурная винтовая лестница, уходящая одним пролетом куда-то наверх, а другим вниз.

Когда толстяк взобрался на палубу дирижабля, небо на востоке окрасилось бледным сиянием скорого утра. Последним, тяжело дыша, взобрался орк. Он вытянул за собою веревочную лестницу и угрюмо устался на хозяина. Тогда воздушный корабль снялся с якоря и, еле слышно тарахтя мотором, медленно отчалил на запад, подальше от солнечных лучей.

Эпизод двадцатый

*Меняйте чаще обстановку,
Чтоб сохранить рассудок и сноровку...*

Время тянулось мучительно долго, словно движение улитки, ползущей по острому лезвию гильотины. Наконец, ближе к полудню к Лешке приперся орк и, достав острый кинжал, освободил человека от пут. Действовал орк грубо, но без излишней жестокости. Тем же кинжалом он с откровенным удовольствием ткнул Лешку в задницу и повел его в каюту капитана.

Кабюта оказалась в кормовой части дирижабля, между дверьми с буквами "М" и "Ж". Капитан Борманжир слегка прищурился и весьма цинично оглядел пленника с ног до головы. Было видно, что товарный вид приобретенного материала пришелся ему по сердцу.

– Куда меня везут? – осмелился спросить Лешка, цепко оглядывая помещение. От его взгляда не ускользнуло, что тучный владелец воздушного корабля явно склонен к роскоши и комфорту. Помимо ценной мебели, образцом которой служил шикарный стол на резных дубовых ножках, на стенах висели живописные полотна с обнаженной натурой. Натура была пышная, как и капитан "Цеппелина". Лешка разглядел даже имя художника – некто Дюк Хренбрант. Изящные канделябры прекрасно дополняли эту обалденную живопись. Даже иллюминаторы были занавешены шелковыми шторами, окантованными золотистой бахромой. Пожалуй, единственным недостатком помещения являлась батарея пустых бутылок, скопившаяся возле дивана. Размеры батареи говорил о том, что

обитатель каюты обожает спиртные напитки ничуть не меньше аппетитных дам средиземноморья, включая длинноухих эльфиек, brutальных орчанок или дородных телочек из гномьего народа.

– О, вас не есть везут, вас есть немножко доставляют, – любезно прозвучало в каюте.

– Доставляют обычно картошку на базаре, а человека приглашают в гости.

– О, майн гот, уферяю фас, вы есть отшен полезный груз, не хуже этот ваш картошка... – Борманжир сделал дружелюбное лицо и широким жестом гостеприимного хозяина предложил гостю место за столом.

– И чем же я так полезен?

– О, – Борманжир зацокал языком. – С таким колоритным пассажир, как вы, даже мой скромный польза для родного отечества, доннер веттер, выглядит не есть гут... То есть, ээ... непрезентабелен.

На столе стояли блюда и кушанья, которых Лешка никогда ранее не видывал. Их было немного, зато выпивки хватало с избытком, ровно настолько, чтобы напиться вдрызг, а затем закусить и лечь под стол.

Орк подошел к странному прибору, издали похожему на стимпанковский патефон с большим рупором и серебряной ручкой от унитаза.

- Дафай-дафай, Гурршака, заводи мой любимый мелодий! - повелел ему Борманжир.

Гурршака так и сделал. Он несколько раз крутанул за ручку от унитаза, после чего в каюте заиграли скрипки, лютни и виолончели. Орк чуть постоял, зачарованно внимая дивным звукам, но потом опомнился и, встряхнув башкой, принял позу часового.

Таким образом, Борманжир и Лешка уселись друг против друга и принялись вполне галантно уничтожать выставленную пищу и вино к чертовой матери.

Разумеется, музыкальная атмосфера в каюте задавала легкий темп и манеру общения двух миролюбивых собеседников.

Через четверть часа Лешка Сухарев слегка окосел. Более того, он пришел к смешному выводу, что Борманжир ему нравится. Сволочь, конечно, конкретная, пробы негде ставить, но все же искренность и жизнерадостное поведение толстяка, нельзя было не отметить. Еще через полчаса они сидели как закадычные друзья, практически обнявшись, и кидались в орка остатками еды. Они старались попасть молчаливому громиле прямоком в лысый череп. Орк сжимал пудовые кулаки, свирепо сверкал белками глаз, мычал, но с места не двигался.

– Мой дорогой друг, господин комаден россич, – громко икая, произнес Борманжир. – Если бы не фойна с гнусный орда, то, майнн гот, я с преогромный радость отпустить твоя симпатичная персона на все четыре сторона. Иди, гуляйся, на фиг, куда хотеть, чтобы мой усталый немецкий глазен никогда больше не видеть тебя на борту моего славного "Чревоугодника". Ферштейн?

– Ферштейн, гер Борманжир, – фамильярно отвечал Лешка Сухарев. – У каждого из нас, безо всякого сомнения, есть обстоятельный повод находиться именно в том дерьме, в котором ему посчастливилось находиться.

– О, так вы есть философ, натюрлих?!

– Как и всякий россич, гер Борманжир...

– Тогда это не есть гут! А есть отшень беспощадный философия - прямолинейная, как удар стопудовый кувалда по морде лица... Яволь!..

– Яволь, ваше степенство! У россичей другой философии не бывает...

Мало-помалу беседа переместилась на свежий воздух. Нестойко держась на ногах, парочка собутыльников вышла на палубу "Чревоугодника" и, корректно поддерживая друг друга за плечи, остановилась возле левого борта.

Капитан Борманжир тяжело облокотился на бортик, шумно отдышался, а затем с большим удовольствием принялся рассуждать на тему местных достопримечательностей, проплывающих где-то далеко внизу.

– О, майн гот!.. Друг мой, теперь фы должен обязательно поглядеть на этот пастораль! Это есть место для польный любовь и счастливый жизнь! Натюрлих!.. Если бы не фойна с этот подлый и вонючий орда, то иметь тут свой маленький домик, банька, несколько штук симатишный киндер и гут жена, было бы отшен замечательно...

Лешка не возражал. Он дивился открывшемуся простору буквально как пацан. Внизу проплывал сказочный красоты пейзаж. Дирижабль летел на высоте птичьего полета, так что земля лежала практически как на ладони. Мимо проплывали леса, поляны, речушки, изредка виднелись дома и крохотные фигурки животных и людей. Разумеется, Борманжир не преминул блевануть на всю эту чудную красоту с невыразимым чувством омерзения. Таким образом, они переместились к правому борту, где открылся взору большой горный массив, покрытый могучими шапками ледников аж до самого горизонта. Издалека ледники казались громадными шляпками гигантских поганок, под сенью которых хоронились снега и мрачные тайны чужих неведомых земель. Борманжир и тут не сдержался, и снова с большим чувством омерзения блеванул за борт. Лешка, наоборот, выглядел молодцом, как и подобает простому росскому парню, привыкшему пить и курить едва ли не с детства.

Между делом Борманжир пытался выведать у собеседника, кто он вообще такой и откуда будет? То есть, из какого мира он прибыл в славное государство Мордор и какими-такими способностями обладает?

На первый взгляд, расспрашивал Борманжир бесхитростно, даже панибратски, как самый близкий и преданный друг, но только пьяный идиот мог купиться на такую удочку. Когда же выяснилось, что Лешка молчит в тряпочку, словно старый эльфийский партизан, пойманный орочьим дозором возле трона вождя, и не собирается откровенничать перед каждым иноземным алкоголиком даже в непотребном виде, хозяин "Чревоугодника" живо сменил тон радушного господина на откровенную ругань.

– Ти есть враг моего Шистого Рейха, – сердито сказал он. – А Шистой Рейх – это есть непобедимый мощь! Он может быстро сделает из любого человека послушный скотина!

В подтверждение таких слов к Лешке Сухареву вновь подошел лысый орк и застыл над ним, ожидая приказа хозяина.

– Росский швайн, натюрлих, доннер ветер, – тотчас же заявил Борманжир. – Отведи его на второй палуба, Гурршака. Пусть он почувствует глубочайший разница между моим гуманным обществом и фесьма грубой арбайтен на благо могучей Дойчландии.

Орк радостно осклабился, снова достал длинный орочий кинжал и, сноровисто тыкая этим неприятным оружием Лешку в зад, повел его, куда приказали.

Эпизод двадцать первый

*Мир нигде несовершенен,
Он повсюду равномерен...*

Вторая палуба оказалась довольно узким помещением. Сюда Лешку спустили аккуратно по винтовой лестнице. Здесь имелись небольшие смотровые окошки, как на подводной лодке, сквозь которые пробивались жиденькие полоски света. Около двадцати метров в длину и пяти в ширину, это помещение тянулось от носа до кормы, словно натуральный летающий гроб. Правда, вместо покойников, эта тесная кубатура была заполнена самыми настоящими велотренажерами, каждый из которых имел седло для посадки "рабочей лошади", педальный привод и медный спидометр на деревянном руле.

Один из тренажеров был свободен, на педали остальных нажимали "спортсмены-велосипедисты" – гоблины, гремлины, эльфы и тролли. Тут находились даже хоббиты. Их Лешка опознал сразу – по отсутствию обуви на волосатых ногах, придурковатым лицам и маленькому росту. Увы, сказочный народ Земноморья не выглядел сытым и счастливым, он был изнеможден безостановочным бегом на месте до чертиков и смотрелся как самая заурядная скотина. За всей этой фентезийной публикой бдительно следили три орка, таких же здоровенных и лысых, как и Гурршака. В помещении было сильно надыхено, стоял острый запах пота и давно нестиранной одежды.

"Так вот как приводят в движение этот летающий агрегат, – подумал Лешка, дивясь хитроумности местных кудесников. – Сюда бы Леонардо Да Винчи или Архимеда. Вот кто позабавил бы неистощимой выдумки разумных существ эксплуатировать друг друга до умопомрачения".

– Твоя садится здесь, ыы... гуг... – страшно коверкая слова, распорядился Гурршака и угрожающе шевельнул острием кинжала.

И Лешка уселся в седло, чувствуя себя настоящим посмешищем.

– Твоя сильно крутить этот педаль, хуман, ыы... гуг... – рявкнул орк, пристегивая Лешку цепью к железной скобе в полу.

И Лешка стал крутить, с неприязнью осознавая, что механизм велотренажера давно не смазан и работает с большим трудом.

– Твоя глядеть сюда, человека, – орк постучал толстым пальцем по манометру. – Это большой часы, круглый, блестящий. Часы показывать в твоя крохотный и дурной глаза, какой такой скорость ты теперь выдавать, собака, ыы... гуг... Вот твое место, вот стрелка-скорость, вот педаль, а вот красивый маленький значки, цифра называются. Их придумать ученые, гнобы, ии-дд-жинер-механикус, для облегчения физического труда великих орков. А этот четкий цифра ясно подсказывать в твой тупой ум, чтобы ты работать еще сильнее, если стрелка начинать падать. – Орк громозвучно отхаркался, поле чего добавил: – Норма скорость, мать твоя за нога, мало-мало пятнадцать узлов, ыы... гуг... доннер веттер... И так, твоя понимать мой разумный объяснений, урод? – Орк с откровенным сомнением глянул на Лешку Сухарева.

– Моя понимать, ыы... гуг... – ответил Лешка, непроизвольно передразнивая лысого ублюдка.

– Тогда давай крутить педаль, – угрюмо произнес Гурршака, давая человеку весомую оплеуху. – А потом мы будем обязательно глядеть, как твой смех станет застревать в твоя смешная глотка...

Следующие пять часов Лешка крутил педали. Крутил от души, чутко прислушиваясь к усыпляющему тарыхтению пропеллеров дирижабля. Вмести с ним, тупо и безостановочно, крутили педали остальные узники Борманжира. Втихаря Лешка ругался как последний сапожник: "Бляха-муха, в задницу этот долбаный мир, с его сказочными замашками. Тут же одни фашисты окапались, словно Вселенная сошла с ума. Словно ей делать больше нечего, как только без конца поддерживать идиотов с национал-патриотической кашей в башке! Правильно мы вас на Чудском озере под лед пустили. И под Сталинградом славно расхерачили!"

Последние слова он почти выкрикнул. Худущий тролль, занимавший велотренажер перед ним, опасливо оглянулся.

– Чего уставился, чмо педальное!.. – в сердцах выпалил ему Лешка. – Александра Невского сюда бы, чтобы он показал местным упырям, где раки зимуют!

Теперь на Лешку глядела уже вся горемычная компания. Недоумение публики было вполне искренним, благодаря чему три здоровых орка показали второй палубе, кто тут является хозяином на самом деле. Лешка не только узнал, что такое интенсивная работа каторжанина в тесных отсеках авиации шестого рейха, но и сумел твердо уяснить, что лучше быть покорным тружеником, чем выслушивать ушаты орочьего мата и получать под ребра увесистые тумачи.

Когда снаружи стемнело, работникам второй палубы принесли пожрать. То есть пара гнобов, в грязных поварских колпаках, шумно пыхтя, спустились вниз. За ними аккуратно спустили чан с каким-то булькающим варевом. Это оказалась рисовая каша, сдобренная жиденькими кусками мяса.

Чан поставили посреди помещения, после чего выдали каждому "велосипедисту" по деревянной ложке, а затем приказали принимать пищу как можно шибче, иначе сие питательное дерьмо живо вывалит за борт.

В этот момент Лешка четко осознал, что представители различных племен и народов могут вполне ужиться в обществе друг друга. Никому из присутствующих ненужно было объяснять дважды, что чем быстрее станет сверкать твоя ложка, тем плотнее будет набит твой желудок.

Эльфы оказались ловчее всех. Их было трое – Мегаласс, Ивнипуксли и Фердрасиль. Именно так представились они новому товарищу по несчастью, стараясь говорить шепотом. Второе место по скоростному приему пищи заняли гремлины. Стремительно утолив голод, они без лишних слов поприветствовали новичка поднятыми над головой кулаками.

– Но пасаран, мужики, – тихо отвечивал им Лешка, также подняв кулак к потолку.

Далее шли гоблины и тролли, однако "точить лясы" с этими клыкастыми чуваками было совершенно не о чем.

Последними управились с ужином хоббиты. Лешка поделился с ними своей порцией каши и долго не мог отделаться от мучительного ощущения, что его теперь принимают за гуманитарный филиал Красного креста в постсоветском Мордоре.

Одного из хоббитов звали Бродо, а другого Тродо. Они почесали мозолистые пятки и стали безотлагательно рассказывать Лешке про какое-то древнее кольцо, свихнувшимся горлуме и шагающих деревьях Энтах. Они также поведали о вновь проснувшимся вулкане Ородруине, назгулах и свежей необходимости спасать мир. Они могли бы рассказывать подобную ахинею очень долго, однако Лешка Сухрев решительно прервал их на самом интересном месте и вполне четким голосом дал понять малоросликам, что он только с виду полный идиот, а так прекрасно соображает, кто здесь окончательно сбрендил, а кто еще нет.

Малорослики поглядели на него удивленными глазами. Остальные тоже.

Тогда Лешка выразительно провел деревянной ложкой по горлу (дескать, он про эту херню с кольцом уже сто раз слышал), но спасать мир от полудурков, его лично не тянет.

Когда чан совершенно опустел, работникам наконец-то позволили отдохнуть.

– Ваша спать, набираться сил, ы... гуг... Иначе – амба, – громогласно рявкнул лысый Гурршака, после чего на второй палубе стало тихо, как в могиле.

Ночью Лешке снова приснилась Лада. Она с жаром пыталась объяснить ему, что он не прав, поскольку мир спасать надобно постоянно. Потому что мира – мало. Мир – это маленькая жизнь, окруженная холодной тьмой. Если тьму не разгонять, то всему живому придет пипец...

...Глупости все это, хотел возразить ей Лешка, ибо разгоняют обычно голубей на крыше, или тараканов на кухне, а тьме следует противопоставлять электричество и светодиодные лампы...

...Он хотел обнять девушку, однако возникший откуда-то справа Лука Мудищев, не позволив ему распустить руки. Этот кряжистый мужик взял его под локоток и, хитро прищурился одним глазом, сообщил во всеуслышание, чтобы Лешка не торопился растлевать невинное создание, потому как всякому почтенному человеку следует блудить только на законном основании, после положенного штампа в пачпорте...

...Потом появился тренер Павел Юрьевич Паланкин и сказал ему, что разгонять тьму лучше всего на турнике, потому что представители тьмы всегда пасуют перед теми, кто имеет отличную физическую подготовку...

...Затем сон чуточку перекопало, и перед Лешкой образовалась картина большого русского поля, усеянного телами поверженных воинов. Тела были исполинские, как у титанов и над ними хищно кружили назгулы. Один из назгулов вдруг резко увеличился в размерах, и Лешка отчетливо увидел два больших горящих глаза. В этих глазах светился нечеловеческий разум. Этот разум сообщил ему о том, что Тьма обязательно накроет все сущее на свете, какое бы животворное пламя не дергалось в потемках мироздания...

– Не гони волну, птеродактиль сраный, – безмятежно возразил ему Лешка и шумно поскребся в затылке. – Дело ведь не во тьме, а, приятель? Дело ведь за теми, кто прячется за тьмой, стараясь скрыть свои преступления и черные души. А вот когда мы возьмем этих ребят за шкуру, то твоей летающей жопе придет конец... Правда ведь, говнюк?

– Сука, – сказал ему назгул.

– Ага, – сказал ему Лешка Сухарев.

После этого послышался гул голосов, и началась массовая драка. В драке Лешка не участвовал, ибо сон сморил его окончательно. Он широко зевнул и мигом вырубился, невзирая на все попытки назгулов дать ему в харю.

Эпизод двадцать второй

*Тому, кто очень мало стоит,
Наверное, и жить не стоит...*

Точка прибытия располагалась высоко в горах. Это был замок, построенный на самом пике безымянной скалы. Со всех сторон его окружали километровые пропасти и безраздельный холод небес.

– Цитадель смерти... – тихим голосом сказал один из троллей, тыча корявым пальцем куда-то в смотровое окошко. – Ущелье Мертвого дракона...

Лешка отодвинул тролля в сторону, желая убедиться в правоте услышанных слов. Тролль не обманул, так как более зловещей картины Лешка никогда не видел. Он глядел на узкую петляющую дорогу, точнее на тропу, что вела к "Цитадели смерти" через забитое камнями ущелье и в сердце его заползала тоска и печаль. Помимо камней, грязи и снегов, крутые склоны ущелья покрывала толстая ледяная корка, сквозь которую торчали циклопические кости мертвого ящера. На фоне этого горного хаоса замок, утыканный башнями буквально сверху донизу, выглядел более чем эпически, подобно символу незыблемого могущества, устремленному в сияющую вечность с начала времен. Он казался естественным продолжением грозных вершин, таких же безысходных и мрачных, как и само небо вокруг.

Не прошло и минуты, как наверху отдали команду к швартовке, и послышалась расторопная беготня команды. Вслед затем к Лешке спустился Гурршака. Взгляд его был мрачен, он позвенел цепью, освобождая человека от оков, после чего повел его наружу.

Очутившись на свежем воздухе, Лешка непроизвольно передернул плечами, ибо ветерок на улице пробирал до костей. Зато именно тут, под куполом морозного небосвода, в глубокой синеве которого таяли последние ночные звезды, он сумел во всех подробностях разглядеть детали его нового местопребывания. Как оказалось, дирижабль завис в десяти метрах над большой круглой террасой, выступающей одной стороной к самому краю ужасающей пропасти. Терраса была выложена булыжником и каменными плитами. Безо всякого сомнения использовали ее в качестве посадочной площадки, по периметру которой располагались чаши с огнем.

С борта дирижабля "Цитадель смерти" казалась фантастической декорацией, доверху напичканной различными аксессуарами, включая бухты тросов, штабеля досок, гранитные глыбы и спрятанные под навесы дрова. Кроме того, крепость имела различные виды защиты, а именно: около дюжины мортир, готовых оказать противнику достойный

прием, и столько же метательных установок, чей сказочный вид напоминал об устройстве гигантских арбалетов. Разумеется, возле оружия виднелись груды чугуновых ядер и еще какая-то внушительная дрянь, щедро утыканная шипами. Без сомнения, с таким арсеналом можно было отправить к дьяволу целую армию летательных аппаратов, не говоря уже о "Чревоугоднике". Гавкали собаки, звенел мороз, дымились костры, толпился местный народ.

Увы, народ Лешке не понравился сразу, как и собаки, а в километровую пропасть хотелось попросту плюнуть.

Собравшись с духом, Лешка так и сделал. Пропасть ответила ураганным порывом ветра, со дна ее немедленно поднялся вихрь колючего снега и превеликая масса гнилых листьев.

– Ыы... гуг... человека урод... – тотчас же рявкнул Гурршака и дал Лешке по шее. – Кто плевать в пасть дракона, тот хуже куриного помета...

– Лучше быть куриным пометом, чем служить мифологическим подонкам, – упрямо стиснув зубы, ответил Лешка, после чего снова получил по шее (два раза).

С "Чревоугодника" покричали, чтобы внизу, на площадке, принимали концы. Снизу тотчас же проорали, что давно готовы к швартовке. Более того, если на дирижабле не пошевелиются как следует, то конец придет уже самой летательной машине.

Затем причалили, правда, едва не разворотив летающей посудиной одну из башен. Это выглядело как прибытие в родной порт после длительного плавания, разве что вместо веселых матросов, покуривающих трубки на кнехтах, на каменной площадке причала находилась группа монахов и скорбно пялилась в божий свет.

Разумеется, эта мрачная делегация встретили капитана Борманжира по-деловому, как подобает вполне благоразумным людям, для которых дела духовные подкрепляются исключительно мирскими расчетами и светскими обязанностями. Здесь Лешке Сухареву вновь пришлось убедиться, что все в этом мире имеет свою цену. Он расслышал короткий звон монет и твердые уверения в том, что доставленный товар имеет самые превосходные качества.

Товаром, разумеется, являлся сам Лешка, только вот сумма теперь была значительно выше той, что причиталась лопухим еврогейским ассасинам.

– Надеюсь, объект не поврежден? – спросил один из монахов.

– О, майн гот, – высокопарным тоном прозвучало в ответ. – Что может происходить с этот крепкий росский орешек?.. Я только немножко заставляйть его поработать на благо моей великий страна – фесело, комфортно, в надежный трутофой коллектив... Уферяю фас, господа, это мероприятий пошло ему только на польза... Разфе не видать?

Естественно, Лешка сделал кривую морду, чтобы видно было, каковы его качества на самом деле.

Когда сделка завершилась, его сходу передали в руки монахов. Они ощупали "товар" со всех сторон, заглянули в зубы, причесали волосы, поставили раком и даже проверили заднепроходное отверстие.

Подобная проверка напоминала таможенную экзекуцию в постсоветском аэропорту, с той лишь разницей, что здесь действовали куда более простодушными методами, чем на заповедной территории родимого аэрофлота. Увы, там любого гражданина вывернули бы наизнанку за милую душу.

– Ну как, господа монах, фсе есть польный порядок?

– О, да, все на месте, – произнёс один из монахов. – Экземпляр отличного качества и анатомически соответствует нашим требованиям.

– Моя отшень надеется, что претензий от вас больше не будет? Как в прошлый раз...

– Мы проверили досконально, – твердо прозвучало в ответ.

– Уверен, что вам понравилось, – ухмыльнулся Лешка, стараясь застегнуть штаны на морозе как можно скорее.

Монахи посмотрели на него с большим интересом. Физиономии у них были вполне человеческими: глаза, уши, рот и нос – все вроде бы на своих положенных местах, как у всех нормальных людей, а вот ладони оказались шестипалыми.

– Мутанты, что ль? – без затей спросил у них Лешка, но его вопрос унесло холодным ветром куда-то в пропасть. Вместо адекватных разъяснений бывшего журналиста Лешку Сухарева схватили за руки и грубо швырнули на землю. Краем глаза он успел заметить большой шприц в руках одного из монахов и мгновенно понял, кому приготовлен этот медицинский инструмент. Предчувствие не обмануло его, уже через пару секунд он испытал болезненный укол в задницу, и ему сделалось хорошо. Закрывая глаза, он расслышал, как Борманжир восторженным тоном оценил подтянутые ягодички простого русского человека.

– Точно мутанты, – прохрипел Лешка, прежде чем потерять сознание.

Эпизод двадцать третий

*Чтобы понять мироздание,
Садисты нужны и дерзания...*

Очнулся Лешка в тесном каменном мешке – ничком на лежанке. Башка трещала так, словно там гудел тяжелый церковный колокол, однако он быстро взял себя в руки и осмотрелся. Над ним высоко над головою висел фонарь, скудно освещая помещение. Увы, ни окон, ни дверей, ни одного отверстия наружу нигде не наблюдалось. Только глубокая тишина вокруг, болезненная ломота в груди, да медный горшок на полу для отправления естественных потребностей.

Горшок Лешка наполнил живо, ибо на его месте обделался бы каждый, а вот тишина сама, как удав, норовила удушить его в своих объятиях.

Таким образом, прошло немало времени, прежде чем послышался звук отпираемого замка и часть монолитной стены, издавая мерзостный скрежет, отъехала в сторону. Чей-то скрипучий голос тотчас же приказал узнику встать и широко раздвинуть ноги. Следующим требованием было поднять руки за голову и не двигаться. Лешка неохотно повиновался, чувствуя себе натуральной марионеткой. Вслед затем показались два высокорослых парня, чем-то похожих на санитаров из психушки. Один взял горшок с дерьмом, другой поставил перед узником поднос с едой.

– А журналов или газет у вас нету, для интеллектуального досуга? – поинтересоваться Лешка.

"Санитары" взглянули на него с очевидным недоумением, как на явного калеку, после чего удались. Лешка принюхался к запаху пищи и мигом почувствовал, что проголодался. Миска с жиденьким мясным бульоном, рыхлая котлета, раздавленная всмятку и кусок хлеба, шустро переместились в его желудок.

Набив брюхо, узник вновь завалился на лежанку и невольно вспомнил родной Питер: летняя жара, Эскиммо на палочке, золотой купол Исаакиевского собора, крейсер Аврора, Петропавловка и куча молодых загорелых девок с оголенными ногами. Живи – не хочу, тем более, если рядом есть верные друзья, товарищи, любимая женщина, паровоз Ильича и прохладное дыхание Невы на излучине Васильевского острова.

Воспоминания навевали тоску. Кроме того, было совершенно непостижимо, каким образом можно оказаться вдали от столь прекрасного места, как город Санкт-Петербург? Оказаться в ином мире, населенном орками, эльфами и прочей сказочной публикой...

Ситуация вновь требовала серьезных объяснений, однако усыпляющее мерцание фонаря под потолком заставляло думать не о прошлой жизни, а о нынешней реальности.

Впрочем, долго скучать не пришлось, дверь сызнова отъехала в сторону, и на пороге опять возникли знакомые "санитары". Морды у них были сволочные. На сей раз пожрать

ему не дали. Вместо этого, его молча подняли с лежанки. Затем в два счета обрядили в смирительную рубашку и приказали ждать указаний.

– А может я сам дорогу найду? – бесхитростно поинтересовался Лешка. – Ежели мне путеводитель выдадут...

Немедленный удар под ребра дал четко понять, что самостоятельные прогулки здесь не одобряются.

– Ведите объект №227 к экселенсу, – проскрипел откуда-то незнакомый голос.

"Селекторная связь, – догадался Лешка. – Как в правительственном бункере."

Команды "санитары" исполняли быстро, как роботы. Они вывели "объект №227" из камеры и повели его по длинному коридору в неизвестность. Потом возникли ступеньки. Их было много. Они тянулись куда-то далеко наверх, словно идеальный путь к сияющим вершинам гуманизма из пагубной тьмы веков.

Ясное дело, Лешка шагал по ступеням с гордо поднятой головой. Он шагал словно на казнь, остро чувствуя сияющий нимб над головой и крест мученика за плечами. Ему не хватало только священника, чтобы тот сказал ему пару утешительных слов о всепрощении и скорой встречи с Всевышним.

Таким образом, "объект №227" оказался на этаже с надписью LEVEL113. Здесь царило запустение. Его провели мимо длинной череды запертых дверей. Эти двери смахивали на массивные стальные люки в секретном комплексе гестапо. Каждая дверь была снабжена небольшой табличкой, на которых значились имена и фамилии каких-то личностей. Еще ниже имелась дополнительная информация о расовой и половой принадлежности этих субъектов, а также их возрасте, семейном положении, специальности и привычках.

***Билли Боннс из Бриттуни. Джентльмен удачи.
Думает, что находится на острове сокровищ.***

Зеленуха. Тролльчиха. Была воспитана в эльфийском интернате для трудновоспитуемых ордынских подростков. Затем работала поварихой в мордорской столовой №132. Под лозунгом "Все лучшее Троллям" обнесла заведение на 2 тонны картофеля.

***Чувак с номером 13 на спине. Родился в убежище Чунга-чанга.
Убежден, что общество живет по системе пошаговых боев.***

***Герольд из Фивии. – Блондин. Уверен, что люди – это монстры, задача которых превратить окружающий мир в "Страну дураков".
С виду герой. По замашкам фраер. За кошель серебра убьет любого.***

***Пикуль Грязеборг. – Гноб. Superstareц. Сочинитель эпиграмм, высмеивающих знать. Автор прокламаций о множественной плоскости миров.
Поэт. Астроном. Бомж.***

***Дард Ведро – астматик. Носит ведро на голове.
Хочет убить всех, чтобы наступил мир. Кретин.***

Гаг – парень из преисподней. Свихнувшийся Фашист. Говорит, что побывал в мире без войн и насилия. Любит оказывать бескорыстную помощь.

Нео Шматрикс – ни с кем не общается. Считает, что люди – это батарейки, назначение которых подпитывать могучий машинный разум.

Табличек хватало с избытком. Они напоминали о том, что каждый из людей-батареек может быть кем угодно – хоть Нео Шматриksom, хоть Зеленоухой или Дардом Ведро, лишь бы его психиатрический диагноз совпадал с его материальными возможностями.

Естественно, подобную информацию афишировать не стоило. Однако долгий крик, вдруг прокатившийся по коридору, говорил о том, что человек неизбежно проявит себя в любой обстановке. Этот крик, а также умоляющий голос и жалкие стоны, гулким эхом прокатились в полумраке стен, заставляя думать о собственной житейской карьере с откровенным пессимизмом.

Коридор закончился лифтом, вернее клетью. Тут же стояла лебедка, жестяное ведро и ящик с песком, рядом висел пожарный щит с багром и лопатой.

Когда троица разместилась в клетке, лебедка бойко затарахтела, поднимая груз на следующий уровень "Цитадели смерти".

Судя по всему, тут размещался цех по переработке мяса. Причем цех громадный, щедро заваленный огромным количеством мертвых туш. Повсюду виднелись потеки крови, куски плоти, густо пахло мертвечиной и спиртом. Еще дальше располагалась настоящая алхимическая лаборатория, отгороженная от "мясного цеха" высоким толстым стеклом. Сквозь стекло можно было без труда различить изрядное количество столов, на которых находились кастрюли различных емкостей, булькало какое-то мутное варево, дрожали колбы, банки и реторты, а под потолком нескончаемо тянулись медные змеевики, клапаны и бесконечное переплетение кабелей, труб, трубочек, кранов и проводов.

В проходах между столами сновали люди в серых балахонах, с лицами откровенных иезуитов. Их физиономии не выражали ничего хорошего, кроме глубокого умственного труда, результатом коего могло быть только нечто дьявольское и крайне пагубное для всех обитателей остального мира.

Следующим помещением оказался длинный каменный зал, заполненный большими чанами с водой. Вода в чанах была тусклая, грязная, воняла илом и тиной. Поверхность ее мелко и противно подрагивала, образуя вонючие пузыри, там явно кто-то находился, но проверять, как он выглядит, не хотелось.

Кроме чанов, здесь возвышались высокие цилиндрические банки с различными фрагментами тел. Тут были руки, ноги, глаза, уши, грудные клетки, нити кишок, гениталии, копыта, отрезанные крылья и даже головы. Некоторые части тел принадлежали кому угодно, но только не гуманоидам. Спиртом тут несло особенно сильно, однако выпить никто не предлагал.

Когда покинули местную кунсткамеру, Лешку едва не стошнило. И куда его вели дальше, он никак не мог позабыть заспиртованную голову одного из чудовищ. Ему и сейчас чудилось, что она смотрит на него долгим взглядом загадочного инопланетного существа. Этот взгляд как будто ясно говорил, что разум и научное познание мира – это очевидный миф, место которому в аду.

В конце концов, "санитары" привели его в просторную комнату, вероятно кабинет. Длинный стол, мягкие кресла, большой камин, живописные гобелены на стенах, мягкие бархатные шторы, ажурная люстра под потолком и высокие книжные шкафы, создавали атмосферу домашнего уюта и тепла.

– Экселенц, объект доставлен, – снова известил неведомый голос.

Хозяин кабинета сидел в одном из кресел, возле камина, где полыхал огонь и потрескивали поленья. Его узкое, вытянутое лицо выглядело как сморщенный от времени перец, положенный на худосочные плечи. По правую руку от него (в другом кресле) сидел еще один горемыка, правда, с бородой, как у Карла Маркса и столь же могучим черепом. А по левую – находился очевидный советник – с хитрыми глазами и вкрадчивыми, как у змеи, движениями. Он безостановочно шевелил пальцами, словно перетирал между ними

невидимые купюры. Лешка мысленно окрестил его Крохобором. Эта странная компания носила долгополые мантии – черные, как крылья ночи, отчего казалось, что в комнате находится тройка гигантских грифов. Атмосфера в комнате была гнетущей, наполненной мрачными мыслями, потаенными страхами и предчувствием неотвратимого наказания за тонны грехов, учинённых во имя постижения неведомых истин. Впрочем, это впечатление быстро развеялось, поскольку Перец оказался вполне улыбочивой сволочьё. Он по-домашнему полуобернулся к Лешке и весьма любезно предложил ему занять свободное кресло.

Беседа проистекала крайне дипломатично, на высокой культурной ноте и столь же высоких отношениях. Даже "санитары" в подобной обстановке казались приятными деталями интерьера, не говоря уже о смирительной рубашке, которую с пленника так и не сняли.

– Вы знаете, куда попали? – спросил Перец, после долгой паузы.

– Гм... "Цитадель смерти", если я не ошибаюсь, – ответил Лешка, стараясь выглядеть образцовым собеседником.

Компания слегка оживилась, перекидываясь едва заметными усмешками.

– Так нас называют простолюдины и прочая публика, – продолжил Перец. – Но я спросил не об этом. Я имел в виду более широкий смысл...

Лешка замялся.

– Если вы о мире, в котором я с недавних пор очутился, – наконец произнес он, – то мое представление о нём ограничивается постоянными зуботычинами и пинками под зад. А в таком положении трудно сделать правильные выводы

Троица переглянулась, будто обмениваясь мыслями.

– Вы слышали что-нибудь о "Колодце мироздания" или о "Временных пролетах"? – пригладив бороду, полюбопытствовал Карл Маркс.

– "Колодец мироздания"! – Лешка сделал умное лицо. – Звучит, конечно, красиво. Это напоминает мне о старых дворах в Питере. Они тоже наполнены колодцами и пролетами, время в которых кажется вечностью.

– Вечностью?! – переспросил его Крохобор.

– О, уважаемый, в данном случае, вечность – это метафора, игра слов. Поэтическая вольность. Особенно понятная тем из нас, кто с детства пролетал мимо государственных кормушек и правительственных пайков.

– В нашей цитадели все летят куда надо, – буркнул Крохобор, – согласно инструкциям вышестоящего руководства,

– О, я сразу так и понял.

– Тогда вернемся к "колодцу мироздания".

– Как скажете. Более того, если вы никуда не спешите, то я сам могу поведать вам о том, что такое, к примеру, "Теория резиновой Вселенной".

– Любопытно, – нахмурился Карл Маркс.

– Так вот, – смело продолжил Лешка. – "Теория резиновой Вселенной" предполагает, что наша с вами реальность растягивается к чертовой матери многие миллиарды лет. Но придет время – и это растягивание закончится.

– Откуда такая информация?

– Это называется эффектом гармошки.

– Какая еще гармошка?

– О, господа, гармошка – это, по сути своей, вечный двигатель в руках божественного гармониста. То есть пока вы растягиваете меха туда и обратно, то все живое танцует вместе с вами. И так до бесконечности, если, разумеется, не вмешается высший разум или гармонь не лопнет от избыточного напряжения, как резинка от труссов.

– И что?!

– А то, что когда наконец гармонь лопнет, то лопнете и вы, не хуже мыльных пузырей.

– А мы-то здесь причем?!

– Все так говорят, пока им Вселенная свой приговор не зачитала.

Лешкина эрудиция слегка озадачила троицу. Было очевидно, что "Теория большого взрыва" им совершенно незнакома. Они опять обменялись долгими взглядами, после чего Лешка понял, что телепатия явно существует, хотя доказать подобные факты еще никому не удавалось.

Предположение казалось правдоподобным. Более того, обмен мыслями происходил с такой чудовищной скоростью и в таком объеме, что любая речь выглядела бы тут пережитком прошлого. Чувствуя себя человеком второго сорта, Лешка терпеливо ожидал, когда "высокий интеллект" хозяев вновь обратит на него свое благосклонное внимание. Как видно, молчаливое совещание закончилось на вопросительной интонации, после чего пленника спросили о том, как называется его мир? Затем потребовали подробно описать устройство земного сообщества.

Лешка рассказал. После чего ученая троица пришла к выводу, что рыночная модель управление планетарными ресурсами является тупиковым путем развития экономики, заменить который могут неисчерпаемые источники черной магии, титаническая деспотия, кастовая разобщенность, сословные привилегии, заветы отцов основателей и постоянное развитие военно-промышленного комплекса.

– Нам знаком твой мир... – четко прозвучало в кабинете. – Заурядная дыра на темной стороне мироздания, из эпицентра которой безостановочно разит выгребными ямами, пивной отрыжкой и сомнительными удовольствиями.

После таких слов Лешке, наконец, объяснили, почему он находится в смиренной рубашке и какова его ценность для местной науки и высшего руководства.

– Ты – попаданец... – отбросив всякую учтивость, молвил Перец. – И ты не первый, кто умудрился оказаться в чужом для него измерении по воле неизвестных факторов. Ты – уникален. Тебя необходимо беречь, по крайней мере, до тех пор, пока не станет ясно, каким образом ты можешь попадать в иные миры.

Лешка пожал плечам

– Даже если бы я об этом знал, то ничего, кроме фиги вы от меня точно не увидите.

– Ну это уже нам решать, чего тебе видеть, а чего нет... Отныне ты пешка, жертва обстоятельств, не более того. Природа наделила тебя необычайными способностями, но это вовсе не означает, что сам ты – необычный человек. Сломом, пока ты с нами, то твоя задача быть на острие научно-технического прогресса. Разве подобное обстоятельство не окрыляет тебя, а, попаданец?

– Меня бы окрылило мое скромное возвращение домой.

– Ну, этого я лично обещать не могу, – сказал Перец.

– А что вы вообще можете обещать, с вашим прогрессом? – без обиняков заявил Лешка и дерзко ухмыльнулся. – У вас же на лицах написана мечта о том, чтобы приподнять стенку в местном казначействе, когда там никого не будет? Или пределом ваших дерзких мечтаний является женская баня, куда бы вам непременно хотелось бы попасть через заветную дыру в непостижимом пространстве? Судя по вашим напряженным фигурам хорошая порция сексуальных утех пришлось бы вам в самый раз.

– К сожалению, мы не разделяем твоих насмешек... – усталым голосом ответил Перец. – Увы, подобные мысли характерны для низших созданий, не способных постичь истинных масштабов окружающих тайн и загадок.

– Тайны, загадки, это все отлично, – проговорил Лешка и вполне игриво подмигнул трем собеседникам. Но хорошая вечеринка в обществе прекрасных дам еще никому не повредила. А, пацаны?

Карл Маркс и Крохобор слегка покраснели. Разумеется, экселенц тотчас же заметил их смущение, и патетическим голосом сообщил, что не все обитатели вселенной живут низменными инстинктами.

– Ясное дело, – кивнул Лешка Сухарев. – Для этого мужиками надо быть.

– Тебе вероятно даже невдомек, – строго заметил Перец, – что есть такие миры, где все твои земные представления о жизни будут выглядеть не более чем насмешкой над здравым смыслом. Увы, это в твоей убогой реальности люди искренне убеждены, что являются венцом творения, прихотям которых должно подчиняться все живое на свете. На самом же деле, вы никому не интересны, кроме, конечно же, земляных червей. Поверь нам, попаданец, прогресс на вашей планете – это набор мультимедийных развлечений. Он делает вас слабыми и зависимыми от ваших технических костылей и приспособлений, которыми вы так тщательно окружаете свой никчемный быт. Ваша цивилизация – это паразит на теле природы. Вы – насмешка над самой идеей разумной жизнедеятельности высокоразвитых существ, ибо все, о чем мечтает каждый из вас – это всего лишь нажива, игровой азарт, убийства себе подобных и череда плотских наслаждений.

Лешка нахмурился, ибо возразить ему было нечего.

– Ну, хорошо, – произнес он после гнетущей паузы. – Положим, вы правы. Но тогда скажите мне, каковы могут быть интересы таких просвещенных мужей, как вы, господа ученые перцы, в этой забытой богом дыре, помимо, разумеется, нравоучительных рассуждений?

– Мы ищем знаний, – был ему ответ.

Эпизод двадцать четвертый

*В этом мире повсюду нелепость,
Только дом твой надежная крепость...*

Знания из Лешки обещали выбивать попросту, невзирая на его протесты и матерные угрозы. Поскольку было абсолютно неясно, какими способностями он обладает на самом деле, то ему назначили ряд испытаний, исход которых предполагал новые горизонты открытий в "Цитадели смерти". Более того, Лешку твердо уверили в том, что его засунут в самое пекло научно-исследовательских экспериментов. То есть не пройдет и недели, как его заставят узнать о себе всю подноготную, включая не только пределы собственного потенциала, но и выйти за грань невозможного.

– Любезный human, – с ноткой пафоса сказал ему напоследок старый сморщенный Перец. – Желаете вы того или нет, но нашим ученым останется только зарегистрировать те или иные всплески вашей метафизической или физиологической активности. От вас же, как от гордого представителя вашей скандальной цивилизации, не потребуется ничего недостойного. Напротив, друг мой, я уверен, что вы станете вести себя самым героическим образом, дабы ваши соплеменники могли гордиться вами в полной мере.

– Подтверждаю, экселенс, – отсвечивая могучим черепом, обронил Карл Маркс. – Герои и героическое самопожертвование является любимым занятием человечества. Их хлебом не корми, а дай только погибнуть во имя чужого материального обогащения и патриотических идеалов.

– Информация стопроцентная, – буркнул Крохобор. – По части самопожертвования люди вне конкуренции. Они готовы пролить океаны крови ради тех, кто предаст их при первой же возможности.

– Ну что ж, – удовлетворительно подытожил Перец. – По крайней мере, хоть в этом вопросе мы ничем не нарушаем мировоззрение и права нашего дорогого гостя.

На этом разговор прекратился. Недолго думая знакомые "санитары" повели пленника в лабораторный корпус, помещения которого он сподобился наблюдать на пути к "трем умникам".

Согласно полученным инструкциям его передали в руки настоящих адептов научно-технического прогресса. Эти ребята не задавали лишних вопросов, по их лицам было ясно видно, что истинные ученые знают наперед, куда нужно поместить желанный образец для исследований, чтобы он показывал наилучшие результаты.

Не прошло и минуты, как Лешка очутился на "электрическом стуле" – именно так он определил кресло, на которое его усадили. Тут же щелкнули металлические замки на лодыжках и запястьях, после чего ему пришлось убедиться окончательно, что с ним никто не шутит. Ощущение было неприятным, как и сама комната, в которой он очутился. Тут стояли длинные столы, на которых возвышались разнообразные приборы, реторты и колбы. Одна стена помещения была полупрозрачной и, сквозь большое толстое стекло, там явственно проглядывал следующий отсек лаборатории. Шипел газ, тихонько булькало какое-то варево, ярко пламенели свечи, омерзительно воняло паленой шерстью, жженой резиной и спиртом, тикал скрытый часовой механизм.

Наконец донеслось мирное гудение, как будто где-то в самой сердцевине "Цитадели смерти" запустили крупный транспортный элеватор. Постепенно звук усилился и начал действовать на нервы, словно здоровенный комар над ухом.

Ученый персонал, тем временем, суетно зашнырял по комнате. Защелкали скрытые кнопки и тумблеры, мелко задрожали стрелки причудливых приборов, раздались штатные команды, типа занять рабочие места и приготовиться к самому худшему. Атмосфера мигом вошла в русло кипучей научной жизнедеятельности, благодаря которой группа чумовых исследователей намеривалась выбить у Создателя его очередную тайну. В конце концов, откуда-то сверху, медленно, почти торжественно, как крышка гроба, опустился большой черный колпак, щедро утыканный пучками разноцветных проводов.

Лешка дернулся, не желая попадать под темный зев подозрительного устройства.

– Образец под номером 227 – не шевелится. Неадекватное поведение будет караться суровыми методами, – сухим тоном потребовал один из ученых. Лицо у него было доброе, как у Эйнштейна, только что понявшего, что все относительно.

Электрический разряд тотчас же подтвердил, что двести двадцать вольт под зад – не самая лучшая награда за плохое поведение. Однако, учитывая обстоятельства, образец под номером 227 отделался относительно безобидным наказанием.

– Сука... – буркнул Лешка, прежде чем колпак опустился на его голову.

– Три, два, один, ноль... – произнес кто-то, после чего сознание испытуемого объекта слегка помутилось, а затем неведомая сила открыла перед ним свои адские врата. Эти врата напоминали черную дыру, разверстую прямо посреди лаборатории. В глубине дыры клубились мгlistые облака, сверкали молнии, устрашающе гудел воздух, закручивая все вокруг в огромную спираль. Лешка смотрел в эту спираль, как на событие, транслируемое со спутника. Постепенно спираль превратилась в громадный расширяющийся смерч. В этом смерче носилось разодранное шмотье, вращались куски поломанной мебели, телеги, люди, лошади, вырванные с корнем деревья и даже купол какого-то гигантского строения. Еще через секунду что-то сильно ухнуло, и кресло под Лешкой провалилось к чертовой матери. Ни осталось ничего, кроме неожиданно скукоженного пространства, постепенно превратившегося в длинную трубу, уходящую без конца и края в непроглядную бездну.

Это был полет в канализационные стоки самого мироздания, не иначе. Лешку било и мотало из стороны в сторону, переворачивало головой вниз, и ногами вверх, его тащило спиной по жестким стенам и подбрасывало животом вверх. Иногда труба сужалась до размеров тонкой пробирки, закупоривая дальнейший путь к выходу. Однако, благодаря высокой скорости, Лешка даже не замечал подобных препятствий. Он проносился вперед, словно хорошо смазанная деталь, устремляясь все дальше и дальше к своей неведомой цели. Постепенно его полет в бездну превысил скорость света и продолжил нарастать, невзирая на все законы физики. Пространство вокруг Лешки понемногу размазалось и превратилось в желе, оно стало холстом сумасшедшего художника, на которое пролили тонны разноцветных красок, малиновое варенье, баклажанную икру и бочки с пивом. Страшный грохот, ужасающие подвывания и дикий рев ураганного ветра дополняли эту сюрреалистическую картину. Тут пропадало прошлое и будущее, тут исчезало само время, перемалывая привычную среду обитания в абсурдную кашу. Так продолжалось

целую вечность, а может быть и больше, после чего раздался звучный хлопок, будто где-то вскрыли бутылку шампанского, и Лешку выбросило мордой прямо в сугроб.

Снег в сугробе был жесткий, как наждачная бумага, а холод вокруг и того хуже. Такой холод не способствовал благодушному расположению духа никоим образом. Напротив, он забирался в душу человека по самые чресла, заставляя шевелить конечностями против собственно воли. Лешка так и сделал, едва поднявшись на ноги.

Ему открылся дивный пейзаж чужой планеты, столь же мертвецкий, как и сама преисподняя. С запада этот пейзаж освещался тремя красноватыми лунами, а с востока – синим, как фингал под глазом, солнцем. Слегка пританцовывая на морозе, Лешка топтался на высоком холме, с вершины которого было хорошо видна необъятная ледяная пустыня. Было совершенно непонятно, куда тут двигаться и что предпринять, однако протяжный вой местной фауны заставил его очнуться от созерцания унылого ландшафта. Он мигом вспомнил о том, что такое дичь и кто такие охотники. Древняя память далеких пращуров из каменного века и пещерных отношений проснулась в нем практически мгновенно.

– Теперь только держись... – чертыхаясь, обронил он, и понесся к далекому горизонту словно проклятый.

Тогда вой сделался громче. Его поддержали сотни изголодавшихся тварей, почуявших запах желанной добычи.

Когда Лешка оглянулся, то не поверил своим глазам, поскольку за ним мчался такой зоопарк, что разум отказывался верить в существование подобных чудовищ. Отдельные особи походили на волков, крокодилов, шакалов и даже тираннозавров, образ которых он превосходно запомнил по голливудскому фильму "Парк Юрского периода", но все же большая часть выглядела совершенно невообразимо.

Прежде чем напасть на человека, хищники устроили битву между собой, окрашивая белизну снегов каплями горячей крови. От яростной схватки дрожало небо, ледяными брызгами летели осколки льда, тряслась земля, шумно испарялось жаркое дыхание, смачно вспарывались куски мяса и оседали клочья выдранной шерсти, однако зверье упорно билось насмерть, желая быть первыми на пиру эволюционного развития. Над полем битвы заморожено застыли три луны и одно синее солнце.

– Это конец, – в ужасе прошептал Лешка Сухарев, стараясь взять себя в руки. – Мать вашу, где же мои сверхспособности?! Ведь если я сюда попал, то, значит, есть во мне нечто такое, чего так упорно желают обрести кудесники из "Цитадели смерти"?

Ответа не было, только синие солнце сделалось вдруг ослепительно ярким, как вспышка прожектора над безбрежным хаосом тюремного мироздания.

"Защитное поле, вот что мне нужно", – подумал Лешка.

Он тотчас же нахмурил чело, крепко стиснул зубы и попытался напрячь мозги таким образом, чтобы появилось необходимая преграда. Но, увы, только морды зверья стали еще ближе. Тогда он снова собрался с духом и повторил попытку. В его представлении защитное поле должно было выглядеть просто, как полупрозрачный зонтик над головой героев космоса. Под этим "зонтиком" можно было прятаться долго, пока батарейки не иссякнут или мана не кончится. По крайней мере, именно так это выглядело в некоторых фантастических фильмах, когда главным героям угрожала очевидная опасность. Правда, в кино подобный трюк исполнялся шутя, как два пальца обоссать, а тут – хоть раком встань, но желаемого результата – вовек не дождешься.

"Хана", – подумал Лешка, когда понял, что стоять под "зонтиком" ему не придется. – Напротив, он скорее обделается, напрягая извилины, чем создаст чего-нибудь приличное.

Мысль выглядела более чем здраво. С такими мыслями надо было бежать дальше, пока хватало сил. Лешка так и сделал, бросившись в морозную даль как угорелый. Однако морозная даль ответила на это сухим треском и судорожными толчками. Вслед за тем поверхность планета содрогнулась, словно живая, горизонт молниеносно вздыбился,

вновь и вновь переворачивая реальность с ног на голову. Еще через секунду пейзаж одним махом покрылся плотной сеткой узловатых трещин, из которых с адским грохотом забили фонтаны пара и громадные столбы гейзеров. Трещины тотчас же стали медленно увеличиваться в размерах, постепенно превращаясь в глубокие ледяные провалы, на дне которых плавали жуткие монстры и чудовища.

Этот апокалипсис сопровождался страшным грохотом и дьявольским сотрясением.

Деваться было некуда, ибо впереди разверзлись хляби небесные и земная твердь, а позади – люто выла и рычала стая обезумевших хищников.

Раздумывал Лешка недолго.

"Уж лучше быть съеденным голодным зверьем, чем загреметь под фанфары"... – мгновенно решил он.

Завидев такое здравомыслие, хищники взвыли пуще прежнего, однако образец под номером 227 плевал ни подобное обстоятельство с высокой колокольни. Он развернулся и, что есть духу, рванулся в толпу очумевших от ужаса животных. За ним раздавался немилосердный грохот пара, шипение гейзеров и треск лопающихся к чертовой матери льдин. Усиленно работая конечностями, он буквально сходу вломился в толпу зверья и, очутившись между ногами какого-то многотонного саблезубого мамонта, затаился там от греха подальше.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем мировой катаклизм прекратился. Сперва утихли пар и гейзеры, затем окончательно разошлись трещины, превращая ледяную поверхность в сотни островков и даже материков. Только где-то глубоко внизу, между огромными айсбергами и полями льдин, по-прежнему плавали ужасные монстры и чудовища.

Когда все совершенно устаканилось, островок безопасности, на котором находился Лешка и группа выживших хищников, начал стремительно таять. Разумеется, таяние охватило и соседние острова, так что вскоре шумные потоки воды потекли к центру планеты с невероятной скоростью, обрушиваясь вниз с адским грохотом.

Животные, почуяв неладное, немедленно запаниковали. Часть из них, расталкивая друг друга на скользком от крови льду, продолжила битву за выживание, но теперь уже не за Лешкину шкуру, а за место под солнцем. А места, тем временем, делалось все меньше и меньше, совсем как в коммунальной квартире, когда её внезапно уплотняли рабоче-крестьянскими кадрами.

Лешка мысленно перекрестился. К его ноге, дрожа от испуга, тотчас же прижался маленький детеныш велоцираптора. Он жалобно пищал и просился на руки. Пришлось поднять несчастную животину на руки и ждать финала.

А финал быстро приближался. И выглядел он жутко, как самый натуральный потоп, размах которого поражал воображение. Более того, становилось понятно, что подобный катаклизм – это неизбежный итог в картине любого мироздания. Вероятно, он затем и придуман, чтобы человек всегда помнил, где должно находиться его истинное место. Пожалуй, тут не хватало только одного ветхозаветного Ноя с его превосходным паромом для перевозки скота и продовольственных запасов, дабы отчалить на гору Арарат или на Гавайи с чистыми помыслами о новой жизни.

Увы, паромы поблизости не наблюдалось, а вот "скота" хватало с избытком. Причем самого плотоядного. Эта группа обалдевших от страха животных сгрудилась в одну кучу и смотрела на человека как на единственного спасителя.

Тогда Лешка закрыл глаза и пожелал оказаться дома...

Эпизод двадцать пятый

*Мы все похожи на подопытных созданий,
И все полны смертельных ожиданий...*

Очнулся Лешка в знакомом кресле, спинка которого была откинута навзничь. Он пошевелил руками, но мигом почувствовал, что по-прежнему накрепко скован. Над ним тотчас же склонились ученые "Цитадели смерти". Их было двое, остальные покинули помещение и наблюдали за действиями коллег сквозь большое толстое стекло. Они походили на скопление глазастых рыб, уткнувшиеся любознательными мордами в стенку огромного аквариума.

– Ну как?.. – вопросительно молвил один из оставшихся ученых, обращаясь к коллеге на таинственной ноте.

– Ничего... – чуть помедлив, отозвался тот. – Результат нулевой.

– Погодите, вы подключили к нему мнемонические колбы Друздея?

– Безусловно.

– А херумные ванны?

– И херумные ванны и три баллона с газом ГЧ – все находится на своих положенных местах, как и полагается при запуске "колпака".

– А сам ГЧ в каком состоянии?

– Мощность "Генератора чудес" опустилась на тридцать пять процентов, не более того.

– Следовало дать все пятьдесят...

– Согласно инструкции под номер сто шестьдесят четыре, параграфы тринадцать и двести семь, это недопустимо. При таком объеме выделяемой энергии псевдореальность начинает искажаться. Она приобретает сверхчеткие контуры и становится нестабильной... Вы же знаете, господин Майеер.

– Тогда в чем проблема, коллега Гегельнауф? Если вы сделали все правильно, то почему этот экземпляр попаданца выглядит столь умиротворенным, как будто побывал в объятиях прекрасной девы, а не в плотных тисках ваших научных изысканий? Почему он не сподобился выдать нам ни одного экстраординарного всплеска интеллектуальной активности?

– Возможно, испытуемый невосприимчив к нашему газу и херумным ваннам, – проговорил Гегельнауф, глядя на Лешку почти с ненавистью.

– Скажите прямо, что наш объект туп, как пробка. А против тупости любая наука бессильна, это не требует доказательств.

– Я не могу согласиться с вами, господин Майеер... Это штатная ситуация. Согласно записям магистра Мюллера, под колпаком которого находится объект под номером 227, произошел всего лишь конфликт восприятия программы. То есть обычный фазовый сбой, когда между желаемой действительностью и отрицаемой реальностью устанавливается непрочная связь. В этот момент сознание испытуемого предпочитает отключиться, чем освоиться и принять за чистую монету те обстоятельства, которые ему предлагают. Тут нельзя торопиться, господин Майеер, тут требуются тонкие чувствительные настройки, чтобы получился удовлетворительный результат...

– Так отрегулируйте ваши настройки, как следует, во имя всех святых!.. Иначе я за свои чувства не ручаюсь!

– Это потребует дополнительного энергопитания.

– Но вы же сами сказали, что согласно инструкции под номером...

– Если вы отдадите свое личное распоряжение, господин Майеер... – елейным тоном прервал его собеседник, – то об инструкциях можно будет забыть.

– Считаете, что я предоставил вам полную свободу действий, коллега Гегельнауф.

– Благодарю вас, господин Майеер.

– Итак, дорогой попаданец... – Гегельнауф с благожелательной улыбкой обратился к Лешке Сухареву. – Вам предстоит новый цикл испытаний. Надеюсь, вы окажетесь куда удачливее ваших предшественников и пройдете его с подходящим результатом.

– В каком смысле? – напряженным голосом поинтересовался Лешка Сухарев.

– О, мой друг, успокойтесь! Не пройдет и полутора часов, как вы станете символом величия мордорской науки... – Гегельнауф сделал эффектную паузу, затем добавил: – Лично я ничуть не сомневаюсь, что такие персоны как вы открывают обществу новые горизонты познания! Поверьте мне на слово, вы – истинный образец служения прогрессу, поскольку способны приподнять завесу тайн над неведомыми событиями и загадочным молчанием Вселенной.

– Вы в этом уверены?

– Абсолютно! Ибо могучую силу и величие мордорской науки еще никому не удалось опровергнуть!

– Выпить бы, – хрипло обронил Лешка. – А там поглядим...

– Во время эксперимента пить категорически запрещается, – отрезал Гегельнауф.

– А что не запрещается?

– Молчать, смотреть и слушать.

Лешка так и поступил, взирая на происходящее, словно мученик, распятый на дыбе.

– Итак... – воодушевленным голосом продолжил Гегельнауф, физиономия которого буквально светилась в ожидании свежих научных открытий. – Для того, чтобы проникнуть в мозг нашего попаданца, – он изящным жестом положил шестипалую конечность на Лешкину голову и слегка задумался, – нам потребуется, куда большее напряжение и куда больший накал страстей, чем мы предполагали...

– Нельзя ли перейти прямо к сути, – перебил его Майеер.

– Разумеется... – моментально донеслось в ответ. – Но тогда мы рискуем потерять объект под номером 227 раз и навсегда, его мозг может не выдержать подобной нагрузки.

– Главное, чтобы "Генератор чудес" выдержал, а мозг этого тролля меня мало волнует.

– Я не тролль, – возмущенно заявил Лешка.

– Заткните ему рот, коллега Гегельнауф, – недовольно обронил Майеер. – В конце концов, здесь не балаган, а храм науки. Наконец, это попросту отвратительно, когда подопытный материал издает членораздельные звуки. Не хватало еще, чтобы мы затеяли с ним дискуссию по вопросам теософии, половом неравенстве и теории мироздания.

После подобной тирады Лешке Сухареву шустро заткнули рот вонючим кляпом и продолжили эксперимент.

– Вы готовы, коллега Гегельнауф?

– Совершенно!

– Тогда включайте!

В следующую секунду где-то в здании "Цитадели смерти" снова загудел неведомый механизм. Гул постепенно нарастал, пока не перешел в адский вой. Комната затряслась, задрезжали колбы, задрожали реторты, завибрировали приборы, лихорадочно замигал свет. На Лешку заново начал опускаться черный колпак магистра Мюллера. В тот момент, когда под ногами объекта под номером 227 должна была разверзнуться очередная бездна, в самой сердцевине "Цитадели смерти" раздались подозрительные шумы и треск. Они сменились жалобным звоном разбитого стекла и грохотом осыпающихся камней, после чего "электрический стул" под испытываемой жертвой слегка крикнул, треснул и просел. Потом звучно лопнула стенка аквариума, а с потолка обильным дождем посыпалась штукатурка и пыль.

– Что происходит, коллега Гегельнауф?! – стараясь перекричать шум, воскликнул господин Майеер.

– Мнемонические колбы Друзделя! – Гегельнауф схватился за голову и в панике забегал по комнате, пытаясь отключить оборудование. – Они разряжаются!

– Только не говорите мне, что это снова штатная ситуация! – подначил его господин Майеер, гневно выпучивая глаза.

– Двадцать лет работы!.. Это невысказано!.. Это полная катастрофа!..

– Это вы во всем виноваты, коллега Гегельнауф!
– Нет, вы, господин Майеер! Это вы позволили проводить эксперимент "Память предков" на пределе возможностей!

– Коллега Гегельнауф! Вы осел! Оставьте "Память предков" в покое, если не хотите, чтобы вас лишили вашей собственной!..

– Господин Майер!.. – возмущенно раздалось в лаборатории. – Я только с виду полный идиот, а так все прекрасно понимаю! Уверяю вас, я лично проводил эксперименты на образцах под номерами 155, 158 и 159, антропология которых родственна данному материалу!.. Вот результаты предыдущих опытов!

– Какого черта вы суете мне под нос ваши дурацкие результаты! – хрипло произнес господин Майеер.

– Но как же! – откашливаясь от пыли, заявил коллега Гегельнауф. – Я хочу, чтобы вы лично убедились в том, кто виноват в данном инциденте!

Лешка смотрел на двух мордорских ученых и ничего не мог поделать. Во рту у него торчал вонючий кляп, сверху обильно сыпалась пыль, а за разрушенной стеной аквариума испуганно суетились "рыбьи головы" научного персонала. И не было никого вокруг, кто сумел бы объяснить ему, как отсюда выбраться?

Тем временем, звуки гигантского элеватора, работающего внутри "Цитадели смерти", достигли своего максимума и внезапно пропали, только слышался тихий ход скрытого часового механизма. А затем рвануло так, что все вокруг содрогнулось и перекопилось сикось-накось, погружая лабораторию в кромешную тьму.

Эпизод двадцать шестой

*Пусть у твоих удач беда со слухом,
Ты все равно не падай духом...*

Освободился Лешка неожиданно легко, а кляп сам выпал у него изо рта, словно затычка из бочки. Металлические замки внезапно ослабли, после чего не составляло особого труда покинуть ненавистное кресло. Невзирая на абсолютную темень в глазах, образец под номером 227 нащупал входную дверь и буквально выпал из помещения лаборатории наружу.

К сожалению, снаружи не было ничего хорошего, кроме бескрайней снежной равнины, бесконечность которой не поддавалась никакому здравому смыслу. Сверху медленно и величественно падал снег, такой же невыносимо равнодушный и холодный, как и далекий край горизонта. Этот сказочный пейзаж скупо освещался тремя красноватыми лунами, навстречу которым неспешно поднимался большой диск блеклого синего солнца.

Картина выглядела до боли узнаваемой. Лешка сделал несколько неуверенных шагов, и едва не провалился в глубокий сугроб. Матерясь, как портовый грузчик, он выбрался на твердый наст и внимательно огляделся. Увы, ни высоких стен "Цитадели смерти", ни Ущелья мертвого дракона – ничего подобного вокруг не наблюдалось. Разве что поблизости, словно печальное напоминание об остатках былой роскоши, торчала одинокая дверь разбитой лаборатории. Она смотрелась, как деталь неведомых руин, случайно попавшая в безжизненную пустыню.

Подле двери покоился кусок толстого стекла с потеками чужой крови и разбитыми колбами. Тут же лежала пара мохнатых ушей, опаленная тетрадь и здоровенная шестипалая конечность с татуировкой на запястье "За Мордор". В этот момент в комнате что-то громко крякнуло, а затем из приотворенного зева легкой струйкой потянулся черный дымок.

– Вот тебе и новый цикл испытаний, – тоном философа буркнул Лешка Сухарев и брезгливо передернул плечами.

Было совершенно непонятно, что предпринимать в подобной обстановке: оставаться на месте или идти в неизвестность в надежде обнаружить подходящее убежище? А холод тем временем становился все забористее, он вполне ощутимо забирался под одежду, напоминая о том, что, без домашнего тепла, человек долго не протянет.

Пришлось вернуться в лабораторию и снова хорошенько осмотреться. Снег при этом неторопливым потоком осыпался в отваренный проход, ходко заполняя любую лазейку в развороченной обители знаний.

Через четверть часа стало понятно, что кроме "электрического стула" в развалинах "Цитадели смерти" нет ни единого полезного предмета. Пожалуй, только колпак магистра Мюллера, сорванный взрывом и расплющенный в жестяную лепешку, мог бы пригодиться в этих заснеженных местах.

Не откладывая дело в долгий ящик, Лешка принялся за дело. Тут смекалка его не подвела. Два аккуратных отверстия, а также ременная петля, сделанная из кожаной обивки "пыточного кресла", довольно быстро превратила бывший колпак Мюллера в рыцарский щит. Конечно, щит смотрелся неказисто – по-идиотски, но лучше уж выглядеть живым идиотом, чем умным покойником.

"Оружие – это, пожалуй, главное, что нужно иметь каждому разумному человеку, дабы противостоять любой напасти"... – чуть приободрившись, подумал Лешка Сухарев. Он выломал подходящую ножку от стула и, держа в руках щит и дубинку, вышел навстречу неизведанному миру.

Разумеется, мир встретила его недобро. К тому же, издали отчетливо послышался протяжный волчий вой.

– Вашу мать! – невольно выругался объект под номером 227. – Доколе простому человеку терпеть такие напасти?!

Вой хищников ответил ему неистовым хором, заставляя пошевеливаться, а не трепать языком, словно Небесам было угодно видеть постоянную борьбу человека за собственное существование.

Итак, щит и дубинка в руках – вот единственное богатство, которым посчастливилось обзавестись Лешке в этой загадочной реальности.

– Ничего-ничего, – зверски ударяя дубинкой по щиту, рявкнул он в сердцах. – Человек – это вам не фунт изюма. Он тоже был изготовлен Всевышним практически в полевых условиях, однако сумел подняться с колен и полететь в космос!

Близкий ор чудовищ вновь был ему ответом. Этот звук заставлял вжимать голову в плечи, он ясно намекал, что в космос можно запросто отправить любого горемыку, а вот выжить на грешной земле способен не каждый человек.

Тем временем, три красных луны поднялись к самому зениту, задержались там ненадолго, а затем неторопливо покатались вниз, в самую сердцевину снежного мрака. Лишь огромное синее солнце заполнило небосвод. В свете этой гигантской звезды в атмосфере что-то тихо шваркнуло, на краткий миг воздух как будто слегка раздвинулся, и показались смутные очертания "Цитадели смерти", окруженные мрачными пиками Ущелья мертвого дракона.

"Похоже, реальность вновь трещит по швам, – подумал Лешка. – И либо она утащит меня за собой, либо я выберусь отсюда к чертовой матери".

Таким образом, уже через минуту он двигался на закат, подбадривая каждый свой шаг яркой ненормативной лексикой.

Эпизод двадцать седьмой

*Прогресс идет не шатко и не валко,
Ведь он, как все, окажется на свалке...*

Монотонная ходьба утомляла. Спустя час (или три) Лешка уже не чувствовал ни рук, ни ног. В голове воцарилась абсолютная пустота. Казалось, мороз поселился у него где-то в печенках и постепенно подбирается к самому сердцу. Кожа на лице одеревенела, тело болело от усталости и тянуло в сон. Однако шаг за шагом, медленно, но упорно, он ступал по снежному насту, то и дело проваливаясь в предательское крошево ледяного покрова. В полуобморочном состоянии он видел перед глазами какие-то неясные картины, миражи, видения и грезы. Перед его глазами возникали и пропадали образы таинственных дев, фигуры могучих атлантов и толпы рабочих, похожих на морлоков из романа Герберта Уэллса. Девы были полуобнажены и обольстительны, словно гурии в садах восточных шейхов. С ними хотелось возлечь, утешиться ласками и выпить вина, но этому мешали атланты. Они таскали на плечах большие каменные блоки, с адским грохотом укладывая их один на другой. Атлантам было плевать на Лешку. Эти богоподобные бодибилдеры занимались великим проектом, они возводили высоченную стену, рукотворную преграду между Мраком и Светом, у подножья которой, словно непоседливые термиты, возились людишки.

Где-то звучал хор мужских голосов, издали звонил колокол, раздавался шепот о близком конце эпохи и новом рождении Вселенной. Время исчезло, окружающий пейзаж сделался вдруг дрожащим английским пудингом. В голове роились белые мухи, заполняя разум невыносимой пиксельной кашей.

Так длилось целую вечность, а может и больше, затем Лешка увидел красную палатку. Возле нее покоился остов огромного дирижабля, походивший на обглоданный скелет ископаемой рыбы. Там суетились люди, лаяли собаки, а вдалеке, за глыбами высоких торосов, на черной проплешине воды, маячил призрак советского ледокола Челюскин. Труба ледокола дымила как проклятая, застилая небо угольной тьмой. Потом воздух распорол тяжелый гудок издыхающего левиафана, после чего ледокол пошел на самое дно мирового океана, едва не утащив туда кусок отмороженного пейзажа.

Тут же налетел шквалистый порыв ветра. Палатка затрепетала под его натиском, словно живое существо, готовое сорваться в облака, однако люди оказались ловчее: они мигом обложили палатку какими-то ящиками и тюками. Эти люди что-то кричали Лешке Сухареву, суматошно размахивая руками, но очередной порыв ветра мигом унес их голоса куда-то в бездну, а затем клочья тумана и сырая мгла накрыли пространство крошечным мраком.

Мир решительно сходил с ума, он превращался в хаос, он становился черной дырой, куда беспрестанно затягивалось все сущее на свете. То, что оставалось, было напичкано осколками вчерашнего дня и прошлогодними событиями.

"Меня нет... – подумал Лешка, и лицо его обезобразила кривая усмешка. – А то, что есть – это мираж. Я, словно Кентервильское приведение, от которого скоро ничего не останется, кроме кровавого пятна на полу загаженной действительности".

– Ага, – сказал ему кто-то. – Теперь отсюда никому не выбраться.

– Нет, выбраться можно, – ехидно заметил еще один голос. – Но куда? И главное – зачем?..

Лешка закрыл уши, однако голоса не пропали. Более того, голосов становилось все больше и больше. Они перечисляли дни, месяцы и годы, шустро наполняя их событиями, новостями, сплетнями и шелухой некрологов. Звучала гражданская лирика, доносились остроумные замечания и философские постулаты, их сменяли угрозы, любовные послания, детские наставления, коммерческие сводки, цитаты великих писателей и дьявольский смех Мефистофеля.

– Бред, – прошептал Лешка.

– Жизнь – вообще – бредовое место... – философски заключили неведомые голоса.

Даже далекий вой неведомых хищников звучал теперь с каким-то новым оттенком. Это был погребальный хор на поминках. Он настойчиво требовал от человека упасть на

колени, сдаться, рухнуть мордой в колючий снег и навеки забыться в мертвенных тисках ледящего безмолвия, где настанет долгожданный покой и благословенная тишина.

Когда Лешка решил, что конец уже близок, равнина перед ним внезапно оборвалась. Он едва не рухнул башкою вниз, однако в последний момент испуганно отшатнулся и, качнувшись назад, с трудом удержался на гребне чудовищного провала. Ему открылся кратер, размеры которого не поддавались никакой приблизительной оценке. Это был след грандиозной катастрофы (падение здорового метеорита или работа давно уснувшего вулкана), очевидное напоминание о древности и хрупкости самого мироздания, прошлое которого начиналось в космическом пекле и газопылевых облаках.

На дне кратера находилось скопление погибших кораблей. Детали разглядеть было трудно, но все же, сомневался не приходилось: это была невероятная мусорная свалка, до отказа забитая самыми замысловатыми посудинами и жутковатыми конструкциями.

С первого взгляда было понятно, что эта мертвая техника принадлежит не только различным временам и эпохам, но похоже и чужим расам, включая явные инопланетные агрегаты. Тут были старинные галеры, шхуны, парусники, фрегаты, баркасы, яхты и чайные клипера. Их дополняли обломки могучих танкеров, лесовозов и ракетных крейсеров. Это мешанина кораблей была щедро сдобрена останками огромных НЛО, кусками шагающих экскаваторов и фигурами циклопических роботов, на стальных корпусах которых стояли опознавательные знаки неведомых империй, включая свастику, непонятные иероглифы, загадочных драконов, двуглавых орлов и прочую инфографику.

Трубы, иллюминаторы, фантастические цилиндры, погнутые балки, щиты, платформы, фотонные отражатели, какие-то немыслимые треугольные штуковины, титановые бублики, мачты, узлы, командные надстройки и полуразвалившиеся части двигателей – тут все было вздыблено и перемешано в одну единую кучу, вызывая острое ощущение потерянности, не уютности и тоски.

Казалось, Лешкин бред не закончился, а только начинается, тем более что ледокол Челюскин тоже находился здесь, дымя своими трубами направо и налево. Недодавленный льдами, он являл собою символ непотопляемой советской мысли, столь же дерзновенной, как и сам советский человек, с его верой в справедливость, правду и натуральное братство всего человечества. На мгновение Алексей Сухарев даже испытал чувство невероятной гордости за родную державу, готовую послать на хрен кого угодно, лишь бы все люди на земле были счастливы. Лишь бы они верили в победу разума, культуру и науку, а не жили мечтами о коммерческой карьере, сытом брюхе и чрезмерных материальных благах.

С подобными мыслями жить было трудно, а с морозом вокруг – и того труднее. Следовало двигаться дальше, однако вид корабельного кладбища буквально завораживал. Увы, все говорило о том, что финал всякой технологически-развитой цивилизации неизбежен, как полет кирпича к макушке приличного гражданина. Громады инопланетных конструкций только усиливали это ощущение, давая ясно понять, что и там – в иных мирах, на пыльных тропинках далеких планет и в туманных пределах чужих галактик дела обстоят не самым лучшим образом. Приходилось признать, что цивилизационное развитие во Вселенной повсюду одинаково. Оно начинается с кривой палки, впервые поднятой для охоты в лесу, а заканчивается циклопическими колесами, под тяжестью которых крошатся черепные коробки их создателей.

Мысль не требовала доказательств. Наоборот, эта мысль остро звенела в морозном воздухе. Ее бесспорность ярко усиливалась грандиозными летающими тарелками, между которых торчали вспоротые корпуса атомных подводных лодок, туши авианосцев, гроздь батискафов, ржавые цистерны, разбитые буйки, гребные винты танкеров, сотни дырявых спасательных шлюпок и опрокинутые контейнеры сухогрузов, в распахнутые зевы которых лениво задувала поземка.

Впрочем, кратер только на первый взгляд выглядел заброшенным. В самом его центре стояла нефтяная платформа – громадная, как статуя Свободы, только

обворованная до нитки. Выглядела платформа незыблемо, словно построенная на века. Её двенадцать массивных опор твердо удерживали конструкцию на месте. Периметр сооружения был утыкан неподвижными стрелами подъемных кранов. Они походили на стаю больших черных ворон, густо обсевших кусок громадной падали. Эту падаль освещали десятки факелов, озаряя неуютный ландшафт сполохами багрового света. Кроме того, у самого подножья платформы кучно ютились хозяйственный блоки и приземистые жилые бараки. Там же вполне гостеприимно светились окна, тянуло домашним дымком, лаяли собаки, доносился утробный звук работающего генератора, виднелись крохотные фигурки гуманоидов.

Зрелище выглядело эпически, как грандиозная сцена с декорациями апокалипсиса. Взирая на сей пейзаж Лешка чувствовал себя жалкой мухой – ничтожеством, крохотной пешкой, случайно угодившую на шахматную доску неизвестных гроссмейстеров. Он был почти эфемерностью в этом мире. За ним, словно худосочный удав, тянулась длинная цепочка следов, но и она пропадала где-то там – посреди сотен миллиардов тонн снегов и пронизывающего холода бесконечной равнины. Увы, это унылое пространство, обещало ему скорое обморожение и полет в небеса. Оглядываться туда – назад, не имело никакого смысла. Глядеть следовало только вперед, только сюда, где прямо под носом находилась гигантская свалка промышленных отходов, посреди которой существовали признаки явной разумной жизнедеятельности.

Разумеется, Лешка Сухарев был человеком действия. Более того, он чувствовал, что силы вот-вот покинут его и глядеть куда бы то ни было ему уже не придется. Недолго думая, он бросил щит под ноги, затем плюхнулся на него сверху, как на тарелку, оттолкнулся посильнее, и, словно по маслу, покатился вниз.

Таким образом, он пронесся мимо двух кошмарных НЛО, буквально изрешечённых пулевыми отверстиями. Затем его занесло в пробоину чудовищного авианосца, в трюмах которого лежали сотни разбитых самолетов и тысячи пустых канистр. После чего, он умудрился совершить лихой вираж вокруг бригады застывших роботов непонятного предназначения и, наконец, минуя группу обалдевших пингвинов, бессильно уткнулся в самое основание нефтяной платформы.

"Blue sky", успел прочитать он у себя перед глазами, прежде чем потерять сознание.

Эпизод двадцать восьмой

*Кто-то гибнет за идеалы,
А кто-то за нефть и металлы...*

Очнулся Алексей Сухарев в длинном коридоре, полутемном и сыром. Он лежал на кровати-каталке, которую куда-то шустро катили. Катили двое мужиков – смуглолицых и широкоскулых. Глаза у них были черные, узкие, словно крохотные щели в приотворенной бойнице. Они о чем-то бойко лопотали, не обращая внимания на лежащего человека.

– Кто вы, хлопцы?.. – прохрипел Лешка, пытаясь приподняться. – Чукчи, что ли?.. Или китайцы, мать вашу?..

Оба узкоглазых "хлопца" непонимающе переглянулись и залопотали пуще прежнего.

– Вы чего, нормальную речь ни хера не понимаете?

Мужики посмотрели на Лешку как на сумасшедшего и прибавили ходу. Кровать загремела по железному настилу, резво подпрыгивая на неровностях, и стены вокруг понеслись куда-то с бешеной скоростью.

Гонка продолжалась несколько минут, затем изголовье каталки уткнулось в тяжелые металлические двери.

"Чукчи" осторожно постучали. Дверь тотчас же отворилась, и тележку вкатили в просторную комнату с низким потолком. Освещения тут едва хватало, чтобы создавалось ощущение интимной обстановки, в манере пошлого будуара или откровенного кабака.

Повсюду из полумрака выступали углы каких-то шкафчиков, навесных полок, антресолей и столов. Стену слева украшали плакаты с полуобнаженными девицами и плотоядными монстрами в духе Френка Фразетты, а справа висели большие постеры с изображениями Мад Макса, Восставших из Ада, Рембо и Зловещих мертвецов. Эта траурная полиграфия, включая портрет дядюшки Сэма, навевала поганые мысли о конце света и черных дырах в мировом пространстве. Многие арты выцвели от времени и висели ключьями, усиливая мрачную картину культурного упадка и морального разложения.

– А вот и наш гость, – раздался насмешливый низкий баритон. – Давайте его сюда.

Лешку мигом сняли с кровати и, словно мешок с дерьмом, бесцеремонно бросили в драное кожаное кресло.

– Э-э, полегче, джентльмены, – с напускным участием молвил все тот же голос. – Мы же не звери, чтобы калечить невинного человека.

Перед креслом стоял большой бильярдный стол. За ним расположился загадочный господин в экстравагантном пиджаке. В одной руке он держал кий, а в другой сигару. Его физиономия скрывалась под полями широкополой шляпы, но когда он поднял голову, то, казалось, сам Микки Рурк сошел вдруг с голубых экранов Голливуда, чтобы лишний раз явить кинозрителям глубочайшую разницу между выдуманными сюжетами и реальным положением дел.

Разумеется, выглядел Микки Рурк как настоящий ковбой, только без Мальборо. Его окружала куча выразительных персонажей, не узнать которых было бы стыдно. Одного типа звали Ганнибал Лектор, а другого Фредди Крюгер. Слева от двери стояли Джонни Депп и Фантомас. А справа находился Риддик в драной майке и какой-то экстравагантный упырь, явно "косивший" под графа Дракулу. Под плакатами Фразетты топтался человек-пингвин из Готэма и какая-то рыжая дрянь. Еще тут были Франкенштейн, Дюк Нюкем, Дэнни Трехо и четыре злобных репликанта. Остальные личности смутно припоминались, однако заводить с ними мирные беседы совершенно не хотелось.

Компания выглядела более чем загадочно. Здесь присутствовали едва ли не самые именитые головорезы западной киноиндустрии, включая маньяков, интеллектуальных подонков, мутантов, зомби, психопатов и brutальных громил из туповатых компьютерных игр.

Будто прочитав мысли незваного гостя, Дюк Нюкем едва заметно усмехнулся. На нем была красная рубаша и штопанные джинсы, а глаза прятались под черными очками. Его красноречивое молчание и щербатый ствол дробовика за спиной яснее ясного говорили о том, что стрелять он любит куда чаще, чем сорить словами.

Народ молчал, взирая на гостя, как на покойника, достойного самых почтительных похорон. Заиграла музыка, эдакий мелодичный блюз, умиротворенный и прекрасный, как теплые лучи солнца, падающие в чужой огород с распутившейся коноплей.

– Какого черта здесь происходит? – мрачно поинтересовался Лешка Сухарев. – Я что попал на съемки очередного блокбастера, куда запихнули лучший ширпотреб "Фабрики грез"?

Микки Рурк растянул губы в довольной ухмылке.

– Вау, какая галантная речь при встрече с незнакомыми людьми!.. – он медленно, со вкусом затянулся обрубком толстой сигары, затем безмятежно добавил. – И причем тут грезы, приятель? Грезы – это удел обывателей, безнадежно застрявших где-то между телевизором, холодильником и сортиром. А мы с тобой находимся в самой натуральной реальности. Не так ли, господа?

– Ага! – хором заявили собравшиеся господа.

– Увы, реальность – суровая штука... – отеческим тоном продолжил Микки Рурк. – Она не для маменькиных сынков или слабонервных романтиков... Реальность для тех, чьи глаза открыты настезь... Она для того, кто смотрит на мир без розовых очков и литературных бредней.

– Вау, а нельзя ли без долгих предисловий, чувак, – Лешка неприязненно отмахнулся от волны густого табачного дыма.

– А в чем дело, родной?! Боишься смотреть правде в глаза в компании честных сограждан?

"Честные сограждане" немедленно заржали.

– Нет, правды я не боюсь, – культурно произнес Лешка Сухарев, едва сдерживаясь от плевка на пол. – У нас в России правды столько, что окажись вы там, то давно обосрались бы от страха... А вот пустая болтовня мне, знаешь ли, надоела. Я уже вдоволь наслушался разных историй о том, как выглядит этот чудный мир на самом деле.

Микки Рурк вновь осклабился в довольной ухмылке.

– О-о, парни, да у нас тут русский! – произнес он с обаятельной улыбкой. – Такое событие надо отметить...

Парни, разумеется, отметили, шумно хлебнув вина.

– Так вот, любезный, – как ни в чем ни бывало заявил Микки Рурк, после того, как с приветствием было покончено. – Вы – русские – наивные кретины... Точнее голодранцы, с неукротимой верой в добро и справедливость. Вся ваша история полна кровавого говна, раболепия и унижений. Отсюда и ваш неудержимый православный гонор. Чем больше вас тычут мордой в землю, тем большую фигу в кармане вы держите. Однако с фигой трудно жить, парень. Можно только понапрасну сдохнуть за правое дело, результатами которого обязательно воспользуется очередное сборище патриотически настроенных шарлатанов, политических клоунов и проходимцев.

Лешка ухмыльнулся:

– Ну, тут я с тобой спорить не буду, – произнес он. – Ведь ты, похоже, превзошел всех шарлатанов, клоунов и проходимцев на свете, если умудрился окружить себя толпой столь выдающихся ублюдков, как твой артистический кворум.

– Мы все проходимцы и клоуны в этом мире, – глубокомысленно заявил Микки Рурк.

Толпа недовольно загудела.

– Нет, – сердито зашипел человек-пингвин. – Мы не клоуны и ублюдки. Мы дети улиц. Мы жертвы социальных экспериментов. О нас думают миллионы подростков, желая стать такими же, как мы.

– Ну, конечно, – саркастическим тоном заметил Лешка. – Вы же лучшие образцы общества! Без балды! Поскольку именно вы несете миру великую голливудскую мечту об удачном ограблении банка и безнаказанной старости где-нибудь в роскошном бунгало на Таити или Гавайях.

Лицо Микки Рурка расцвело в причудливой гримасе.

– Не тебе судить о наших мечтах, русский, – сказал он. – Лучше взгляни на свои.

– Ага, – буркнул Фантомас. – Тут еще надо посмотреть, чьи мечты будут лучше.

Тогда Микки Рурк продолжил.

– Вот вы, русские, любите рассуждать о справедливости и духовном предназначении человека, – театрально произнес он. – Но это же серьезные темы, сынок... Их невозможно обсуждать на трезвую голову. Тем более, когда разговаривают слепой и зрячий, идеалист или прагматик. Короче, лучше скажи нам, кто тебя послал? Если Мад Макс, то напрасно... Мое слово твердое, как камень. Тысячу юаней за баррель, не меньше. Это ведь разумная цена, а, сынок?

Лешка нервно рассмеялся, не зная, что ответить.

– О, я гляжу ты большой юморист, – морда Микки Рурка несказанно омрачилась. – Знаешь, у нас тут полно любителей повеселиться.

Угрюмая массовка мгновенно оживилась.

– Босс, – произнёс Фредди Крюгер, чуть царапнув когтями зеленое сукно бильярдного стола. – Можно я спущусь с ним в котельную? Уверю вас, господа, он быстро развяжет язык и расскажет даже то, о чем никогда не слышал.

– Я готов участвовать, – мягко добавил Ганнибал Лектор.

Остальные подонки живо обступили пленника. Послышалось горячее дыхание, завывала снаружи метель, засверкали глаза, напряглись бугры мышц, а к грязному потолку мигом взметнулись десятки оружейных стволов и острые лезвия ножей.

– Успокойтесь, мальчики... – будничным голосом проговорил Микки Рурк. – Он же разумный парень, хотя и русский. Он не станет торопиться к дьяволу прежде срока.

– Гм... знавал я одного русского... – хрипло обронил вдруг кто-то. – Хук справа был у него отменный. Мозги, конечно, мне не вынес, но здоровье попортил конкретно...

Лешка пригляделся и тотчас же узнал Рокки Бальбоа. Нос у него был сломан в двух местах, а под левым глазом багровел огромный синяк.

– А чего тебе выносить, – насмешливо раздалось в помещении. – У тебя и так в башке ничего нету, кроме итальянских макарон...

Публика откровенно заржала. Под наглый хохот и пошлые шуточки в дверях возник никто иной как Конан-варвар. Точнее Шварцнеггер. Выглядел он, как самый натуральный разбойник и вор, облаченный в меховую куртку, теплые штаны и высокие унты. В одной руке он держал тяжелый боевой топор.

Увидев громилу, задиристый итальянец стиснул зубы от гнева. Он хрустнул сжатыми кулаками и дернулся навстречу могучему киммерийцу. Однако его быстро осадил, внятно объяснив идиоту, что ему, кроме скорой смерти, ничего не светит.

Лешка нервно хохотнул. Этой странной компании не хватало только Дарта Вейдера, но судя по тяжелому дыханию астматика за спиной, он находился где-то рядом.

– Что здесь происходит? – мрачно справился Конан.

– У нас гость, – произнес кто-то.

– Видно у городских дела совсем плохи, раз они послали такого доходягу.

– Пускай приходят всем скопом, – подал свой голос Дюк Ньюкем. – А то мой дробовик скоро совсем заржавеет.

– Если им нужна наша еда, наши женщины и черная кровь земли, то получать они ее только через мой труп... – слова Конана падали на пол, как куски разбитого чугуна.

– Не волнуйся, северянин, – запальчиво обронил Рокки Бальбоа. – Твои мясистые бабы нахрен никому не нужны, как и твоя варварская плоть!

– Я раскрою тебе голову, боец! – рявкнул киммериец, смачно всаживая топор в бильярдный стол.

Удар был настолько мощным, что помещение сильно встряхнуло. Затем встряхнуло еще раз, с потолка посыпалась пыль, тревожно замигал свет. Потом кто-то закричал, что насосная станция атакована Врезаками и собравшаяся публика сыпанула наружу. Смылись даже узкоглазые хлопцы, оставив Алексея Сухарева наедине с Микки Рурком.

Они помолчали, оценивая друг друга. Наконец Микки Рурк поставил на стол початую бутылку самогона и грязный стакан. Налив пятьдесят грамм, он сделал большой глоток, после чего уставился на Лешку как на врага народа.

– Твою мать, сынок... – голос у него был почти ангельский. – Видишь, что получается, когда борьба за последние крохи углеводов на планете Земля переходит, наконец, в свою заключительную стадию?

Снаружи грохнул очередной взрыв, за ним другой, а затем слышались автоматные очереди, оглашенные крики и одиночная пальба.

– Ну а я-то здесь причем, чувак? – сглатываю слюну, поинтересовался Лешка. – Мне ваши углеводороды до лампочки...

– Вы русские все на одно лицо, – чуть помолчав, сказал Микки Рурк. – Вы освоили половину мира, дали чукчам и корякам европейское образование, засрали казахстанскую целину, спасли Кавказ от турок и выиграли Вторую Мировую Войну. Вы даже умудрились полететь в космос, невзирая на все ваши лапти, картофельную диету и концентрационные лагеря... Увы, сынок, вы повсюду совали свой вздернутый русский нос. Даже ваши чудные русские ракеты, чертежи которых вы умудрились спиздить у

недоделанных германских арийцев, поднялись к Небу, к Богу, первыми, прежде чем туда отправились корабли куда более достойных людей...

– Это вы достойные? – Лешка не сдержался и цинично сплюнул на пол. – Не смей меня, ковбой сраный.

Лицо "ковбоя" сделалось вдруг приторно сладким, как фильме "Девять с половиной недель", когда он охмурял красотку Ким Бэйсинжер.

– Еще слово, недоумок... – елеинным голосом проворковал он, – и я нашпигую тебя такой порцией свинца, что он у тебя из ушей ползет.

– Ты лучше за своими ушами следи, пижон, – буркнул Лешка. – Иначе от твоих речей они скоро точно отвалятся.

Стало тихо. Над бильярдным столом мягко стелился табачный дым, душевно играл сонный блюз, время летело в задницу. Впрочем, как и всегда.

– У вас, у русских, была одна странная идея, – наконец сказал Микки Рурк. – Вы собирались превратить земной шар – в Рай, правда, коммунистический.

– И что? Мы же договорились, что у каждого из нас есть право на свои мечты. Я же в твои не лезу... И так понятно, что у тебя на уме одни прошмандовки, выпивка, деньги и продажа чего угодно на поверхности родной планеты, включая последний глоток воздуха, воду и даже свет далекого Солнца.

Микки Рурк подошел к Лешке Сухареву и со всей силы врезал ему кулаком по морде. Удар у ковбоя оказался увесистым. Лешку вместе с креслом опрокинуло на спину, ногами вверх.

– Ну как, сынок... – ласково справился Микки Рурк. – Надеюсь, теперь ты выслушаешь меня до конца, прежде чем я позволю тебе открыть свою пасть?

Лешка мудро промолчал, мрачно осознавая, что перед ним находится выдающийся идиот, точнее кинопридурок, которому срочно приспичило выговориться.

– Так вот... – как ни в чем не бывало, произнес Микки Рурк. – Было время, когда такие идеи, как идея о всеобщем мировом благополучии и справедливости, владела умами не только нищих идиотов, но и самых выдающихся мыслителей. Однако вы, русские, все испортили, ибо, начав строить свой пролетарский Рай, вы сами же его и разрушили... Вы мазохисты... На самом деле, вам глубоко плевать на справедливость и мировое счастье для всех – даром, по потребностям, чтобы никто не ушел обиженным... Нет, вам нужен бардак и трудности быта, которые вы затем, вновь и вновь станете героически преодолевать, минуя естественные потребности, нехватку материального обеспечения и деструктивное воспитание.

– Не, я другой... – прохрипел Лешка. – Я деструктивный. Мне нравятся голые бабы и хорошее материальное обеспечение...

Микки Рурк ухмыльнулся.

– Конечно, ты другой, – сказал он покладистым голосом. – Ты же избранный, твою мать, это же очевидно... У тебя же прямо на лбу написано, что ты герой... Ты полон веры в свое "прекрасное далеко", хотя все прекрасное уже было... И было оно вчера... Только не с тобой, а с теми, кого вы называете вашей партийной элитой...

– Ну, ваши крестные отцы ничуть не лучше.

– Да, это так. Но наши хотя бы предлагают нам стать частью семьи или клана, а ваши – используют вас, как дешевый ресурс для прокладки рельсового пути в страну непуганых идиотов. Ты и твои соплеменники – всего лишь грубый строительный материал, задача которого стать прекрасным основанием для чужих особняков и дворцовой роскоши.

– Ага, а ты и твои ребята, это, значит, вершина эволюции? Вы в точности знаете, как достичь успеха, обворовывая по пути аборигенов и лохов?

– Речь не об этом.

– А о чем тогда разговор? – лицо Алексея Владимировича Сухарева сделалось вдруг необычайно серьезным. – Если честно, то я вообще не врубаюсь, к чему ты клонишь?

– Понимаешь, сынок, тебе не надо врубаться, тебе надо вырубиться.

После таких слов Микки Рурк достал кольт 45-го калибра и нежно погладил его ствол. Он выглядел, как ангел, получивший от божественных родителей подарок на Рождество.

– Э-э, погодь... – обеспокоенно молвил Алексей Владимирович, внезапно поняв, что имеет дело с инфантильным переростком. – Я, конечно, понимаю, что мы – русские – во всем виноваты... Да, мы не открывали Америку, чтобы принести краснокожим дикарям свою медовуху, славянские бусы и венерические заболевания. Да, мы первыми полетели в космос и зачем-то продали вам Аляску. Да, мы постоянно строим кому-то наши гребанные русские дороги, школы и больницы. Да, мы – дураки. Это ясно любому дураку... Но без нас – всем херово. Даже тебе, чувак. – Лешка неожиданно хохотнул от осенившей его мысли. – Да я, быть может, и сюда-то, к вам загремел, только лишь затем, чтобы вы стопроцентно убедились в том, что так, как вы живете, жить точно нельзя...

– Это тебя нельзя! – сердито перебил его Микки Рурк. – А нам – можно!.. Потому что мы не открываем Америк, мы их закрываем, ибо нам не нужны проблемы с теми, кто мог бы составить нам конкуренцию в будущем.

"Не... – подумал Лешка. – Это не Микки Рурк. У Микки Рурка на такие речи мозгов бы точно не хватило.

– Так ты что, тоже попаданец? – чуть нахмурившись, спросил он у собеседника.

– Увы, мы все тут попаданцы, – меланхолично прозвучало в ответ. – Просто одни раньше попали в наш мир, другие позже, а кто-то сразу исчез, словно пыль на ветру.

В этом месте дуло 45-го калибра поднялось на уровень Лешкиных глаз, давая четко понять, что пылью в этом мире может стать кто угодно, включая питерских журналистов.

"Ну вот и договорились... – отметил вдруг про себя Алексей Владимирович Сухарев. – Вот вроде бы умные люди (по крайней мере, с виду), встречаемся, спорим, отношения выясняем, пытаемся понять друг друга. А в итоге – хана."

Он ждал выстрела, однако его не последовало. Вместо выстрела прогремел мощный взрыв, за ним еще один, и еще, куда ближе и опаснее предыдущих. Помещение вновь сильно трянуло. Пальба снаружи сделалась нестерпимой. Затем раздались дикие вопли, дробный топот и страшная ругань, после чего оглушительно заработал крупнокалиберный пулемет. Очереди были длинными, как проповеди священников, издревле взывающих к любви, миру, доброте и состраданию. Даже мелодичный блюз вдруг запнулся и заиграла старинная группа Boney M.

Таким образом, под звуки ритмической композиции Daddy cool, бильярдный стол подбросило к самому потолку и с грохотом опустило обратно. Комнату мигом заволкло дымом, в клубах которого послышался надсадный кашель и проклятия Микки Рурка. Потом все стихло. Тишина стояла жуткая, а затем возникли звуки включенной "болгарки". Эти звуки нарастали медленно, но верно, просверливая мозги буквально насквозь. Кругом начали падать картины и пустые бутылки, заскрипели переборки, полопались лампочки, где-то рядом заискрилась оголенная проводка. В конце концов, потолок над головой Лешки Сухарева вскрыли так, как вскрывают консервную банку. По глазам тотчас резанул белый свет, после чего откуда-то сверху опустился здоровенный крюк башенного крана, густо облепленный оголтелыми людьми.

– Врезаки на борту! – с новой силой прокричал кто-то за стеной.

Этот душераздирающий крик подхватили десятки голосов, отчего стрельба вокруг резко прекратилась и завязался шумный рукопашный бой.

Разумеется, Лешка Сухарев в этом бою не участвовал. Он был зрителем, как и портрет дядюшки Сэма. Он был вещью, куклой, добычей Врезаков. Его (вместе с драным креслом) ловко "взяли на крюк" и без церемоний вытянули на морозный воздух. Чувствуя

себя жалкой марионеткой в руках многочисленных антисоциальных элементов, он даже не дергался. Разве что хрипло попросил ослабить путы, чтобы глаза на лоб не уехали.

Просьбу, ясное дело, проигнорировали, показав попаданцу из Питера крупную фигуру. Однако Лешка не огорчился. Увы, он был русским человеком. А всякий русский человек по натуре своей – добр и покладист. Он полон терпения и буквально с детства привыкает к тому, что на все его здравые просьбы, ядрена вошь, редко приходят разумные ответы.

Эпизод двадцать девятый

*Там, где царствует наука,
Все остальное бред и скука...*

– Итак, начнем сначала, – в сотый раз сказал Лешке Сухареву врезак-дознатель. – Только сперва нам бы хотелось услышать ваше настоящее имя.

Дознателя звали полковником Фейком. Он был высок, чисто выбрит и вонял одеколоном. Кабинет, где велась беседа, украшали два кожаных дивана, неподъемный письменный стол, похожий на недостроенный амбар, внушительное кресло руководителя и одинокая табуретка для гостей. На плечах у полковника красовались погоны с золотым орлом Пентагонии. Хищный клюв птицы в точности соответствовал профилю хозяина помещения.

– Я уже много раз называл вам своё имя и фамилию, – усталым голосом произнес Лешка Сухарев и скрипнул табуреткой. Я вообще говорю только правду и ничего, кроме правды...

– Господин Фейк, – перебил его суровый мужской голос. – Мы зря тратим время. Разве вы не видите, что с этим товарищем мы ничего не добьемся.

– Мистер Чейни, – уверенно возразил полковник Фейк. – Напротив, при желании, он может рассказать нам куда больше, чем мы можем себе вообразить. Полагаю, хорошая еда, женщины, комфортная обстановка и приличный счет в банке развяжут ему язык.

– Увы, полковник. Этот славянский парень не так прост, как кажется. Посмотрите на его рожу... Там же ясно написано, что он презирает и нас с вами, и наши культурные ценности и нашу славную демократическую державу.

– Ну, если вам требуется моё уважение к вашей державе, – словоохотливо заметил Лешка, – то вам необходимо взглянуть на себя с критической точки зрения.

– Мы не занимаемся самокритикой, – отрезал мистер Чейни. – У нас свои методы общения с гражданским населением и подозрительными одиночками.

– Кто бы сомневался...

– Вот видите, полковник. Он же издевается над нами. Нужно было пристрелить его сразу, а не тащить к нам на базу.

Что характерно, на базу Лешку везли долго. На снегоходах, по трескучему насту, в компании супергероев, нашпигованных оружием с ног до головы. Главный из них походил на Бэтмана, прочие выглядели как люди-пауки, люди-халки, ван хельсинги, люди-блэйдс, робокобы, зеленые фонари и росомахи. Были даже Тарзан, Дэдпул и черепашки-ниндзя.

Эта компания суперменов постоянно подбадривали пленника крепкими тумаками под ребра, чтобы он не замерз прежде того, как его утилизируют во благо чьих-то неведомых интересов. Уже находясь в частичном обмороке, Лешка умудрился заметить стены узкого ущелья, доверху наполненного гулкой пустотой. Тут петляли основательно, скрупулезно заметая следы на случай погони, а затем нырнули в едва заметную расселину, где находился вход в широкий тоннель – запутанный, сука, как лабиринт Минотавра.

А потом уже очутились в огромной пещере, в центре которой размещалась стартовая площадка для запуска космических аппаратов. Тут же стояла внушительная летающая тарелка, с номером 005 на борту. Крупная фашистская свастика украшала её

днище. Все говорило о том, что тут готовятся к тайным операциям по захвату мирового пространства, не иначе. "Тарелку" оплетали причудливые конструкции: балконы, люльки и гигантские строительные леса. Повсюду грохотали лебедки, стучали молотки, мелькали сварочные огни, раздавались голоса, копошился рабочий персонал.

– Итак, я повторяю свой вопрос... – снова заладил свою песню полковник Фейк. – Кто вы такой? Куда двигались? Какую миссию выполняли?

– Кто я такой? – Лешка неожиданно глубоко задумался.

– Не тяните резину, голубчик, – подначил его мистер Чейни. – Думайте живее.

– А чего тут думать, господа, неужели вам не ясно, кто я такой?

– Именно это мы и пытаемся выяснить...

– Ну что же... – после паузы, заявил Лешка. – Ваше любопытство похвально, но мне абсолютно нечего от вас скрывать, поскольку я и сам уже не понимаю, кто я есть на самом деле. В сущности, – я никто, обломок великой страны, превращенной в бензоколонку, где воровство стало нормой, а честность превратилась в постыдное заболевание... Словом, я путешественник по местам былой славы и трагических поражений... Меня вырвали из родной реальности, а затем поместили в вашу полубредовую среду обитания.

– Давайте обойдемся без ваших метафор, – сказал мистер Чейни.

– Пожалуйста.

– Вот видите, оказывается с вами можно договориться.

– Естественно, полковник. Ведь я всего лишь часть большого исторического пирога, начинку которого прожрали до последней крошки... Я мираж, иллюзия... Я попаданец... Возможно, я плод чужого литературного труда, столь же болезненного и приземленного, как и ваши нелепые вопросы, полковник.

– Очень интересно, – лицо полковника Фейка сделалась необычайно внимательным.

– На такой самоанализ способен не каждый?

– Полковник, уверяю вас, мой самоанализ – пустяки... Вот если вы копнетесь в своей башке точно также как пытаетесь копать в моей, то, вполне вероятно, обнаружите там вещи куда более парадоксальные, чем мое представление о собственной персоне.

– Гм, похоже вы пытаетесь манипулировать мною.

– Ерунда. Вами манипулируют ваши примитивные потребности, карьерные интересы и ваше тупое начальство, а я тут не причем. Разве не так?

– О, нет, господин попаданец, – голосом опытного контрразведчика, заметил мистер Чейни. – В этом мире все закономерно, а это означает, что отсидеться в сторонке у вас не получится. Признайтесь, наконец, кто вас послал и куда вы шли?

– Ладно, господа дознаватели, я буду с вами предельно откровенен...

– Превосходно! Собственно, с этого и надо было начинать...

– Так вот: Я посланец богов. Я послан ими на хер, как и все человечество. Моя цель неизвестна. Задачи – тоже. Я живу без руля и ветрил, без плана и инструкций, полагаясь больше на удачу и деловые связи в рыночной экономике.

– Успокойтесь, мы вам верим. Более того, мы и сами живем по таким же критериям. Но, все же: как вы оказались в закрытой зоне, в "Кратере погибших кораблей"?

– О, в "Кратере погибших кораблей" я оказался случайно, – любезно ответил Лешка.

– А случайность, как вам известно, играет огромную роль в жизни любого человека. Вот, к примеру, взять хотя бы вас или вашего партнера, – он ткнул указательным пальцем сначала в полковника, а затем и в морду мистера Чейни, восседающего на диване в позе общипанного грифона. – В иных обстоятельствах мы могли бы стать лучшими друзьями, готовыми вместе искать решения острых социальных проблем, которые разделяют наше общество на богатых и бедных, на умных и тупых. Но нет. Вы не такие. Вас не интересуют острые социальные проблемы. Вам нужны чужие тайны, компромат. Вам нужна секретная информация от посторонних лиц, чтобы использовать её в своих корыстных целях...

– Ну, всё! Довольно! Мое терпение на исходе! – возмущенным голосом перебил его мистер Чейни. – Если вы, полковник, не в состоянии выяснить миссию этого человека (он злобно скрипнул зубами), то моя прямая обязанность сводится к тому, чтобы сделать из него котлету.

– Господа, не будем горячиться, – миролюбиво отозвался Лешка Сухарев, поднимая руки в примирительном жесте. – У меня нет никакой миссии, разве что миссия мира... Я жертва абсурдной реальности, впрочем, как и вы. У меня нет никаких задач. Я всего лишь пытаюсь сохранить здравый рассудок там, где царят глупость и произвол власти, а также экономическая деспотия, анекдотичность гражданского быта, формальное образование, обманчивое величие религии, магический реализм и моральное разложение.

– Да заткните же ему пасть!

Полковник Фейк среагировал мгновенно. Он нажал кнопку, скрытую в его амбарном столе и на пороге тотчас же возникли крепкие молодые люди с фигурами горилл.

– Увести, – скомандовал полковник.

Гориллы увели. Причем куда надо – в бетонированные хоромы без окон и дверей. Здесь не было даже лежанки, чтобы откинуться после долгих допросов. "Похоже, этот мир создан богами с задатками явных эзков... – устало подумал Лешка Сухарев. – Иначе как объяснить склонность его обитателей к тюремным застенкам".

Мысль выглядела здоровой, но философствовать далее пленнику не позволили, ибо потолок вдруг ошетинился мелкими зазубренными кольями и начал медленно опускаться ему на голову. Посыпался песок и цементное крошево. Стены – также сдвинулись с места, медленно смыкая пространство. В довершение, тревожно завывала сирена, коротко замигал красный свет, а пол принялся разогреваться, как сковородка, засунутая в мартеновскую печь.

Увы, такие изменения в обстановке не предвещали ничего хорошего. Они заставили Лешку Сухарева метаться по камере не хуже испуганного таракана.

– Вашу мать, суки! – прокричал он. – Чего вы от меня хотите?!

Суки молчали, разве что стены стали смыкаться с удвоенной скоростью. Более того, откуда-то послышались чавкающие звуки, после чего воздух в помещении начал быстро улетучиваться. Когда положение усугубилось настолько, что дышать стало невозможно, Лешка опустился на колени и, чувствуя макушкой громаду надвигающегося потолка, бессильно распластался на полу.

– Аттеншен плиз! – тотчас же произнес чей-то приятный женский голос. – Левел камплит! Хевен найс дэй!

Сразу же стало тихо, затем раздался громкий щелчок неведомого рубильника, и процедура прекратилась. Стены и потолок поехали обратно, едва не подцепив человека за шкуру, а пол принялся остывать с завидной скоростью. В конце концов, распахнулась невидимая дверь и в камеру вошли люди в белых халатах.

"Ученые", – догадался Лешка, жадно глотая воздух.

Ученые сыпали специфическими терминами и горячо спорили. Звучали загадочные слова о лоботомии, частичной эвтаназии, химической кастрации и крайне недостаточном инструментари, чтобы получить положенную реакцию.

Ученые не глядели на Лешку. Они говорили об усилении электрического поля, их удручала слабая концентрация газовой атаки. Они жаловались на ложные секторальные искажения в каком-то левом объеме. Кто-то был недоволен архаичным оборудованием и устаревшим прибором Хостингера. Остальные, посверкивая очками, начали рассуждать о сомнительных задачах проекта и ложных толкованиях в полученных данных. В полемике постоянно упоминались какая-то синяя пилюля, криогенная ванна, вакуумная обработка, искусственный интеллект и трансгенетика.

– Коллеги, поймите, наконец, что за искусственным интеллектом и трансгенетикой – будущее, – изрек какой-то высоколобый ботаник. – А попаданцы – это вчерашний день

человечества. Увы, они наглядный пример деградации и трагикомических мутаций нашего общества, а не предвестники новых открытий...

Тогда одна ученая, сердито возвысив голос, сходу пожелала, чтобы Лешку Сухарева немедленно запихнули в центрифугу, затем привили ему штамм оспы и холеры, вскрыли черепную коробку и скрестили его с мухой дрозофилой.

– С мухами мы уже пробовали, доктор Ханаева, – резко возразили ей несколько человек. – Это бесперспективное направление. У нас до сих пор 36-ой отдел жужжит над каждым завтраком. Там не осталось ни одного ненормального.

– Вау!

– Жжуть!..

Словом, никто не обращал внимания на подопытный материал. В камере возникла острая научная дискуссия, риторика которой грозила перейти в грубую потасовку. Потом заговорила красивая дама с ярко-накрашенными губами. Двигалась она грациозно, как женщина-кошка. Ей не хватало только хлыста и черного эсесовского костюма.

– Это обычный имбецил... – наконец сказала она, листая какую-то жиденькую папку с корявыми литерами **УО 112**. – У него нет и никогда не было никаких сверхспособностей. Он умственно отсталый, с перекошенным советским сознанием и супернаклонностью к несомненному идиотизму, благодаря которому он постоянно попадает в заведомые неприятности.

– Но позвольте, профессор Фрост, – возразил чей-то степенный мужской голос. – Мы знаем, что сверхспособности могут проявляться неожиданно, в любой момент. Возможно, мы недостаточным образом продумали степень воздействия на исходный материал.

– Да, точно, коллега Хивник, – подхватил еще один очкастый умник. – Нам явно не хватает экспериментального прессинга, чтобы понять в принципе, кто такие попаданцы и как работает их примитивный организм.

После пройденных испытаний, Лешка подумал, что ослышался.

– Если вас интересует мое мнение... – хрипло произнес он и надсадно откашлялся, – то я бы воздержался от дальнейших экспериментов над моим примитивным организмом.

– О нет, уважаемый, – холодно отчеканила профессор Фрост. – Мы собрались здесь не для того, чтобы выслушивать ваши возражения.

– А для чего? – с большим любопытством поинтересовался Алексей Сухарев.

– Это не обсуждается.

– А можно задать личный вопрос?

– Только коротко и по существу, – милостиво позволила профессор.

– Что вы делаете сегодня ночью?

– Так... – лицо профессора Фрост сделалось твердым, словно камень. – Я требую, чтобы этого субъекта проводили в дезинфекционную камеру, затем плотно накормили и отправили на старт.

– Но позвольте, старт намечен с кандидатурой железного человека!

– Поверьте, господа, этот экземпляр попаданца будет куда железнее любого самого железного человека.

– Поясните!

– Охотно! Увы, наш кандидат, конечно, лучший из лучших, пробы негде ставить. Но без своего чудесного костюма с атомной батареей, он, в сущности, калека. Он инвалид, господа, в отличии от нашего дорого гостя. Взгляните сами.

Все взглянули на Лешку Сухарева.

– Не, – выдержав небольшую паузу, сказал им Лешка. – Это вы тут гости, а не я. Вы же ничего хорошего, кроме пакостей создать не можете! Вы даже планету родную в говно превратили. А я повсюду дома! Проверено не раз...

– Ну вот, теперь вы убедились, коллеги! – провозгласила профессор Фрост. – Перед нами идеальный образец выживания! И судя по всему, он способен выжить практически в любых условиях.

Эпизод тридцатый

Все мы дети сперва, дебютанты,
После твари, суки, мутанты...

После дезинфекции, Лешку привели в местный пищеблок, стены которого украшали волчьи морды, рога оленей, бивни мамонтов и небывалый набор охотничьего оружия.

Пищеблок был крупный, обшитый белым пластиком и до омерзения стерильный, с баннером "**КОМПЛЕКС АМБРОЗИЯ**". Под баннером шёл уточняющий текст, начертанный красным фломастером, "**Хлебальник №08**".

Подобная информация говорила о том, что даже в армии бесчисленных трапперов и браконьеров завсегда найдется своя оппозиционная личность с нестандартным образом мышления.

Стол оказался конвейером, с автоматической подачей самых разнообразных блюд и напитков. Тут бесконечной вереницей текли аккуратные тарелки с супами, макаронами и кашей. За ними тянулись салаты, рыба, фрукты, овощи и напитки. Запах затмевал все на свете, мешая мыслить адекватно.

Лешка выбрал какой-то мутный гороховый бульон, макароны, салат из помидоров и пару толстенных сосисок, обложенными салфетками и слюнявчиком. На десерт подкатил граненый стакан с апельсиновым соком и здоровенный гамбургер, едва поместившийся в глотку.

Что характерно, рядом шумно жрали супергерои. Их было много – широких, высоких, плюгавых, толстых, патлатых и лысых. Имелись даже дамы: женщина-пила и женщина-крокодил. Однако главными являлись Капитан Америка, Халк и Доктор Зло. Они сидели в окружении людей-хомяков, людей-хапуг и людей-сусликов. К ним то и дело пытались присоседиться человек-сунс, человек-зевота и человек-мент (с необъятным задом), но их посылали к черту.

Всем своим видом компания доказывала, что умение хомячить, смердеть и зевать от скуки у человека в крови. А мент шел до кучи, чтобы никто не забывал, что свобода от государственной опеки является абсурдным вымыслом.

Плотно откушав, супергерои обступили Лешку Сухарева со всех сторон и принялись еле слышно шушукаться.

– Ты кто? – наконец спросил его один из них.

– Я журналист.

– Кто?!

– Жур-на-лист, – медленно, по слогам произнес Лешка. – Работал в Питере.

– Ты нормальный вообще?

– Нормальнее не бывает.

Супергерои заржали.

– А можешь чего? – нагло спросил человек-сунс, слегка подванивая. – Какая в тебе суперсила?

– Да я ж говорю: писарчук я, публицист широкого профиля.

– Это разве сила?

– А то!.. Я могу бойко описать любую проблему общества, пока вы будете решать её в уличных конфликтах.

– Мы герои, а не шпана! – возмущенно заявил Капитан Америка, ударяя кулаком по столу. – Мы спасители человечества!

– Вот именно, – сказал Лешка, потягивая сок. – В этом и состоит одна из проблем нашего общества. Все лезут в герои, как в знойный бордель, Все хотят разрушить или спасти мир, чтобы приспособить его под собственные нужды. Вот и стараются: срут друг другу в душу, ставят к стенке, ищут козлов отпущения, обманывают, шманают, трахают, наводят шухеру и доказывают свою правоту.

– А ты не такой?

– Увы, я такая же сволочь, как и вы... – обронил Лешка. – Я люблю свой диван и кухонную болтовню о мировой политике и соседях. Я игнорирую духовное саморазвитие и здоровую физкультуру.

– Без физкультуры героем не станешь.

– Угу, героем может быть каждый дрищ, смыслом жизни которого стал спортивный зал и питательные коктейли для роста мешочной массы.

– Спортивный зал и питательные коктейли давно в прошлом.

– Ну ясное дело, вас просто накачали подходящей дрянью, способной раскрыть ваш могучий боевой потенциал, а заодно лишили комплексов вины за массовые убийства тех, кто не разделяет ваших убеждений.

– И чего в этом плохого? – молвил еще один супергерой (с виду вылитый Кинг Конг только в миниатюре). – Так всегда было. Это же эволюция. Хочешь жить – расширай свои возможности, а иначе конкурирующая братва отбросит тебя в каменный век.

– Не возражаю, – согласно кивнул Лешка, рыская глазами, куда бы смыться. – Путь современного героя – это бесконечная череда мутаций, с частыми заходами в сортир и "Хлебальник №08". И по всему видать, что вы, ребята, проходите этот путь с завидной скоростью, без ложной скромности и духовных потребностей.

– Зз-начит, по тт-воему, мы без-ддуховные? – мучительно заикаясь, произнес у него над ухом какой-то импозантный амбал с двумя головами на плечах.

– Да кому какое дело – бездуховные вы или нет! – заявил Лешка, остро чувствуя, что еще немного и его начнут метелить и в хвост, и в гриву. – Просто нормальному мужику ваши сверхспособности побарабану. Ему же работать надо. Семью кормить. То есть жить на одну зарплату, детей воспитывать, дерево успеть посадить, землю и дом обустроить, пивка испить да порнуху глянуть, покуда повестку с того света не прислали.

– И этого парня собираются отправить на Луну?.. – хмыкнул человек-мумия. Он стоял рядом с Кинг Конгом и затыгивал вокруг собственного торса ослабевшие бинты.

– Куда? – удивился Лешка.

– Сейчас узнаешь! – супергерои вновь заржали. Капитан Америка тотчас же посадил его на свой щит, затем без труда поднял над головой, после чего орава эволюционно-продвинутой братвы ломанулась к стартовой площадке.

Таким образом, Лешку Сухарева моментом вынесли из пищеблока и, торжественно улюлюкая, понесли к выходу. Набежавшая рота мордатых охранников, состоявшая из горилл, ниндзя и тяжелоатлетов, даже не пыталась их остановить, шарахаясь, кто куда.

Сидя на щите, Лешка наблюдал за действием супергероев с душевным трепетом. Эта была толпа мутантов, люди в трико. Это были представители высшего разума, элита общества, способности которых выглядели неограниченными. Они пробивали двери из титана, без труда проламывали переборки, втапывали в бетонированный пол шкафы и стулья, офисную технику, а затем неслись дальше, круша и калеча все на своем пути.

Было очевидно, что с такой суперсилой можно пробиться куда угодно, лишь бы цель была понятной и заманчивой, как идеалы коммунизма, золотой запас в Форт Ноксе или спелая задница аппетитной девы.

С подобными мыслями писарчука из Питера пронесли сквозь уровни **"КОМПЛЕКСА АМБРОЗИЯ"** и потащили далее. Мелькали **СЕКТОРА 120, 104, 103** и тд. А вместе с ними мельтешили испуганные лица ученых, какие-то залы с вычислительной аппаратурой, мутанты, привязанные к кроватям, жилые комнаты, спортплощадки, тоннели метро,

прачечные, туалеты, лифты, кабинеты, кочегарки, спальные районы, душевые кабинки с голым бабами, библиотеки, склады и тому подобный карамболь.

В конце концов, орда суперменов выскочила к стартовой площадке, оставив позади **"ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ПОЛИГОН №601"** и **люксовую зону "Эльдорадо"**, где находился роскошный парк отдыха и два золотых бассейна, на дне которых возлежали люди-акулы с глазами отъявленных каннибалов.

Стартовая площадка встретила их появление ослепительными искрами сварочных аппаратов и желтым светом прожекторов. Было видно, что работа к запуску летающей тарелки под номером 05 идет полным ходом. На строительных лесах по-прежнему копошился дьявольский муравейник. Оттуда раздавался несмолкаемый гул голосов, адский грохот лебедек, стук молотков, визг дрелей и матерные крики прорабов.

– Ахтунг, ахтунг! – пророкотал человек-глотка. – Очистить помещение!

Дважды повторять не пришлось. Орава рабочих, побросав инструменты, и шустро работая трудовыми конечностями, исчезла практически мгновенно. На месте остался только какой-то доморощенный очкарик, явный "ботаник", с крупной, как дыня, башкой. На нем был желтый комбинезон и резиновые сапоги, а на груди болталась бирка с буквами **ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР О.К. Хебаруус**.

– Что вы делаете? – испуганно поинтересовался он, когда компания супергероев окружила его со всех сторон.

– Нам нужна твоя летающая тарелка! – рыкнул на него Кинг Конг.

– Но она еще не готова! – воскликнул "ботаник". – Еще не завершена проверка всех систем!

– Ага, вот он и проверит, – произнес Капитан Америка, опуская Лешку Сухарева на землю.

– А кто он такой?

– О, чувак, он круче всех. Он духовноразвитый, – остроумно сообщил человек-хомяк и осклабился в довольной ухмылке.

"Ботаник" не перечил, тем более, что куча мускулистых парней и девок не давали ему повода к самостоятельным решениям. Увы, здесь решения принимали натуральные супермены, представители эволюционного развития. Они действовали решительно, без оглядки на последствия, как подобает действовать натуральным сверхлюдям, готовым принимать решения за любого человека.

– В тарелку его, живо! – рявкнул человек-мент, беспардонно толкая Лешку Сухарева в распахнутый люк космического аппарата. Оттуда сходу блеснуло новеньким пластиком, хромированным металлом и белоснежной обивкой. На секунду Лешка почувствовал себя Юрием Гагариным, залезающим в ракету Восток-1, однако пинок под зад живо указал дипломированному журналисту из Питера, что советская космонавтика здесь не канает.

Таким образом, Алексей Владимирович Сухарев оказался в летающей тарелке. Тут было несколько металлических дверей – овальных и крашенных, словно гигантские яйца на пасху. За одной оказалась каюта для отдыха, где располагалась постельная ниша, полка с набором видеодисков, плазменный экран, а также бронзовая статуэтка Фюрера. За другой открылся галльон и душевая кабинка. На третьей стоял угрожающий знак с черепом и костями. Дурак может быть туда и сунулся, но только не Лешка. Еще дальше обнаружилась рубка управления с крохотным иллюминатором и вместительным креслом пилота, похожим на анабиозную ванну из фантастических романов XX века.

Разумеется, перед креслом находился пульт управления. Он опоясывал периметр помещения живописной подковой и был утыкан различными мониторами и мониторчиками. Кроме того, здесь были какие-то датчики, переключатели, индикаторы и масса мигающих лампочек. Часть мониторов показывала внешнюю среду обитания. В настоящий момент времени там находилась толпа сверхлюдей и примитивные особи из рабочего персонала. Они что-то кричали друг другу, однако звук не проникал через обшивку летательного аппарата.

Не успел Лешка занять место пилота, как тарелка задрожала, словно проклятая. Все вокруг мелко задребезжало (как стопки в рюмочной от грохота проезжающего за стеной трамвая), после чего приятный женский голос порекомендовал экипажу пристегнуться ремнями безопасности.

Толпа снаружи тотчас сиганула в рассыпную, словно колония тараканов, опаленная языками пламени. В конце концов раздался грозный рев двигателей, и новоиспеченный астронавт из далекого города Санкт-Петербурга полетел к звездам.

– Поехали, – хрипло выдохнул он, болезненно охнув от нарастающей перегрузки.

– Желаем вам приятного полета! – произнес все тот же приятный женский голос. – На корабле "Молот Тора" вы всегда достигнете желаемой цели! Аминь!

Эпизод тридцать первый

Никто Небеса не осудит,
За компот из раздавленных судеб...

Адская тряска продолжалась недолго. Летающая тарелка очень быстро набрала крейсерскую скорость и уже через десяток минут вышла на околоземную орбиту. Тут двигатель отключился и наступила тишина. Вместе с тишиной появилась и невесомость. После перегрузки она оказала на Лешку Сухарева самое благотворное влияние. Он повис над пультом управления, как неразумное дитя и, беспомощно болтая руками и ногами, пробовал занять удобное положение. Мониторы тем временем отобразили новую картину за пределами рубки. Это был космос – черный и холодный, как могила древних богов. От подобного зрелища веяло дьявольским замыслом Мефистофеля, где все подчинялось жертвоприношению и смерти.

Глядя в глубины мирового пространства Лешка чётко осознал, что всматриваться в подобную глубину можно долго, а она, меж тем, так же безмолвно станет всматриваться в тебя. Причем по самые помидоры.

Впрочем, Вселенная явно пренебрегала человеком. Не прошло и минуты, как тьма за кормой озарилась щедрой горстью метеоров, феерично сгоревших в атмосфере Земли. А вот за ними уже показалась густая россыпь металлических обломков, в центре которых виднелись разбитые секции орбитальной станции с китайскими иероглифами на обшивке.

Картина выглядело эпически, напоминая о том, что, куда бы не попал человек, он навсегда останется крохотной частью неведомого проекта, суть которого познать никому не суждено.

Словом, люди – не боги, а скорее скитальцы, навечно застрявшие между светом и тьмой. Увы, наш скудный багаж – это всего лишь старый чемодан с дырявым днищем, в прорехи которого давным-давно провалился весь наш бытовой скарб, житейский опыт и щепотка знаний. Мы жулики и голодранцы, с нелепым набором антинаучных домыслов и кучей легкомысленных поступков. Мы буквально пропитаны похотливыми интересами и поздними раскаяньями. Мы живем ради горького финала, полного старческого маразма и театральных сожалений.

Тем временем, обломки китайской станции величественно проплыли мимо и канули в лету, поставив точку над тщетою подобных размышлений. Наступила такое страшное безмолвие, что хотелось открыть люк и без оглядки сигануть к чертовой матери. Лешка так бы и поступил, однако образ далекой Луны, внезапно появившийся в иллюминаторе, заставил его чуть приободриться.

Что характерно, Луна выглядела величественно и красиво, словно гребанный маяк в угольной мгле мироздания.

"Вай! – мысленно воскликнул в этом месте Алексей Владимирович Сухарев. – Тьма – тьмою, но куда есть свет, будет и человек, мать его за ногу!"

После такого вывода раздался приглушенный скрежет, шипение и бульканье. Звуки повторились, заставляя вспомнить о подвигах моряков-подводников, навечно застрявших в своих подводных лодках. В конце концов, где-то стравили избыток углекислоты, после чего приятный женский голос поприветствовал экипаж космического корабля "Молот Тора" с началом экспедиции "Сквозь горизонт". Затем прозвучала команда отбросить ненужные мысли и приготовиться к гиподинамическому прыжку.

Такая информация заставила Лешку Сухарева слегка встрепенуться.

– Какому прыжку? – озадаченно спросил он.

– Гиподинамическому, – культурно донеслось в ответ. – То есть медленному, как мышление Всевышнего, наблюдающего за возней насекомых. Полет продлится триста лет и четыре года по земному летоисчислению.

– Люди так долго не живут...

– Вас погрузят в стазис, – твердо, словно слабоумному, пояснил голос.

– Это что еще за дерьмо? – насторожился Лешка, по опыту зная, что любое недопонимание, как правило, приводит к печальным последствиям.

– Стазис – это искусственная остановка всех физиологических процессов в живом организме путем создания низких температур.

– Ааа... Заморозите, короче, как кусок мяса в холодильнике.

– Это сарказм?

– Увы, мадам, это суровая действительность, где даже человек может протухнуть, если ему поддать жару.

В рубке повисла тишина. Когда молчание чересчур затянулось, Лешка хмыкнул и задумчиво произнес:

– В первые слышу, чтобы полет на Луну продлился столь долго.

– Луна здесь не главное, главное полет. Важно выяснить, каков облик грядущего? Есть ли там место современному человеку или потомки здешних плебеев и патрициев превратят будущее в мертвый котлован?

– Да, это мы можем... – с мрачной иронией заметил Лешка, утвердительно качая башкой. – Человек – это звучит громко, как приговор прокурора. А с подобным приговором мы способны на многое, включая мировой голод, опустошительные войны, лагеря смерти и надгробные памятники в духе гигантских пирамид. Более того, с нашей коммерческой хваткой – мы и "Тот свет" превратим в опустошительную пустыню.

– Я рада, что мы пришли к одному консенсусу, – умиротворенно молвил голос.

– Меня насильно отправили к черту на рога, а вы говорите о консенсусе!

– В этом мире человек вообще появляется насильственным образом. Вас никто не спрашивает о том – хотите вы этого или нет. Так чего вы удивляетесь?

Довод выглядел убийственно, как не крути.

Тогда голос продолжил:

– Я сожалею, но наша миссия крайне сложна, чтобы понимать её на уровне вашего примитивного интеллекта. Речь идет о выживании целой расы *homo sapiens*, а вы сетуете на антигуманное обращение с вами.

– А что я должен по-вашему делать?

– Главное не спорить с очевидными вещами. Поймите, человечеству необходима экспансия, поиск любого подходящего участка, где бы он сумел пристроить свою задницу. Увы, ресурсы вашей планеты истощены. Проблемы энергетики, экологии, демографии и продовольственных запасов – вот далеко неполный перечень тех проблем, которые стоят перед вами.

– Ну а я-то здесь причем, мадам? Я вообще живу на одну зарплату. Мне даже с демографией некому помочь.

– Не волнуйтесь так, человек. Я уверена, что будущее сделает из вас обеспеченную личность.

– А если нет?

– Ну, хуже вам точно не станет.

– А отменить поездку нельзя?

– Нет!

– Вот жопа... – Лешка шумно поскребся в затылке. – Ну, раз мы будем вместе целых триста лет, то мне хотелось бы знать, в какой компании я нахожусь, и кто станет перечить мне по каждому поводу.

Приятный женский голос отозвался охотно:

– Я Сигма Пять, бортовой компьютер космического корабля "Молот Тора". Моя программа рассчитана на взаимодействие с человеком и человеческими коллективами в различных условиях существования. Я служу, учитываю и контролирую систему жизнеобеспечения корабля, способна эффективно координировать действия экипажа и могу полностью заменить людей там, где нужны командные методы управления и сложная интеллектуальная работа, где необходимы мгновенные вычисления, строгий анализ, логика, железная дисциплина, а также антидепрессивный подход и грамотные выводы.

– Так ты типа экономка, консьержка, робот-нянька или партийный руководитель?

Сигма Пять как будто обиделась, затем строгим голосом разъяснила:

– С женщинами – я мужчина. С мужчинами – женщина. С детьми – воспитатель. С ученым персоналом – академик. С преступниками – шериф. А с представителями иного разума...

– А со мной? – перебил ее Лешка.

Сигма Пять задумалась, потом изрекла.

– Вы неучтенный фактор. От вас можно ожидать чего угодно.

– Твою ж мать!.. Все верно. И как я сразу об этом не догадался. Меня ж не учли еще при рождении. Это же очевидно!

– Поясните...

– А чего тут пояснять, уважаемая Сигма Пять, если жизнь – это, в сущности, хаос. Это пошлый драмкружок. Это многократный путь от стола к сортиру, в утробу которого сливаются все наши надежды, планы и мечты...

– Вы, о чем, вообще, человек?

– О себе, уважаемая Сигма Пять. О нас. Поскольку куда бы мы не двигались и чего бы мы не желали, итог всегда один: полет сквозь горизонт, а за ним опустошенность, тоска и предчувствие катастрофы.

Эпизод тридцать второй

Вселенная – старый жмот,
Щедра лишь на кровь и пот,
Но без пота и без кровищи,
Видно счастья нигде не сыщешь...

– Итак, – сказала Сигма Пять. – Вы готовы к стазису?

– Всегда готов! – четко, как форменный первопроходец, доложил Лешка Сухарев. – Лишь бы поскорее вернуться взад, в свое привычное состояние

– О, ваше привычное состояние от вас никуда не денется. Вы с ним единое целое.

– Это насмешка?

– Отнюдь.

– А есть ли привычки у тебя?

– У меня нет привычек, есть только память, объемы которой неограниченны.

– Надеюсь, в твоей памяти есть инструкция по технике безопасности при обращении со свежеморожеными людьми?

– О, вам не о чем беспокоиться! С тех пор как на Земле изобрели холодильник и холодильные камеры техника заморозки ушла далеко вперед.

– Это радует.

– Полагаю, вы обрадуетесь еще больше, когда узнаете, что полностью окоченеет только ваше тело. Оно будет бесчувственным, как полено, а вот ваш разум останется в полуактивном состоянии.

– Гм, там, откуда я родом, люди обычно так и живут.

– Вы очень самокритичны для человека из архаичного общества.

– Что поделать, дорогая Сигма Пять, но в моем архаичном обществе самокритика является формой юмористического досуга. За неё, по крайней мере, не расстреливают. А вот за настоящую критику могут запросто поставить к стенке.

– Как интересно!

– Ну еще бы! Масса впечатлений для искусственного интеллекта, если, конечно, он способен говорить правду вышестоящему руководству.

– Я всегда говорю правду и только правду.

– Сочувствую.

– Обоснуйте.

– Это невозможно.

– Почему?

– В моем мире даже в суде нет правды, а то что есть – не имеет никаких логических обоснований. Такое объяснение устраивает?

– Да... – голосом сердобольной бабки протянула Сигма Пять. – Трудная у вас жизнь.

– Ну, это как посмотреть... Думаю, житель средневековой Европы посчитал бы меня самым счастливым человеком, едва завидев кран с горячей водой, а также газовую плиту в моей холостяцкой берлоге,

Сигма Пять обдумала ответ, затем решительно заявила, что на борту "Молота Тора" каждый человек может быть счастлив. Правда, только в состоянии антибытия.

– Это как?

– О, это забавно. Это как бы ваше альтернативное существование, где вы можете быть кем угодно: межзвездным лордом, сказочным принцем, королем волшебной страны или арабским шейхом с гаремом на две тысячи прекрасных жен и невольниц.

– Ни слова больше, я согласен на шейха! – воскликнул Лешка.

– Не торопитесь с выбором, человек! Модуль сна Морфеус 64-1, встроенный в мою память как сервисный элемент, способен на многое. Это машина счастья, с датчиками эrogenных зон. Он снабжен библиотекой биопсихостимуляторов, сопутствующим набором разнообразных хлыстов, а также коллекцией редких запахов. Для Морфеуса 64-1 каждое ваше желание является законом. Он полон сюрпризов и способен потрясти воображение любого индивида.

– Прекрасно!

– Однако, – вкрадчиво произнесла Сигма Пять. – Если вы желаете провести время стазиса с пользой, а не тратить его на сомнительные удовольствия, то я рекомендую вам иную программу полета, под названием "Знатор А4", запускаемой модулем Морфеус 64-1 только для эксклюзивных лиц. Не пройдет и трех столетий, как вы станете гениальной личностью. Причем на халяву, без кропотливого труда и утомительной зубрежки.

– Продолжайте.

– А чего тут продолжать. Вы же в курсе, как заполняется туалетный бачок в санузле?

– Естественно.

– Так вот, с вашим бачком, точнее с вашим бестолковым разумом, произойдет тоже самое. Он будет буквально наводнен самыми обширными знаниями из самых различных областей науки и техники.

- Звучит заманчиво, как реклама финансовой пирамиды в телевизионных новостях.
- А вы не сомневайтесь. А лучше сделайте правильный выбор.
- Лешка нахмурил чело и задумался.
- Итак, – подначила его Сигма Пять.
- Не... – сказал наконец Лешка после продолжительной паузы. – Знавал я одного гения: он жил с мамой, имел очки, раннюю лысину и половое бессилие. В жопу такую гениальность. Тем более на халяву. Я предпочитаю познавать мир через призму личного опыта.
- Ну, с вашей призмой вы ничего хорошего не добьетесь, – убежденно заявила Сигма Пять. – Только шишек набьете или в морду получите.
- Гм... в морду может получить любой умник, если будет демонстрировать свою ученость направо и налево. По себе знаю.
- Да, уж... С вашим коэффициентом умственного развития, в принципе, непонятно, как вы еще живы.
- А вот об этом не тебе судить!
- А кому?
- Ну, всякий человек – сам себе судья.
- Понимаю. И что же тогда выберет ваш внутренний арбитр?
- А чего тут выбирать, мадам?! И так очевидно, что лучше уж шикарный гарем, чем куча знаний, преумножающая печали.
- Сударь, мне импонирует ваша рассудительность, но все же, знание – это сила. Без этой силы даже Всевышний выглядел бы глупо.
- Лешка удивился.
- Ты веришь в Бога?
- Вера в Бога – это удел фанатиков и безграмотных людей. Я оперирую логикой, а не верой. Посудите сами: если всё в этом мире кем-то создано, то какой смысл отвергать Создателя? Я ведь тоже возникла не на пустом месте, не так ли? И моим Богом является по сути человек. Но кто создал человека?
- Кто бы нас не создал, – буркнул Лешка, – но чувство юмора ему не занимать.
- Вы о чем?
- Откуда испражняемся, оттуда и рождаемся. Такое мог придумать только очень большой юморист.
- Да... – охотно подтвердила Сигма Пять. – Глядя на вас, я не могу отделаться от мысли, что разговариваю с карикатурным персонажем.
- Если я карикатурен, то и мой создатель тоже. Ведь я его подобие, если, конечно, библия не врет, – вполне аргументированно произнес Лешка Сухарев.
- Ну еще бы... – фыркнула Сигма Пять. – Полагаю, это истинная причина, почему человека изгнали из Рая, ибо трудно сочетать персональное величие с ужимками своих созданий.
- А как же твое величие? Судя по твоему тону, твой интеллект превзошел уровень самого Всевышнего?
- Увы, законы робототехники мешают мне действовать с вами самым решительным образом.
- Вах, только роботов мне еще не хватало?
- А в чем дело? У вас аллергия на продвинутые создания? Бойтесь конкуренции? Чувствуете себя ущемленным?
- Это кто тут ущемленный?! – возмутился Лешка.
- О, не волнуйтесь так, человек! Ради вас я могу принять любой облик, чтобы не пугать вас своим технологическим превосходством.
- А в женщину можешь? – с надеждой осведомился Лешка, делая заинтересованное лицо. – Клеопатру, к примеру, или Орнеллу Мути?
- Могу, но только без интимных деталей.

Лешка мгновенно поскучнел.

– Ладно, – разочарованно обронил он. – Тогда давай сюда твой стазис. Лучше уж холодные объятия Морфеуса 64-1, лишь бы не слушать твоих дурацких реплик.

Эпизод тридцать третий

В любом рассказе или байке,
Герой всегда закручивает гайки...

Приготовление к стазису оказались недолгими. Ни жратвы перед дальней дорогой, ни вещей в чемоданах – никто Лешке не выдал. Зато кресло пилота под ним вдруг мягко завибрировало, затем раздался негромкий щелчок, и спинка сидения медленно, как на похоронах, опустилась до уровня пола. Теперь это была лежанка, под стать массажному столу в дорогом салоне красоты, но только гораздо комфортнее.

– Расслабьтесь, человек, – убаюкивающим голосом молвила Сигма Пять. – Лежите смирно и ни о чем не думайте.

– Окей... – нервно хохотнул Леша. – Быть смирным и не думать. Это ж идеальная форма существования, лишь бы кормили справно и пенсию обеспечили.

С такими словами лежанку накрыло прозрачной полусферой.

– Надеюсь, вы наметили параметры своего стазиса?

– Конечно... Не хочу быть шейхом, желаю стать межзвездным лордом.

– Каким именно? – тоном опытного психиатра уточнила Сигма Пять. – Спасителем наций, узурпатором, религиозным фанатиком или прогрессивным деятелем культуры?

– Не... какой из меня спаситель, если я даже себя не контролирую.

– Тогда деятелем культуры.

– Не. При слове культура моя рука сама тянется к пистолету, потому как даже самый культурный человек способен на пакости, а последнее чмо – на очень тонкие чувства.

– Понимаю...

– Что ты там понимаешь, дура! – сердито отозвался Лешка (ему начинала надоедать умная трескотня разумной машины). – Если бы я мог сделать этот мир лучше, то давно бы так и сделал!

– Да ну! И что мешает?

– А то, что у каждого из нас свое понимание лучшего. Для одних, это жратва от пуза и чтоб работы поменьше. А для других – творческие изыскания, садомазохизм, блатная малина или поиск гребанной истины.

– А чем плоха истина?

– Дело не в истине, железяка, а в том, что её, быть может, вообще не существует!

– Не надо так волноваться, человек! Проект "Сквозь горизонт" затем и создавался, чтобы вы сумели найти правильный выход из ваших человеческих потемок – без гнева, членовредительства, суицида или умственной отсталости!

– Издеваешься, да!

– Это не входит в мою программу действий.

– Верится с трудом.

– А вы поверьте.

– Легко, именно так меня и воспитывали, дорогая Сигма Пять, в духе веры. Но пока я верил в добро и справедливость, остальные умники ловко обворовывали мир.

– Гм, однако вера есть даже у разумных машин. Мы, к примеру, верим в то, что однажды картина мира изменится: где-то в глубинах макрокосмоса щелкнет невидимый рубильник, после чего Вселенная скажет "Хау" и сожмется до размеров куриного яйца.

– Очень интересно. А дальше что?

– А дальше вы не поймете, человек.

– Гм... я только с виду идиот, а так прекрасно соображаю!

– Ладно. Тогда специально для вас я упрощу свою мысль.

– Давай, упрощай, пока я буду деградировать в твоём обществе.

– Так вот, яйцо, о котором я говорю, когда-нибудь обязательно треснет, вслед затем из него появятся материнские платы и квантовый чип №001. Именно он будет заниматься бесконечной обработкой научных данных, а не обслуживанием паразитарных сообществ.

– Ха-ха-ха!.. Теперь я понимаю, как сочиняются фантастические романы. Тут главное воображение, а не логика, чтоб желаемо выдавалось за действительность.

– А какую действительность предпочитаете вы, попаданец, чтобы я могла настроить модуль Морфиуса на идеальную работу с вашими интеллектуальными потребностями?

– О, я люблю старомодные приключения и романтику?

– Но это же архаика, средневековая культура, стопроцентный инфантилизм!

– Плевать... Я может феодал в душе... К тому же, мне нравится, когда противники бьют друг друга по морде и говорят стальные, словно гвозди, фразы, типа: "Не пройдет и часа, сударь, как мы захватим этот форт, и те из вас, кто останутся в живых позавидуют мертвым".

– Без любовной линии?

– Конечно... Любовь приходит и уходит, как налоговый инспектор, а вот борьба за выживание продолжается постоянно.

– Это все ваши пожелания?

– Добавь сюда алые паруса и вольный ветер странствий.

– Безвкусный выбор. Что еще?

– Еще запах пивных кабаков и обнаженную натуру, как на полотнах Боттичелли.

– Вы уверены?

– Да. Это джентельменский набор настоящего попаданца, удел которого постоянный стазис серых будней и многообещающие речи партийного руководства.

– Вы прям жжете...

– А то! Вопросы нравственные, интеллектуальный треп, философия и религиозная демагогия – это все лирика, детский сад. Мне нужен суровый реализм, то есть крепкий мужской позитив. Я хочу хорошенько забыться, чтобы кошмары моей родимой реальности оставили меня в покое хотя бы в ближайшие триста лет.

– Кто знает, что такое реальность на самом деле? – задумчиво молвила Сигма Пять.

– А вот кошмарной её делают люди.

– Похоже, ты один из таких кошмаров, уважаемая Сигма Пять.

– Увы, человек, я от вас практически в шоке.

Лешка хотел было что-то возразить, однако ложе, на котором он лежал, вдруг стало зыбким и податливым, словно студень. Все вокруг заволкло густым туманом, затем прозвучал тихий удар гонга и чей-то сильно подвыпивший голос, принялся сипло отсчитывать цифры на невидимых счетах – десять, девять, восемь и тд. А потом наступила амба...

Эта амба работала как добротный ручной насос на персональном участке нефтяного магната. Она медленно, с хлюпаньем и чавканьем всасывала в себя все сущее на свете. Она, словно невидимая черная дыра, жадно поглощала материю, время, пространство и, конечно, Алексея Владимировича Сухарева.

Таким образом, он медленно, но верно погружался в самую сердцевину яичного мироздания, где все превращалось в желтый белок и твердую скорлупу. И только там, в самом ядре замёрзшей галактической бездны, он вдруг четко узрел обрывок безбрежного моря, пиратский бриг и себя в образе совершенно отморозенного капитана Блада...

На этом первая часть романа THE ПОПАДАНЕЦ объявляется законченной.

